

Лиза Клейпас
Дьявол во плоти
Серия: Рэвенелы - 7

Название: *Devil in Disguise* / Дьявол во плоти

Автор: *Lisa Kleypas* / Лиза Клейпас

Серия: *The Ravenels*, # 7 / Рэвенелы - 7

Объем книги: 38 глав и эпилог

Дата выхода в оригинале: июль 2021

Переведено специально для группы: [Любимая писательница - Лиза Клейпас](#)

Переводчик: Анна Воронина

Редакторы: Ленара Д., Елена З. и Марина Д.

Оформление: Асемгуль Б.

При копировании перевода, пожалуйста, указывайте переводчиков, редакторов и ссылку на группу!

Аннотация

Автор бестселлеров по версии "Нью-Йорк Таймс" Лиза Клейпас возвращается с новым захватывающим и сексуальным романом об овдовевшей леди и шотландце в бегах, который, возможно, связан с одной из самых знатных семей Лондона.

«Дьявол никогда не пытается запугать людей. Он лишь искушает, заставляя их ступить на скользкий путь».

Молодая решительная вдова леди Меррит Стерлинг управляет судоходной компанией покойного мужа и знает, что лондонское общество ждёт не дожждётся, когда она оступится. До сих пор она ловко избегала скандалов. Но внезапно на её пути встречается Кир Макрей, владеющий винокурней грубый шотландец, и все разумные планы катятся в тартарары. Сложно найти более неподходящих друг другу людей, чем Меррит и Кир, но между ними вспыхивает непреодолимое влечение.

С той минуты, как Кир Макрей прибывает в Лондон, перед ним встают две задачи.

Первая – не влюбиться в ослепительную леди Меррит Стерлинг. Вторая – не погибнуть.

И пока на обоих фронтах дела оставляют желать лучшего.

Кир не знает, кто и зачем пытается его убить, пока волею судеб не узнаёт, что тайно связан с одной из самых влиятельных семей Англии. В одночасье мир переворачивается с ног на голову, и единственная, кому он может доверять – это Меррит.

Меррит никогда не знала столь всепоглощающей страсти, но Кир Макрей не может предложить ей счастливую семейную жизнь. Когда опасность стучится в двери, Меррит должна сделать всё возможное ради спасения любимого мужчины... и неважно, что он может оказаться самым дьяволом во плоти.

*Посвящается чудесной Элоизе Джеймс,
которая помогла мне пережить 2020 год.
Спасибо тебе, мой дорогой друг!
С любовью,
Л.К.*

Глава 1

Лондон, 1880 год.

– Макрей зол, как затравленный медведь, – предупредил Люк Марсден, входя в кабинет. – Если ты никогда не встречала шотландца в гневе, то тебе лучше подготовиться услышать бранные слова.

Леди Меррит Стерлинг подняла глаза от стола и усмехнулась. С растрёпанными тёмными волосами и здоровым цветом лица, будто обвеянным свежим осенним воздухом, брат считался настоящим красавцем. Как и весь выводок Марсденов, Люк своим худощавым, элегантным телосложением пошёл в мать. В отличие от Меррит, которая единственная из полудюжины братьев и сестёр была невысокой и коренастой.

– Я почти три года управляла судоходной компанией, – заметила она. – Проведя столько лет среди портовых грузчиков, меня уже ничто не сможет поразить.

– Может, и нет, – согласился Люк. – Но у шотландцев есть особый дар к сквернословью. У меня был друг в Кембридже, который знал, по меньшей мере, дюжину разных слов для обозначения мужских яичек.

Меррит улыбнулась. В Люке, младшем из трёх её братьев, ей больше всего нравилось то, что он никогда не пытался оградить её от вульгарностей и не обращался, как с нежным цветком. Вот почему, помимо всего прочего, она попросила его взять на себя управление судоходной компанией покойного мужа, как только обучила всем тонкостям. Он принял предложение без раздумий. Будучи третьим сыном графа, выбор у него был невелик. Как он сам выразился, нельзя заработать на жизнь, картинно сидя на стуле.

– Прежде чем проводить сюда мистера Макрея, – сказала она, – объясни мне, почему он сердится.

– Начнём с того, что корабль, который он зафрахтовал, должен был доставить груз прямо на наш склад. Но портовые власти отказали, потому что все причалы заняты. Так что его просто выгрузили в четырёх милях отсюда, у Дептфордских буёв.

– Это обычная процедура, – проговорила Меррит.

– Да, но груз необычный.

Она нахмурилась.

– Случайно не партия древесины?

Люк покачал головой.

– Виски. Двадцать пять тысяч галлонов ещё нерастаможенного чрезвычайно ценного односолодового виски с острова Айлей. Процесс доставки груза к нам на баржах уже начат, но, говорят, на это уйдёт три дня.

Меррит нахмурилась ещё сильнее.

– Боже мой, но нерастаможенное виски не может пролежать у Дептфордских буёв три дня!

– В довершение всего, – продолжил Люк, – случилось небольшое происшествие.

Её глаза расширились.

– Что за происшествие?

– С подъёмника соскользнула бочка и разбилась о крышу хранилища для транзитных грузов, окатив Макрея с ног до головы виски. Он рвёт и мечет – вот почему я привёл его к тебе.

Несмотря на беспокойство, Меррит прыснула со смеху.

– Люк Марсден, ты собрался прятаться за моими юбками, пока я буду разбираться с этим здоровым, сердитым шотландцем?

– Именно, – без колебаний ответил он. – Тебе же нравятся сердитые здоровяки.

Она приподняла брови.

– Ради всего святого, что ты такое говоришь?

– Ты любишь урезонивать трудных людей. Ты человеческий эквивалент кленового сиропа.

Повеселев, Меррит подпёрла рукой подбородок.

– Тогда пригласи его войти, и я попытаюсь его успокоить сладкими речами.

Нельзя сказать, что она любила урезонивать трудных людей, просто Меррит определённо нравилось, по возможности, сглаживать острые углы. Как старшая из шести детей, она всегда была той единственной, которая разрешала споры между братьями и сёстрами или придумывала игры в доме, когда стояла дождливая погода. Не раз она организовывала полуночные набеги на кухонную кладовую или рассказывала истории, когда они пробирались в её комнату после того, как все легли спать.

Меррит перебрала аккуратную стопку папок на столе и нашла нужную с надписью "Винокурня Макрея".

Незадолго до смерти её муж Джошуа заключил сделку по предоставлению складских помещений для Макрея в Англии. Он рассказал ей о своей встрече с шотландцем, который впервые прибыл в Лондон.

– О, ты должен пригласить его на ужин! – воскликнула тогда Меррит, не в силах вынести мысли о том, что чужеземец путешествует один по незнакомым местам.

– Я так и сделал, – ответил Джошуа с американским акцентом. – Он поблагодарил меня за приглашение, но отказался.

– Почему?

– Макрей немного грубоват, он вырос на отдалённом острове у западного побережья Шотландии. Я подозреваю, что перспектива встречи с дочерью графа – для него из ряда вон выходящее событие.

– Ему не о чем беспокоиться, – возразила Меррит. – Ты же знаешь, мою семью едва ли можно назвать цивилизованной!

Но Джошуа заверил Меррит, что её определение "едва ли цивилизованной семьи" несколько отличается от того, что понимает под этим простой шотландец, выросший в сельской местности, и Макрею будет гораздо проще, если его предоставят самому себе.

Меррит и не догадывалась, что, когда она наконец встретится с Киrom Макреем, Джошуа уже не будет в живых, а она станет управлять "Стерлинг Энтерпрайзис".

Брат подошёл к двери и остановился на пороге.

– Если вы проследуете за мной, – сказал он кому-то снаружи, – я вас представлю, а затем...

Кир Макрей ворвался в кабинет как стихийное бедствие. Проществовав мимо Люка, он остановился по другую сторону стола Меррит.

С насмешливым видом Люк прислонился к дверному косяку и скрестил руки на груди.

– С другой стороны, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, – зачем тратить время на любезности?

Меррит ошеломлённо уставилась на крупного, разъярённого шотландца. Он представлял собой необычайное зрелище: мускулистый мужчина шести футов роста, крупного телосложения, облачённый в тонкую мокрую рубашку и брюки, которые льнули к его коже, словно приклеенные. По его телу пробежала дрожь от раздражения и холода, вызванного испаряющимся алкоголем. Нахмурившись, Макрей снял кепку, обнажив лохматую копну волос, которая уже несколько месяцев нуждалась в хорошей стрижке. Его густые локоны имели красивый прохладный янтарный оттенок с золотистыми проблесками.

Несмотря на свою неопрятность, он был хорош собой. Очень хорош собой. В его глазах цвета сверкающего голубоватого льда светился дьявольский ум, на лице выделялись высокие скулы и прямой нос. Челюсть покрывала рыжеватая борода, возможно, скрывающая слабый подбородок? Меррит не могла определить. Несмотря ни на что, Макрей выглядел потрясающе.

Она и представить себе не могла, что на свете существует мужчина, способный так её взволновать. Меррит же уверенная в себе, практичная женщина. Но игнорировать румянец, обжигающий шею у высокого воротничка платья, или сердце, которое затрепыхалось словно неуклюжий грабитель, топчущий клумбу, было невозможно.

– Я хочу поговорить с кем-нибудь из начальства, – резко бросил Макрей.

– Значит, вам нужна я, – сказала Меррит, выходя из-за стола. – Леди Меррит Стерлинг к вашим услугам. – Она протянула ему руку.

Макрей не спешил отвечать. Его холодные пальцы слегка грубовато сомкнулись вокруг её пальцев.

Волосы на затылке Меррит встали дыбом, а низ живота приятно сжался.

– Мои соболезнования, – хрипло сказал он, отпуская её руку. – Ваш муж был хорошим человеком.

– Спасибо. – Она сделала глубокий вдох. – Мистер Макрей, я очень сожалею о проблемах с доставкой. Я подготовлю все документы, чтобы вас освободили от причальных сборов и пошлин за выгрузку груза в порту, а "Стерлинг Энтерпрайзис" возьмёт на себя расходы за погрузо-разгрузочные работы. И в будущем я позабочусь о том, чтобы для вас всегда было зарезервировано место в день поставки груза.

– Не будет в будущем никаких чёртовых поставок, если меня вытеснят с рынка, – заявил Макрей. – Акцизный агент говорит, что мне придётся немедленно заплатить пошлину за все бочки виски, которые не успеют доставить на склад до полуночи.

– Что? – Меррит бросила возмущённый взгляд на брата, который пожал плечами и покачал головой в знак того, что впервые об этом слышит. Дело было очень серьёзным. Правительство установило строгие правила по хранению нерастаможенного виски, за нарушения которых грозили чудовищные штрафы. Её судходная компания серьёзно пострадает, но дело Макрея просто перестанет существовать.

– Нет, – твёрдо сказала она, – этого не произойдёт. Она вернулась за стол и быстро просмотрела стопку разрешений, квитанций и акцизных бланков. – Люк, виски должны доставить сюда от Дептфордских буёв как можно быстрее. Я уговорю сборщика акцизов подождать по крайней мере до завтрашнего полудня. Видит бог, он многим нам обязан после всех тех одолжений, которые мы оказали ему в прошлом.

– Нам хватит этого времени? – скептически спросил Люк.

– Должно хватить. Нам понадобятся все баржи и лёгкие суда, которые мы только сможем нанять, и все дюжие мужчины...

– Не так быстро, – прервал её Макрей. Решительно хлопнув ладонями по столу, он склонился над ним.

Меррит вздрогнула от этого звука и посмотрела в лицо Макрея, которое оказалось совсем близко. В уголках его глаз пронзительно-голубого оттенка виднелись едва заметные морщинки, оставленные смехом, солнцем и ветренными днями.

– Да, мистер Макрей? – с трудом проговорила она.

– Эти ваши болваны только что вылили на причал сто девять галлонов виски и хорошую порцию на меня в придачу. Будь я проклят, если позволю им уничтожить всё остальное.

– То были не наши болваны, – запротестовал Люк. – А матросы с баржи.

Меррит казалось, что голос брата доносится откуда-то с другого этажа здания. Всё её внимание сосредоточилось на крупном зрелом мужчине.

"Займись работой," – строго сказала она себе, усилием воли оторвав взгляд от Макрея, и обратилась к брату, как Меррит надеялась, профессиональным тоном:

– Люк, с этого момента чтобы ни ноги матросов не было на платформе подъёмного крана. – Она повернулась к Макрею и заверила: – Мои сотрудники имеют большой опыт в работе с ценными грузами. Только им будет позволено загружать ваше виски на кран и складировать его. Больше никаких несчастных случаев, даю вам слово.

– Как вы можете быть в этом уверены? – спросил Макрей, насмешливо приподняв бровь. – Вы сами будете руководить процессом?

Саркастичный вопрос, произнесённый елейным тоном, вызвал у Меррит ощущение дежавю. Что не имело смысла, ведь до этого момента они никогда не встречались.

– Нет, – сказала она, – мой брат проследит за работами от начала и до конца.

Люк вздохнул, когда понял, что она только что поручила ему работу на всю ночь.

– О, да, – едко проговорил он. – Я как раз собирался предложить.

Меррит посмотрела на Макрея.

– Вас это устраивает?

– А у меня есть выбор? – мрачно парировал шотландец, отталкиваясь от стола. Макрей дёрнул на себе влажную, испачканную рубашку. – Тогда давайте займёмся делом.

Меррит подумала, что ему, должно быть, холодно и неудобно, и от него разит крепким односолодовым виски. Прежде чем он вернётся к работе, ему нужно где-то привести себя в порядок.

– Мистер Макрей, – мягко спросила она, – где вы планируете остановиться, пока будете в Лондоне?

– Мне предложили воспользоваться складской квартирой.

– Конечно. – На их таможенном складе имелись небольшие, практичные комнаты для удобства виноделов и винокуров, которые хотели смешивать и разливать свою продукцию по бутылкам непосредственно здесь. – Ваш багаж уже доставили туда?

– Нет, он всё ещё в доках, – коротко ответил Макрей, явно не желая беспокоиться о пустяках, когда нужно столько всего сделать.

– Тогда мы заберём его прямо сейчас, и пусть кто-нибудь покажет вам квартиру.

– Позже, – ответил он.

– Но вам нужно переодеться, – встревоженно сказала Меррит.

– Миледи, я собираюсь работать всю ночь бок о бок с грузчиками, которым плевать, как я выгляжу или пахну.

Меррит следовало закрыть на это глаза. Но она не удержалась и сказала:

– В доках очень холодно по ночам. Вам понадобится пальто.

Макрей пришёл в раздражение.

– У меня есть только одно, и оно друкит.

Меррит догадалась, что “друкит” означает “насквозь промокло”. Она сказала себе, что благополучие Кира Макрея её не касается и что есть дела и поважнее. Но... об этом человеке не помешало бы кому-то позаботиться. Меррит выросла с тремя братьями и прекрасно знала этот угрюмый взгляд и ввалившиеся глаза голодного мужчины.

“Люк прав, – с усмешкой подумала она. – Мне действительно нравятся сердитые здоровяки”.

– Вы же не можете оставить багаж в общественном месте, – резонно заметила она. – Дайте мне всего несколько минут, я принесу ключ и покажу вам квартиру. – Она глянула на брата, который любезно её поддержал.

– Кроме того, Макрей, – добавил Люк, – вы всё равно ничего сейчас не сделаете, пока я не организую людей и не найму дополнительную баржу.

Шотландец ущипнул себя за переносицу и потёр уголки глаз.

– Вы не можете показывать мне квартиру без компаньонки, – твёрдо сказал он Меррит.

– О, об этом не нужно беспокоиться, я вдова. И сама выступаю в роли компаньонки для других.

Макрей выжидающе посмотрел на Люка.

Лицо Люка не выражало никаких эмоций.

– Вы ждёте от меня возражений?

– Вы не запретите сестре уйти одной с незнакомцем? – удивлённо спросил его Макрей.

– Она моя старшая сестра, – сказал Люк, – и мой работодатель, так что... Нет, ни черта я ей не скажу.

– Откуда вы знаете, что я не оскорблю её добродетель? – возмутился шотландец.

Люк слегка заинтересованно приподнял брови.

– А вы собираетесь?

– Нет. Но мог бы.

Меррит пришлось прикусить губу изнутри, чтобы сдержать смех.

– Мистер Макрей, – успокоила она. – Мы с братом оба прекрасно знаем, что мне совершенно нечего вас бояться. Напротив, общеизвестно, что шотландцы – надёжные, и честные, и... и самые благородные люди.

Хмурый взгляд Макрея немного смягчился.

– Это правда, в Шотландии на одного человека приходится больше чести, чем где бы то ни было. Куда бы мы ни отправились, мы несём с собой честь Шотландии.

– Именно, – согласилась Меррит. – Никто не усомнится, что в вашей компании я в безопасности. По правде говоря, кто посмеет сказать хоть одно обидное слово или осмелится угрожать, если вы со мной?

Казалось, Макрей воодушевился этой идеей.

– Если кто-то только попробует, – яростно пообещал он, – я сдеру кожу с этого наглого ублюдка, как с виноградины, и швырну в пылающую кучу навоза.

– Вот видите! – просияв, воскликнула Меррит. – Вы идеальный спутник. – Её взгляд переместился на брата, который стоял за спиной Макрея.

Люк медленно покачал головой и улыбнулся одними уголками губ, а потом беззвучно произнёс:

"Кленовый сироп".

Она проигнорировала брата.

– Пойдёмте, мистер Макрей, мы в два счёта уладим ваши дела.

Кир не мог не последовать за леди Меррит. После того как его окатили восьмидесятиградусным виски в доках, он промёрз до костей. Но эта женщина с лучезарной улыбкой и тёмными глазами цвета кофе казалась самым тёплым созданием на свете.

Они прошли через несколько красивых комнат, отделанных деревянными панелями и украшенных картинами с изображением кораблей. Кир едва замечал интерьер вокруг. Его внимание было приковано к фигуристой женщине перед ним, к её замысловато уложенной причёске, голосу слаще мёда. Как же прекрасно она благоухала, словно дорогое мыло в изысканной упаковке. Кир и все, кого он знал, пользовались обычным жёлтым канифольным мылом, им мыли всё: полы, посуду, руки и тело. Но её аромат не был резким. С каждым движением от шелестевших юбок и рукавов исходил аромат духов, будто от букета цветов, который слегка встряхнули.

Ковёр с красивым узором был достоин висеть на стене. Киру казалось преступлением наступить на него своими тяжёлыми рабочими ботинками. В такой прекрасной обстановке он чувствовал себя не в своей тарелке. Ему не нравилось, что пришлось оставить своих людей, Оуэна и Слораха, на пристани. Некоторое время они смогут обойтись без него, особенно Слорах, который проработал на винокурне отца Кира почти четыре десятилетия. Но именно Кир нёс ответственность за винокурню, и только от него зависело её благополучие. Он не мог позволить себе отвлекаться на женщину, когда необходимо убедиться, что нерастаможенное виски благополучно разместилось на складе.

Особенно на эту. Образованную и благовоспитанную дочь графа. И не просто графа, а лорда Уэстклиффа, чьё влияние и богатство были известны повсеместно. А леди Меррит, владелица судоходной компании, включавшей в себя не только флот грузовых пароходов, но и склады, не уступала отцу.

Как единственному ребёнку в семье, пожилые родители дали Киру лучшее, что могли себе позволить, но литература и культура не входили в число его сильных сторон. Он находил красоту во временах года и штормах, в долгих блужданиях по острову. Он любил рыбачить и гулять со своей собакой, и ему нравилось изготавливать виски, этому ремеслу научил его отец.

Он был приверженцем простых и понятных удовольствий.

Леди Меррит, однако, не относилась ни к тем, ни к другим. Она была совершенно иным видом удовольствия. Роскошью, которой следует упиваться, но не таким мужчинам, как он.

Хотя это не мешало Киру представлять её, раскрасневшуюся и податливую, в своей постели. Вообразить, как её тёмные волосы шёлковым покрывалом ложатся на его подушку. Он хотел слышать, как со своим благородным произношением она умоляет его о разрядке, пока Кир медленно и неспешно в неё вонзается. К счастью, она понятия не имела о непристойном ходе его мыслей, иначе бы с криками убежала.

Они пришли в просторную комнату, где перед печатной машинкой на железной подставке сидела светловолосая женщина средних лет в очках.

– Миледи, – поприветствовала женщина, поднимаясь на ноги. Её взгляд скользнул по Киру, отметив его неопрятный вид, влажную одежду и отсутствие пальто. Уловив сильный запах виски, она лишь дёрнула носом. – Сэр.

– Мистер Макрей, – проговорила леди Меррит, – это моя секретарша, мисс Юарт. – Она указала на пару изящных кожаных кресел перед облицованным белым мрамором камином. – Не хотите ли присесть вон там, пока я с ней переговорю?

Нет, не хочет. Вернее, не может. Прошло уже несколько дней с тех пор, как он в последний раз нормально отдышал. Если он присядет хоть на несколько минут, его одолеет усталость.

Он покачал головой.

– Я постою.

Леди Меррит посмотрела на него так, словно он и его проблемы интересовали её больше всего на свете. Скрытая нежность в глазах этой женщины могла растопить ледник в разгар зимы.

– Может быть кофе? – предложила она. – Со сливками и сахаром?

От одной мысли о нём у Кира чуть не подкосились колени.

– Да, – поблагодарил он.

В мгновение ока секретарша принесла маленький серебряный поднос с кофейным сервизом и фарфоровой чашкой на ножке. Она поставила его на стол, а леди Меррит налила кофе и добавила сливки и сахар. За Киrom так не ухаживала ни одна женщина. Он придвинулся поближе, загипнотизированный грациозными движениями её рук.

Она протянула ему чашку, и он обхватил её пальцами, наслаждаясь исходившим от неё теплом. Однако, прежде чем сделать глоток, Кир осторожно осмотрел выступ в форме полумесяца на краю чашки.

– Чашка для обладателей усов, – объяснила леди Меррит, заметив его замешательство. – Эта деталь защищает верхнюю губу джентльмена от пара и не даёт воску для усов растаять и стечь в напиток.

Кир не смог сдержать улыбку, когда поднёс чашку к губам. Его собственная растительность на лице была коротко подстрижена и в воске не нуждалась. Но он видел, какие пышные усы украшали состоятельных мужчин, у которых каждое утро находилось время вощить и закручивать кончики в жёсткие маленькие завитки. Очевидно, мода требовала изготовления для них специальных чашек.

Кофе был густым и крепким, возможно, лучшим на его памяти. Настолько вкусным, что Кир выпил его весь за несколько глотков. Его мучала чересчур сильная жажда, чтобы неспешно потягивать кофе как джентльмен. Он смущённо начал ставить чашку обратно на поднос, решив, что было бы невежливо просить добавки.

Не спрашивая, леди Меррит снова наполнила его чашку и добавила сахар и сливки.

– Я вернусь через минуту, – сказала она и отошла посоветоваться с секретаршей.

На этот раз Кир не стал спешить, а затем опустил чашку на поднос. Пока женщины разговаривали, он медленно вернулся к столу, чтобы взглянуть на блестящую чёрную штукювину. Пишущую машинку. Он видел их только в рекламных объявлениях в газетах. Кир заинтриговано склонился над ней и принялся изучить алфавитные клавиши, закреплённые на крошечных металлических рычажках.

После того как секретарша покинула комнату, леди Меррит подошла к Киру. Заметив его интерес к машинке, она вставила небольшой лист бумаги и провернула валик, чтобы его зафиксировать.

– Нажмите на какую-нибудь букву, – предложила она.

Когда Кир осторожно дотронулся до клавиши, поднялся металлический стержень и коснулся чернильной ленты, закреплённой перед бумагой. Но после того, как он опустил, страница всё равно осталась чистой.

– Сильнее, – посоветовала леди Меррит, – площадка с буквой должна ударить по бумаге.

Кир покачал головой.

– Я не хочу ничего сломать. – Пишущая машинка выглядела хрупкой и чертовски дорогой.

– Не сломаете. Давайте же, попробуйте. – Улыбнувшись его несговорчивости, она сказала: – Тогда я напечатаю ваше имя. – Высмотрев нужные клавиши, леди Меррит с силой по ним ударила. Он наблюдал поверх её плеча, как на бумаге появляется его имя, выбитое идеальным, мелким шрифтом:

"Мистер Кир Макрей".

– Почему буквы расположены не в алфавитном порядке? – спросил Кир.

– Если вы ударите по клавишам, расположенным слишком близко друг к другу, например, "С" и "Т", металлические рычаги заест. Благодаря такому расположению алфавита машинка работает плавно. Напечатать что-нибудь ещё?

– Да, ваше имя.

Когда она согласилась, на её нежной щеке появилась ямочка. Всё внимание Кира сосредоточилось на восхитительной, крошечной впадинке. Ему захотелось прижаться к ней губами и провести по ней языком.

"Леди Меррит Стерлинг" напечатала она.

– Меррит, – повторил он, пробуя её имя на языке. – Это ваше семейное имя?

– Не совсем. Я появилась на свет во время шторма в ночь, когда врач был занят, а акушерка пьяна. Но местный ветеринар, доктор Меррит, вызвался помочь моей матери во время родов, и родители решили назвать меня в его честь.

Уголки губ Кира тронула улыбка. Хотя ему до смерти хотелось есть, а большую часть дня он провёл в дьявольском расположении духа, его начало окутывать ощущение благополучия.

Когда она провернула валик, чтобы достать бумагу, Кир мельком увидел внутреннюю часть её хрупкого и тонкого запястья, где сквозь тонкую кожу проступал узор голубых вен. Его взгляд скользнул по спине Меррит, наслаждаясь плавными, изящными изгибами: осиной талией и полными бёдрами. О форме ягодиц, скрытых искусно задрапированными юбками, он мог только догадываться, но готов был поклясться, что они округлые и сладкие, идеальные для того, чтобы их сжимать, похлопывать, поглаживать...

Когда пах опалило желанием, Кир еле сдержал проклятие. Ради бога, он же здесь по делу. А леди Меррит – вдова, к которой следует относиться с почтением. Он попытался сосредоточиться на том, какая она благородная и культурная женщина и как сильно он её уважает. Когда это не сработало, Кир усиленно задумался о чести Шотландии.

Из сложной конструкции её причёски, состоящей из завитков и петелек, выбился небольшой локон. Тёмная прядка упала на шею, изгибаясь на конце, словно палец, манящий подойти Кира ближе. Каким нежным и уязвимым выглядело то местечко. Как приятно было бы уткнуться в него носом и слегка прикусить, заставив леди Меррит задрожать и выгнуться ему навстречу. Он бы...

Чёрт возьми!

В отчаянной попытке себя отвлечь, Кир огляделся по сторонам. И заметил небольшую картину в искусной рамке на одной из стен.

Портрет Джошуа Стерлинга.

Этого хватило, чтобы умерить его похоть.

Секретарша вернулась. Леди Меррит выбросила листок машинописной бумаги в маленькую металлическую мусорную корзину и подошла к мисс Юарт поговорить.

Взгляд Кира упал на содержимое мусорного ведра. Как только женщины повернулись к нему спиной, он наклонился и достал листок. Сложив его вчетверо, Кир засунул квадратик в карман брюк.

И побрёл к картине, чтобы рассмотреть её поближе.

Джошуа Стерлинг был красивым мужчиной с резкими чертами лица и спокойным взглядом. Киру понравился владелец судоходной компании, особенно после того как они обнаружили, что оба любят рыбалку. Стерлинг упомянул, что учился забрасывать удочку в ручьях и озёрах вокруг своего родного Бостона, и Кир пригласил его как-нибудь посетить Айлей и порыбачить на морскую форель. Стерлинг заверил Кира, что непременно воспользуется приглашением.

Бедолага.

Сообщалось, что Стерлинг погиб в море. Какая досада сгинуть в расцвете сил, да ещё когда дома ждёт такая жена. Из того, что слышал Кир, детей у них не было. Стерлинг не оставил сына, который мог бы продолжить дело отца.

Интересно, выйдет ли леди Меррит снова замуж. Без сомнения она могла бы заполучить любого мужчину, которого бы только пожелала. Не потому ли она планировала поручить руководство "Стерлинг Энтерпрайзис" младшему брату? Чтобы вернуться в общество и подыскать себе мужа?

Его размышления прервал её голос.

– Я всегда думала, что на этом портрете муж выглядит слишком суровым. – Леди Меррит подошла и встала рядом с Киром. – Подозреваю, он хотел казаться на картине более авторитетным, так как знал, что она будет висеть в конторе. – Она слегка улыбнулась, рассматривая портрет. – Возможно, когда-нибудь я найму художника, чтобы дорисовать искорки в его глазах, тогда он станет больше походить на самого себя.

– Долго вы были женаты? – Кир удивился, что задал этот вопрос. Как правило, он редко интересовался личными делами людей. Но он не мог ничего с собой поделать, его съедало любопытство, ведь Кир не встречал никого похожего на эту женщину.

– Полтора года, – ответила леди Меррит. – Я познакомилась с мистером Стерлингом, когда он приехал в Лондон, чтобы открыть здесь филиал своей судоходной компании. – Она сделала паузу. – Никогда бы не подумала, что буду им управлять.

– Вы прекрасно справляетесь, – констатировал Кир, а потом задумался, не слишком ли самонадеянно хвалить человека намного выше его по положению.

Однако леди Меррит комплимент явно понравился.

– Спасибо. Особенно за то, что не закончили фразу словами "для женщины", как делает большинство. Я всегда вспоминаю цитату Сэмюэля Джонсона¹ о собаке, идущей на задних лапах: "Удивительно не то, что она этого не умеет, а то, что за это берётся".

Губы Кира дрогнули.

– На Айлее многие женщины успешно управляют делами. Пуговичной мастерской и мясной лавкой... – Он замолчал, размышляя, не прозвучало ли его заявление снисходительно. – Хотя их магазины нельзя сравнивать с крупной судоходной компанией.

¹ Сэмюэл Джонсон (англ. Samuel Johnson; 1709 -1784) — английский литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения, чьё имя, по оценке «Британники», стало в англоязычном мире синонимом второй половины XVIII века

– Суть одна, – сказала леди Меррит. – Они принимают на себя бремя ответственности, рискуют, оценивают трудности... – Она сделала паузу, криво усмехнувшись. – Мне жаль это признавать, но под моим руководством всё ещё случаются ошибки. И ваш груз служит тому примером.

Кир пожал плечами.

– Что сказать. На любом пути встречаются кочки.

– Да вы настоящий джентльмен, мистер Макрей. – Она одарила его улыбкой, от которой у неё сморщился носик и приподнялись уголки глаз. У него слегка закружилась голова. По венам словно разлился солнечный свет. Кир был ослеплён ею, она могла бы быть каким-нибудь мифическим существом. Феей или даже богиней. Но не отчуждённой и совершенной... а маленькой и весёлой.

Глава 2

Когда они вернулись на пристань, небо уже начало темнеть. Вдоль ряда газовых фонарей двигался фонарщик. Меррит заметила, что баржа уже отплыла к Дептфордским буям за очередной порцией виски. Предыдущий груз выгрузили и доставили ко входу в док.

– Этот мой, – сказал Макрей, кивнув на одиноко стоящий среди бочек весь в заплатках кожаный дорожный сундук.

Меррит проследила за его взглядом.

– Есть ещё? – спросила она, не сомневаясь, что есть.

– Нет.

Испугавшись, что могла ненароком его обидеть, Меррит поспешно добавила:

– Я считаю, это весьма эффективный способ упаковывать вещи.

Губы Макрея дрогнули.

– Можете считать это отсутствием вещей, которые нужно упаковывать.

Направляясь за сундуком, они прошли мимо группы грузчиков и работников склада, которые собрались вокруг Люка. Меррит просияла от гордости.

– Мой брат прирождённый управляющий, – сказала она. – Когда он только пришёл в "Стерлинг Энтерпрайзис", то настоял на том, чтобы провести первый месяц бок о бок с грузчиками, загружая и выгружая грузы. Люк не только заслужил уважение, но теперь, как никто другой, понимает, насколько трудна и опасна их работа. Благодаря ему мы установили новейшее оборудование и обеспечили полную безопасность.

– Это и ваших рук дело, – заметил Макрей. – Вы же контролируете финансы? Многие владельцы предпочли бы прибыль благополучию людей.

– Я бы никогда так не поступила. Мои сотрудники – хорошие, трудолюбивые мужчины, и у большинства есть семьи, которые нужно кормить. Если бы кто-то из них пострадал или того хуже, потому что я не позаботилась об их безопасности... – Меррит замолчала и покачала головой.

– Я вас понимаю, – сказал он. – Производство виски – тоже опасное дело.

– Правда?

– Да, существует риск пожара и взрыва почти на каждом этапе производства. – Они добрались до сундука, и Макрей окинул взглядом толпу и пристань. – Похоже, мои люди отправились к Дептфордским буям за следующей партией виски.

– Уверена, вы жалеете, что не отправились вместе с ними, – с раскаянием в голосе сказала Меррит.

Макрей покачал головой и посмотрел на неё. Морщинки в уголках его глаз стали заметнее.

– В данный момент нет.

Его ответ явно подразумевал комплимент, и Меррит он пришёлся по нраву.

Ухватившись за боковую ручку сундука, Макрей легко взвалил его на плечо.

Они проследовали к складу номер три, где разгружали бочки с виски, и обойдя его, подошли к запертой боковой двери.

– Здесь вход в квартиру наверху, – сказала Меррит, вставив и провернув ключ, чтобы открыть засов. – Она будет только вашей. Вы сможете приходить и уходить, когда вам заблагорассудится. Но в квартире нет двери, которая соединяла бы её со складским помещением. В ту часть здания мы с вами сможем попасть только вместе с сотрудником налоговой службы, у каждого из нас есть свой ключ. – Она повела его вверх по узкой лестнице. – Боюсь, в квартире проведена только холодная вода. Но вы можете нагреть воду для ванны на плите.

– Мне без разницы какой водой умыться, холодной или горячей, – сказал он.

– О, но не в это время года. Вы можете простудиться и заболеть.

– Я никогда в жизни не болел, – изумлённо проговорил Макрей.

– У вас никогда не поднималась температура? – спросила Меррит.

– Нет.

– Никогда не болело горло и не было кашля?

– Нет.

– Даже зуб не болел?

– Нет.

– Какая досада! – со смехом воскликнула Меррит. – Чем вы объясните такое прекрасное здоровье?

– Удачей?

– Никому так не везёт. – Она отперла дверь на верхней площадке лестницы. – Наверное, всё дело в диете. Что вы едите?

– Всё, что есть на столе, – ответил Макрей, он вошёл в квартиру вслед за ней и поставил сундук.

Меррит задумалась о том, как мало знает о шотландской кухне.

– Например, кашу.

– Да, вполне сгодится.

Пока они разговаривали, Макрей медленно осматривал комнату. Обстановка была простой: стол, два стула и маленькая печка в углу с одной единственной конфоркой.

– Надеюсь, квартира вам подойдёт, – проговорила Меррит. – Она довольно скромная.

– Дома у меня каменный пол, – сухо ответил он. – Здесь явно лучше.

Меррит прикусила язычок. Совсем не похоже на неё вести себя так бестактно. Она попыталась вернуть разговор в нужное русло.

– Вы... вы собирались рассказать о своей диете.

– В детстве я в основном питался молоком, картофелем, дульсе, рыбой...

– Прошу прощения, вы сказали «дульсе»? Что это?

– Что-то вроде водорослей, – ответил Макрей. – Когда я был мальчишкой, моя обязанность заключалась в том, чтобы перед ужином выходить на берег во время отлива и срезать их со скал. – Он открыл шкаф и осмотрел небольшой набор кухонных принадлежностей и посуды. – Их можно добавлять в суп или есть в сыром виде. – Макрей кинул на неё взгляд через плечо, выражение её лица вызвало улыбку на его губах.

– Секрет хорошего здоровья кроется в водорослях? – с сомнением спросила Меррит.

– Нет, миледи, он кроется в виски. Мы с моей командой каждый день выпиваем по глотку. – Увидев её растерянное лицо, он продолжил: – Виски – живительный напиток. Он согревает кровь, успокаивает дух и укрепляет сердце.

– Жаль, что я не люблю виски, боюсь, оно мне совсем не по вкусу.

Макрей выглядел потрясённым.

– Вы говорите о шотландском виски?

– Не уверена, – сказала она. – Но, когда я его попробовала, у меня начал гореть язык.

– Значит, речь идёт не о нём, а о дешёвом пойле. Айлейское виски сначала может слегка опалить язык... но затем раскрывается полный букет вкусов, возможно, вы почувствуете привкус корицы, или торфа, или сладость мёда из сот, которые только достали из улья. А, возможно, оно навеет вам воспоминание о давней прогулке в канун зимы... или поцелуя, однажды украденного у возлюбленного на сеновале. Виски – это вчерашний дождь, перегнанный с ячменём в пар, который восходит, как блуждающий огонёк, а затем отправляется дожидаться своего часа в бочках из хорошего дуба. – Его голос смягчился, став едва уловимым, как завиток дыма. – Когда-нибудь мы с вами выпьем виски вместе. Поднимем тост за здоровье наших друзей и за мир наших врагов... за утраченную любовь и за ту, что ждёт нас впереди.

Меррит заморожено на него уставилась. Её сердце быстро забилося, а лицо вспыхнуло во второй раз за этот вечер.

– Мы выпьем за любовь, которая ждёт впереди вас, – с трудом выдавила она, – но не меня.

Макрей склонил голову набок и задумчиво на неё посмотрел.

– Вы не мечтаете потерять голову от любви?

Меррит отвернулась и начала расхаживать по квартире.

– Мне никогда не нравилась фраза "потерять голову от любви", как будто это какое-то безумие. Прежде всего любовь – это выбор.

– Правда? – Макрей тоже начал блуждать по квартире. Он остановился у арочного проёма и заглянул в смежную спальню, в которой стояли кровать, комод и умывальник. В углу за складной ширмой скрывались переносная жестяная ванна и современная уборная.

– Да, выбор следует делать на трезвую голову. Я не спешила выходить замуж, пока не нашла того, кто никогда не разобьёт мне сердце. – Печально улыбнувшись, Меррит замолчала, а потом добавила: – Конечно, моё сердце всё равно разбилось, когда пароход мужа затонул посреди Атлантики. Я ни за что не пройду этот путь снова.

Она подняла голову и поймала на себе сияющий, словно отблеск лунного света, взгляд Макрея. Он ничего не говорил, но то, как смотрел на неё, странным образом успокаивало, казалось, что бы она ему ни сказала, Кир Макрей всё поймёт.

После долгой паузы он отвернулся и продолжил осматривать квартиру. Хотя комнаты были довольно простыми, Меррит настояла на том, чтобы в них присутствовала пара-тройка предметов роскоши: ворсистые шерстяные ковры, мягкое кресло, пушистые турецкие полотенца и добротное белое мыло для умывания. На кровати лежали дополнительные хлопчатобумажные стёганые одеяла, а на окнах висели белые муслиновые занавески.

– Вы считаете, что оно не заживёт? – спросил Макрей. Она поняла, что всё это время он обдумывал её реплику о разбитом сердце.

– Уже зажило. Но, как и многие сломанные вещи после починки, оно никогда не будет прежним.

– Вы ещё молодая женщина, – заметил он, – в детородном возрасте. Неужели вы не захотите иметь детей?

Меррит моргнула от неожиданности, но потом напомнила себе, что деревенские люди прямолинейны в таких вопросах. Она решила ответить столь же откровенно.

– Хочу, но, как оказалось, я не могу их иметь.

Макрей не выказал никакой реакции. Он осмотрел чугунный ручной насос у кухонной раковины, провёл пальцами по рычагу.

– Всегда есть малыши, которым нужен домашний очаг.

– Возможно, когда-нибудь я об этом задумаюсь. Но сейчас у меня слишком много дел, которые отнимают всё моё время. – Она сделала паузу. – А вы? Быть может, на Айлее вас ждёт возлюбленная?

– Нет.

– Почему? Вам чуть за тридцать, и вы владелец процветающего дела...

– Я бы не сказал "процветающего". Пока ещё нет. – Встретив её вопросительный взгляд, он объяснил: – После того, как отец скончался пять лет назад в январе, я возглавил винокурню и обнаружил, что отец изготавливал прекрасное виски, но дела вёл отвратительно. Бухгалтерские книги пребывали в беспорядке, а мы погрязли по уши в долгах. Сейчас уже долги выплачены и оборудование модернизировано. Но у меня не оставалось времени на возлюбленных. И, говоря по правде, я ещё не встретил женщину, ради которой отказался бы от холостяцкой жизни.

Меррит приподняла брови.

– Какой же должна быть эта женщина?

– Думаю, что пойму это, когда её встречу. – Макрей взял сундук и понёс его в спальню.

– Подогреть чайник, чтобы вы смогли умыться? – крикнула Меррит ему вслед. Последовала тишина.

Через мгновение Макрей выглянул из-за арки и, нахмурившись, посмотрел на Меррит.

– Спасибо, миледи, но мне это ни к чему.

– Неужели? Что ж, я полагаю, мыться холодной водой лучше, чем совсем никакой.

– Я не собираюсь мыться, – коротко бросил он.

– Это займёт всего несколько минут.

– Не вижу причины наводить марафет перед работой в доках.

– Я бы не назвала это марафетом, – возразила Меррит. – Скорее элементарной гигиеной. – Заметив его каменное выражение лица, она добавила: – Мы дольше будем спорить.

– Я не могу мыться в вашем присутствии, между комнатами нет дверей.

– Тогда я подожду снаружи.

– В одиночестве? – возмутился Макрей.

– Со мной ничего не случится.

– Пристань кишит чернорабочими и ворами!

– О, бросьте, вы преувеличиваете. Так и быть я подожду на лестнице. – Меррит решительно взяла с полки большой эмалированный кувшин, поставила его в чугунную раковину и потянулась к ручке насоса. – Но сначала я наберу воду.

– Насос не заработает, если сначала не залить в него воды, – нахмурившись, сообщил ей Макрей.

– Зарботает, – весело откликнулась она. – У него современная конструкция со специальным клапаном, который поддерживает постоянное давление. – Она взялась

за ручку и принялась энергично качать. Корпус зашипел, заскрипел и начал вибрировать от нарастающей нагрузки. Меррит пришла в замешательство, слив оставался сухим. – Хм. Вода уже должна поступать.

– Миледи, подождите... – Он быстрым шагом направился к ней.

– Всё в порядке, – ответила Меррит, удваивая усилия. – Сейчас вода польётся.

Но ручку теперь было практически невозможно опустить вниз, затем она застопорилась под прямым углом, а вся конструкция насоса застонала и содрогнулась.

Меррит взвизгнула и отскочила назад, когда из клапана сверху хлынула вода под давлением.

В мгновение ока Макрей оказался у насоса, отворачивая лицо от сильных брызг. Кряхтя от усилий, он плотнее завинтил верхний клапан, затем ударил по основанию насоса тыльной стороной ладони. Вода забулькала и хлынула из слива в раковину.

Меррит поспешила к шкафчику за кухонным полотенцем.

– Мне так жаль! – воскликнула она, возвращаясь к Макрею. – Я понятия не имела, что такое может случиться, иначе никогда... – Пискнув, она замолчала, когда он потряс головой, как мокрая собака, разбрызгивая повсюду капли воды.

Макрей повернулся, и Меррит с ужасом отметила, что спереди он совсем промок. Рубашка облепила его торс, а с лица и волос капала вода.

– О, боже, – виновато проговорила она, протягивая ему сухое полотенце. – Опять вы весь друкит. Вот, возьмите... – Её голос затих, потому что Макрей проигнорировал полотенце и продолжил приближаться к Меррит. Она встревоженно отпрянула, чтобы избежать контакта с его влажным телом. Когда он схватился за края раковины по обе стороны от Меррит, у неё перехватило дыхание.

– Вы, – откровенно сказал он, – маленькая задира.

Меррит открыла рот, чтобы возразить, но тут заметила, что глаза Макрея зажглись весельем.

Несмотря на разыгравшиеся нервы и неровный стук сердца, она почувствовала непреодолимое желание рассмеяться, и, чем больше она пыталась сдерживаться, тем хуже у неё получалось.

– Бедняга... Вам не удастся обсохнуть с тех пор, как п-прибыли в Англию...

Задыхаясь, она начала промакивать его лицо кухонным полотенцем, Макрей замер. Вода капала с прядей, упавших ему на глаза, а несколько капель попали на Меррит. Она протянула руку и откинула его волосы назад. На ощупь они были похожи на дорогой атлас, кончики слегка завивались.

– Я не задира, – проговорила она, продолжая вытирать его лицо и горло. У неё вырвалось ещё несколько смешков, отчего руки сделались неуклюжими. – Я хотела помочь.

– Вам нравится указывать людям, что делать, – мягко обвинил Макрей Меррит, обводя взглядом её лицо.

– Вовсе нет. О, я чувствую, что вы составили обо мне неправильное мнение, – ответила она, продолжая смеяться.

В его рыжевато-каштановой бороде промелькнула обаятельная белозубая улыбка. Он был так великолепен, что пальцы Меррит задрожали, и она выронила полотенце. Внутри всё пело от головокружительного возбуждения.

Она ждала, когда он отступит на шаг назад. Но Макрей этого не сделал. Меррит не могла вспомнить, когда в последний раз стояла к мужчине так близко, что чувствовала его дыхание на своей коже.

Вопрос повис в тишине.

Она не смогла устоять перед искушением коснуться Макрея. Медленно, почти робко Меррит дотронулась до бородатого подбородка.

Она почувствовала себя будто в невесомости, словно пол под ногами внезапно исчез. Иллюзия показалась настолько реальной, что Меррит машинально схватила Макрея за руки, под влажными рукавами его мышцы напряглись. Она посмотрела в его обжигающие, как самое горячее пламя, бледно-голубые глаза.

От её прикосновения дыхание Макрея сбилось.

– Миледи, – хрипло проговорил он, – я буду полагаться на ваш здравый смысл. Потому что мой меня покинул.

У Меррит пересохло во рту. Влечение к Макрею становилось невыносимым, она ритмично сжимала и разжимала пальцы, как кошка, разминающая лапки.

– А как же честь Шотландии? – с трудом спросила она.

Он опустил голову ниже, и Меррит почувствовала лёгкое прикосновение его рта и жёсткой бороды к своему лбу. Контраст между грубой порослью и мягкими губами был настолько эротичным, что она закрыла глаза и привалилась к раковине.

– Проблема в том, что... у шотландцев есть одна слабость, – пробормотал он, его тихий голос проник ей под кожу и завибрировал внутри, будто вместо позвоночника у Меррит была скрипичная струна.

– Правда?

– Да... красивые темноволосые девушки, которые пытаются ими командовать.

– Но я не пыталась, – слабо запротестовала она и почувствовала, как его губы изогнулись в улыбке.

– Мужчина знает, когда им пытаются командовать.

Они стояли неподвижно, а Макрей, казалось, окутывал её со всех сторон.

Его большое и сильное тело находилось так близко. Ей хотелось изучить его рельеф, исследовать каждый дюйм стальной мускулатуры ртом и руками. Меррит потрясла сила этого желания. После смерти Джошуа она не обращала внимания на свои потребности.

Но в присутствии Кира Макрея игнорировать их было больше невозможно.

Он осторожно взял Меррит за подбородок и приподнял его. Кровь бешено побежала по венам. Макрей пристально посмотрел на Меррит, в его глазах сверкали отблески льда и пламени.

Когда он заговорил, в его низком голосе послышались ироничные нотки.

– Будь по вашему. Я пойду умоюсь в другой комнате, раз уж вы всё равно заставили меня намокнуть. Что касается вас... не двигайтесь. Ничего не трогайте. Сомневаюсь, что леди захотела бы увидеть, как такой громила, как я, бежит здесь в чём мать родила.

Как мало он знает о леди.

Макрей накачал в кувшин ещё воды и отнёс его в спальню.

Меррит наклонилась, подняла кухонное полотенце и попыталась вытереть лужи на полу. Из соседней комнаты до неё долетали разнообразные звуки: позвякивание фарфорового таза, плеск воды и шуршание губки по обнажённому телу. Воображение разыгралось. Она попыталась отвлечься уборкой на кухне.

– Где остановились ваши люди? – в конце концов, спросила она, отжимая промокшее полотенце.

– В таверне на берегу, – последовал его ответ.

– Может быть, попросить кого-нибудь отнести туда их вещи?

– Нет, они сами их забрали, когда баржа пришвартовалась, и поужинали в пабе. Они были голодны как волки.

– А вы? – Она потянулась к занавескам на окне рядом с раковиной, чтобы их задёрнуть. – Ели что-нибудь?

– Я могу подождать до завтра.

Меррит как раз собиралась ответить, но вдруг замерла, её рука повисла в воздухе. Окно располагалось таким образом, что в нём поразительно чётко отражался вход в соседнюю комнату.

И в этом отражении возник пересекающий спальню обнажённый Кир Макрей.

Меррит бросило сначала в жар, потом в холод, она не могла оторвать от него взгляд. В этот момент он наклонился, чтобы достать пару брюк из кожаного сундука. Его движения были лёгкими и грациозными, но в них таилась скрытая сила, а его тело...

– Вы собираетесь работать всю ночь, вообще ничего не съев? – заворожённо спросила она.

...из сплошных туго сплетённых мышц и сухожилий...

– Справлюсь, – ответил он.

...было великолепно. Фантазия, которая стала явью. И как раз перед тем, как он застегнул брюки, Меррит успела заметить, что природа его щедро одарила.

О, как не стыдно пялиться на голого мужчину. Неужели у неё напрочь отсутствует достоинство? Порядочность? Нужно остановиться, пока он её не поймал. С трудом отводя взгляд, она изо всех сил старалась не упустить нить разговора.

– Вы будете работать куда продуктивнее на сытый желудок, – крикнула она.

– У меня нет времени бездельничать в пабе, – донёсся приглушённый ответ из соседней комнаты.

Взгляд Меррит метнулся обратно к отражению в окне. Она ничего не могла с собой поделать.

Макрей натягивал через голову рубашку и просовывал руки в рукава, на его торсе перекачивались мощные мышцы. Это было тело человека, который привык работать на износ.

За последние годы с Меррит не случилось ничего более интересного и волнующего. А, возможно, и за всю её взрослую жизнь. До замужества она была слишком застенчивой, чтобы наслаждаться подобным зрелищем. Но теперь, как вдова, чья постель пустовала... Рассматривая обнажённое тело Кира Макрея, Меррит болезненно осознавала, чего лишилась после смерти мужа.

Вздохнув, она задёрнула занавески и отошла от окна. Хотя привычное хорошее настроение её покинуло, когда Макрей вернулся в комнату, Меррит напустила на себя весёлый вид.

– Ну вот, – сказала она. – Так гораздо лучше.

Он выглядел посвежевшим и гораздо более расслабленным в вязаном шерстяном жилете поверх рубашки без воротничка. Макрей зачесал волосы назад, но блестящие янтарные локоны уже ниспадали на лоб. Зловонье виски и пота сменилось ароматом душистого мыла и чистой кожи.

– Признаю, лучше так, чем вонять, как пол в таверне. – Макрей остановился перед ней, в его глазах блеснул озорной огонёк. – Раз уж вы взяли на себя ответственность за меня, миледи, каков ваш следующий приказ?

Вопрос прозвучал небрежно, почти как дружеское подтрунивание. Но Меррит ошеломил поток чувств, который захлестнул её после его слов, она едва в нём не тонула. Её охватило невероятное томление. И до этого момента она даже не подозревала, что оно присутствует в её душе.

Меррит попыталась придумать какой-нибудь остроумный ответ. Но в голову приходили только глупые и порывистые.

"Поцелуйте меня".

Конечно, она бы никогда не сказала такое вслух. Отчаянная, безумная просьба смутила бы их обоих. А для владелицы большой компании вести себя таким непрофессиональным образом с клиентом... об этом даже не стоило и думать.

Но, когда Меррит увидела его непроницаемое выражение лица, её посетила ужасная догадка, и внутри всё оборвалось.

– О боже, – едва слышно проговорила она, её рука взлетела ко рту. – Неужели я сказала это вслух?

Глава 3

Макрей с трудом сглотнул и еле слышно выдавил:

– Да.

Лицо Меррит вспыхнуло от стыда, сильнее которого она ни разу в жизни не испытывала.

– Вы бы могли... как вы думаете... притвориться, что ничего не слышали?

Он покачал головой, его лицо тоже покраснелось. После паузы, которая показалась вечностью, он хрипло ответил:

– Нет, если вы этого действительно хотите.

Макрей спрашивал разрешения? Ждал поощрения? Её сердце понеслось вскачь. Кожа горела огнём.

– Я не уверена, что... наши желания не совпадают.

Меррит всегда была такой собранной и славилась этим своим качеством. Но в данный момент её чувства пребывали в полном смятении.

Меррит лихорадочно перебирала в голове варианты, как разрядить обстановку. Она переведёт всё в шутку. Скажет, что виной столь легкомысленному заявлению стал длинный тяжёлый день, и она ничего такого не имела в виду, а потом рассмеётся и...

Макрей придвинулся ближе и обхватил ладонями её голову. Его большие мозолистые пальцы принялись медленно ласкать её подбородок, вызывая у Меррит мурашки по всему телу. Боже милостивый! Он действительно собирался выполнить просьбу. Её вот-вот поцелует незнакомец.

Теперь поздно отшучиваться. Что же она наделала? Меррит уставилась на него широко распахнутыми глазами, перетянутые струны нервов взяли иной аккорд, теперь внутри неё разливалась мелодия страсти.

Макрей посмотрел на неё, его тёмные ресницы с золотистым отливом на концах опустились. От этого пронизывающего взгляда Меррит негде было укрыться. Она чувствовала себя такой беззащитной, словно обнажённой, каким он предстал перед ней всего несколько минут назад.

Макрей наклонил голову и едва ощутимо коснулся губами её губ.

Меррит предполагала, что поцелуй может оказаться грубоватым или нетерпеливым, немного неуклюжим... Она ожидала чего угодно, кроме нежных дразнящих ласк, от которых её губы раскрылись сами собой. Сначала Макрей попробовал её на вкус одним лишь кончиком языка. Колени Меррит подогнулись. Она почувствовала себя завалившейся на бок шхуной, но он крепко прижал её к себе, не давая упасть. Поцелуй всё продолжался и продолжался, становясь самым долгим в жизни Меррит, но ей всё равно хотелось большего.

Макрей целовал её так, словно это был не первый, а последний раз, будто близился конец света, и каждая секунда стоила целой жизни. Он вкушал её с рвением человека, который испытывал жажду много лет. Меррит вслепую поймала его рот и запуталась пальцами в волосах Макрея. Мягкие, словно роскошный бархат

губы, грубая щетина, влажные шёлковые пряди неизмеримо возбуждали. Такое сильное желание ей было незнакомо. Экстаз медленно перевоплощался в более утончённое чувство.

Слишком скоро его губы оторвались от её рта. К великому смущению Меррит, она всхлипнула и попыталась притянуть его обратно к себе.

– Нет, милая, – прошептал он. – Иначе я превращусь в раскалённые угли.

Он отыскал ртом нежное местечко у неё под подбородком и нежно провёл по нему губами.

Меррит попыталась вспомнить, как дышать. Как устоять на негнущихся ногах.

– Миледи, – послышался его тихий голос. Когда она не нашла в себе сил ответить, он снова её позвал: – Меррит.

Ей нравилось, как он произносит её имя с лёгкой картавостью. Запрокинув голову, она посмотрела в его холодные, пронзительные глаза.

– Ни за что на свете я не причиню вам вреда, – пробормотал Макрей, – и не допущу слухов о том, что вы унизили себя. – Он осторожно выпустил её из объятий и отступил. – Поэтому это не может повториться.

Он был прав. Меррит это понимала. Репутации рушились по гораздо менее веским причинам. Даже несмотря на защиту влиятельной семьи, она всё равно может пострадать от скандала и стать изгоем в высшем обществе. А Меррит не хотелось становиться изгоем. Ей нравилось ужинать с друзьями, посещать балы и спектакли, кататься верхом в парке. Нравилось ходить в церковь, участвовать в праздничных мероприятиях, в жизни женских клубов и благотворительных организаций. Из сочувствия к её утрате высшее общество закрывало глаза на неординарные выходы Меррит, такие как управление компанией мужа. Но один опрометчивый поступок, и терпение иссякнет.

Она прерывисто вздохнула, разгладила юбки и постаралась взять себя в руки.

– У нас не так много времени, если мы хотим найти для вас что-нибудь поесть, прежде чем вернёмся в доки, – сказала она, немного удивившись, как спокойно прозвучал её голос.

Макрей бросил на неё непреклонный взгляд.

– Я уже говорил вам, что не буду ужинать. Это моё последнее слово.

Конечно, маленькая задира добилась своего. Она потащила Кира в противоположном направлении от склада, пообещав, что они купят какую-нибудь готовую еду у уличного торговца, и таким образом ужин не займёт много времени. Меррит заверила его, что он почувствует себя намного лучше, и тогда она сможет вздохнуть спокойно.

Кир не стал сильно возражать, отчасти потому, что настолько был голоден, что ему казалось, будто внутри него работает пустая маслобойка. Но главной причиной являлась возможность в последний раз пообщаться с этой женщиной наедине. Несмотря на беспокойство по поводу разгрузки виски, Киру хотелось провести с Меррит ещё несколько минут.

Он всё ещё оставался под впечатлением от того, что произошло в квартире.

Кир не сомневался, что джентльмен никогда бы её так не поцеловал. К счастью, она не возражала. Он пытался сдерживаться, но не смог. Её губы... были сладкими, как мёд из сот. Она льнула к нему всем телом. Как же восхитительно держать её в объятиях, такую прекрасную, роскошную и пылкую.

Этот поцелуй будет ему сниться долгими ночами. Подобного с ним не случалось за всю жизнь, и вряд ли произойдёт в дальнейшем.

Пока они пробирались по грязным окрестностям южных лондонских доков, он не отходил от Меррит ни на шаг. Это место совсем не для неё. Тротуар был завален

мусором, калитки и стены оклеены выцветшими рекламными листовками и непристойными картинками, а окна магазинов и пабов покрыты грязью. Одни звуки перекрывали другие: шум от паровых кранов и стройки, удары корабельных колоколов и свист, брнчание телег, цокот копыт, стук колёс и бесконечный гул человеческих голосов.

– Как бодрит! – воскликнула Меррит, удовлетворённо оглядываясь по сторонам.

В ответ он уклончиво хмыкнул.

– Мы находимся в самой гуще событий, – продолжила она, – корабли пришвартовываются здесь с грузом со всего мира: из Вест-Индии везут сосну, из Севильи – апельсины, а из Китая – чай. Вчера на одном из наших складов разместили десять тысяч пачек корицы, запах стоял восхитительный. – Она удовлетворённо вздохнула. – Такое оживлённое место. Только посмотрите на всех этих людей!

– Да уж, – буркнул Кир, мрачно оглядывая толпу вокруг.

– Из-за бурной жизни в Лондоне семейное поместье в Гэмпшире кажется скучным и тихим. Там совсем нечего делать, кроме как ловить рыбу, охотиться или гулять по сельской местности.

Кир едва не улыбнулся, подумав, что она только что описала его идеальный день.

– Вы нечасто там бываете? – спросил он.

– Почти никогда с тех пор... Ну, с тех пор, как мне пришлось заняться делами "Стерлинг Энтерпрайзис". К счастью, моя семья постоянно приезжает в Лондон. – Они подошли к пекарской лавке, и Меррит воскликнула: – Мы пришли! – Посетители выстроились перед магазином в очередь, которая тянулась вдоль тротуара. Из дверного проёма доносились аппетитные ароматы горячей сдобы с хрустящей корочкой и начинок из говяжьего фарша или подслащенных фруктов. – Это место – одно из моих любимых, – сказала она. – Пекарь держит магазин в чистоте и всегда использует хорошие ингредиенты. – Меррит оценила вереницу людей и слегка нахмурилась. – Чёрт. Очередь слишком длинная.

– Вы уверены... – начал Кир, не отрывая взгляда от маленьких пирожков, которые выносили из лавки покупатели. Верхушка из слоёного теста была проколота, чтобы выходил ароматный пар, каждый пирожок лежал в отдельной картонной коробочке. Кир мог бы съесть целую дюжину вместе с упаковкой.

– Я отведу вас к уличному торговцу, там мы раздобудем еду гораздо быстрее, – сказала Меррит, целеустремлённо зашагав по улице.

Они двинулись вдоль прилавков и столов с разнообразной едой: пудингами, нарезанной говядиной, варёными яйцами, бумажными совками с маринованными огурцами, оливками, солёными орешками и горячим зелёным горошком, блестящим от свиного сала. Здесь же продавались: жареный картофель, завернутый в вощёную бумагу, хрустящие кусочки жареной рыбы, копчёные устрицы, посыпанные солью, и кульки с миндально-карамельными сладостями или круглыми конфетами с бренди внутри. Всего несколько минут назад Кир был готов забыть о голоде и заняться насущными вопросами. Однако теперь в окружении столь богатых яств пустой желудок ясно дал ему понять, что работа не начнётся, пока его не наполнят.

Меррит остановилась у прилавка с сэндвичами, хлебом с маслом и пирогом.

– Добрый вечер, миледи, – поздоровался лавочник, почтительно приподняв шляпу.

– Мистер Гэмп, – тепло проговорила она. – Я привела к вам этого джентльмена, чтобы он отведал лучший сэндвич с ветчиной в Лондоне.

– Всё дело в копчёной гэмпширской ветчине, – гордо заявил лавочник, выкладывая картонную коробку. – А ещё в том, что моя жена лично выпекает хлеб. Тесто на пене от эля получается мягким и сладким. – Он ловко разрезал один из сэндвичей на два треугольника. Между ломтиками хлеба лежало несколько кусочков тонко нарезанной ветчины и слой водного кресса.

– Почём? – спросил Кир, с трудом сглатывая слюну.

– За два пенса вы получите сэндвич и кружку пива, – ответил Гэмп.

Вдвое дороже, чем та же еда на Айлее. Кир без колебаний выложил деньги.

Церемонно положив завернутый сэндвич в картонную коробочку, Гэмп добавил туда маринованный огурец и кусок смородинового пирога.

– Комплимент любому вашему другу, миледи.

Она просияла, глядя на него.

– Вы слишком добры, мистер Гэмп.

Кир отошёл вместе с Меррит под навес массивного здания, где принялся с жадностью поглощать пищу. В обычной ситуации он испытал бы неловкость, если бы ему пришлось есть в присутствии леди на людной улице, но Кир был слишком голоден, чтобы сейчас об этом беспокоиться.

Покончив с сэндвичем и допив пиво, Кир почувствовал прилив свежих сил. Ему казалось, что он в одиночку может складировать всю партию виски.

Он бросил пустую кружку в ведро с грязной посудой под прилавком Гэмпа и признался Меррит:

– Вы могли бы сейчас сказать: "Я же говорила", и были бы абсолютно правы.

Она рассмеялась.

– Я так никогда не говорю. Эта фраза ничем не помогает и только всех раздражает.

На её щеках танцевали блики от огня в перфорированном тигеле на ближайшем прилавке. Казалось, будто Меррит вся сверкает, как мифическое существо из шотландских преданий. В тех историях красивые женщины считались опасными созданиями, они представляли в образе духов воды или ведьм и заманивали в смертельную ловушку беспомощных мужчин. Пощады ждать бесполезно, спастись невозможно. Будучи маленьким мальчиком, Кир всегда задавался вопросом, почему мужчины не пытались сопротивляться их чарам.

– Они попадают в омут с головой, – объяснил отец, – те красотки просто завораживают мужчин. Стоит им поманить, и нам ничего не остаётся, кроме как последовать за ними.

– А я бы не последовал! – возмутился Кир. – Я бы остался дома и позаботился о маме.

Стоя у плиты, где жарился картофель, мать усмехнулась.

– Ты – хороший мальчик, – крикнула она.

Отец ухмыльнулся и вытянулся перед очагом, сцепив пальцы на животе.

– Когда-нибудь, мой мальчик, ты поймёшь, почему мужчина поддаётся искушению, даже зная, что лучше ему этого не делать.

"И, как и в большинстве случаев, – уныло подумал Кир, – отец оказался прав".

До пристани было всего несколько минут пешком мимо домов и магазинов, из окон которых лился свет, а вдоль горели уличные фонари. Меррит побаивалась того момента, когда они вновь окажутся у склада, и эта странная, но восхитительная прогулка с незнакомцем закончится. Давно она не чувствовала такого приятного головокружения, как во время ухаживаний. Она уже и забыла, как сильно ей это нравится. Странно, что мужчина, который напомнил ей об этом, оказался грубоватым производителем виски с отдалённого шотландского острова.

Макрей проводил Меррит до конторы "Стерлинг Энтерпрайзис" и остановился у входа.

– Когда вы собираетесь домой? – спросил он, как будто не хотел оставлять её здесь.

– Как только встречусь с мистером Груинардом, главным сборщиком акцизов, – ответила Меррит. – Его контора располагается в этом же здании. Я уверена, что смогу убедить его закрыть глаза на таможенные правила, по крайней мере, до завтрашнего полудня.

На губах Макрея промелькнул намёк на улыбку.

– Как вам можно отказать?

Эта соблазнительная прядь снова упала ему на лоб. Меррит пришлось сжать руку в кулак, чтобы не потянуться к ней и не откинуть назад.

– Не стесняйтесь, обращайтесь ко мне, если вам что-нибудь понадобится, – сказала она. – Рекомендации, куда можно сходить, знакомство с нужным человеком или в случае проблем с квартирой. Я здесь почти каждый день, и, конечно, моя секретарша или Люк тоже с радостью вам помогут...

– Я не думаю, что побеспокою вас, миледи.

– Никакого беспокойства. Просто загляните ко мне по пути из вашей квартиры, когда захотите, и... мы ходим в пекарскую лавку...

Макрей кивнул, но Меррит понимала, что он не собирался принимать её приглашение.

Возможно, оно и к лучшему.

Но когда они расстались, у Меррит возникло ощущение, что её бросили, чего-то лишили... Она чувствовала себя совсем как щенок, чей хозяин ушёл из дома. Как же назвать это чувство?

"Сиротливость", – решила она. Да. Меррит чувствовала себя сиротливо, а это никуда не годилось.

Что-то нужно делать.

Только пока она не знала, что именно.

За час переговоров с мистером Груинардом Меррит удалось добиться нескольких небольших, но важных уступок. И теперь она наконец-то могла вернуться домой. День был долгим, и ей не терпелось устроиться у камина в мягких тапочках. Но, несмотря на усталость, шестерёнки в её голове не переставали вращаться, и Меррит не сомневалась, что её ждёт бессонная ночь.

Она решила по дороге домой заглянуть на склад номер три. В конце концов, как заботливая старшая сестра, она беспокоилась за брата, а как ответственный работодатель, она должна была узнать, как продвигается работа.

И если во время разговора с Люком она случайно заметит Кира Макрея... Что ж, это будет просто совпадением.

На складе кипела бурная деятельность. Паровой кран скрипел и стонал, а иногда шипел, как будто вздыхал с облегчением, после подъёма груза на верхний уровень здания.

Рабочие чертыхались и кряхтели от усердия. Несмотря на пандусы и ручные тележки, требовалось приложить массу усилий, чтобы закатить и расставить бочки.

Меррит прошмыгнула на склад как можно незаметнее, стараясь никому не преграждать путь. Неподалёку мужчины с трудом заталкивали нагруженные тележки вверх по пандусу, где замерщик объёмов маркировал каждую бочку. С полдюжины рабочих с жестяными чашками отошли в угол, где в бочках с опилками и льдом стояли каменные кувшины с водой.

Её присутствие быстро заметил один из бригадиров, который предложил проводить Меррит на верхний этаж, где работал Люк. Они поднялись на ручном подъёмнике, который приводился в движение при помощи верёвки в передней части сетчатой кабины. Меррит оглядела склад, но даже с возвышенной точки обзора не увидела Кира Макрея.

Она обнаружила Люка на четвереньках. Он размечал мелом на полу, куда поставить следующую партию бочек.

– Хочешь услышать парочку хороших новостей? – подходя к нему, спросила Меррит.

При виде неё на покрытом испариной лице брата появилась лёгкая усмешка. Он встал и отряхнул руки, подняв в воздух облако пыли от мела.

– Рассказывай.

– Я только что встречалась с мистером Груинардом, и он сказал, что даже если мы не успеем промаркировать и разместить все бочки на складе к полудню, пока они находятся во внутреннем дворе...

– Это тот, на котором на разрешено хранить только древесину?

– Да, тот самый... Мистер Груинард сделает исключение и позволит нам использовать его в качестве временного хранилища для виски, пока мы не закончим работу.

– Слава богу, – обрадовался Люк. – Умница, сестрёнка. – Он бросил на неё насмешливый взгляд. – И это всё?

– В смысле "всё"? – со смехом переспросила Меррит. – Разве этого недостаточно?

– Достаточно, но... Не было никакой необходимости сообщать мне об этом лично в такой час. Ты могла бы послать записку или подождать до утра.

– Я подумала, что ты захочешь узнать об этом немедленно. И ещё я хотела лично проверить, как у тебя идут дела.

– Я очень тронут твоей заботой, – сказал Люк. – Тем более, что раньше ты не проявляла обо мне такого беспокойства.

– Что за чушь! – добродушно воскликнула Меррит. – Две недели назад я приносила тебе суп и чай на этот самый склад, когда у тебя был насморк!

Непринуждённо положив руки на бёдра, Люк сухо проговорил вполголоса:

– Давай не будем притворяться, что твой визит имеет какое-то отношение ко мне. Ты пришла сюда в надежде увидеть одного бородатого шотландца.

Она понизила голос и спросила:

– Он тебе что-нибудь рассказал?

– О чём?

– Обо мне.

– Ну, конечно, мы остановились посреди работы, чтобы посплетничать за чаем. А потом решили навестить модистку и вместе примерить шляпки...

– Да ну тебя, – резко проговорила Меррит. Её одновременно и раздосадовал, и повеселил его ответ.

Люк посмотрел на неё, медленно покачав головой.

– Будь осторожна, сестрёнка.

Улыбка Меррит погасла.

– Понятия не имею, о чём ты.

– Я имею в виду ошибку, которую ты, по-видимому, уже решила совершить. – Заметив, что она оскорбилась, Люк добавил: – Не пойми меня неправильно, Макрей кажется на редкость добродушным и уравновешенным. Настоящий кремень. Но у вас с ним нет никакого будущего. Вдобавок ко всему, после того, как ты в последние

годы пренебрегала условностями, лондонское общество умирает от желания, чтобы ты оказалась замешана в скандале. Не предоставляй им такого удовольствия.

Мало того, что ей пришлось выслушивать нотации о неподобающем поведении от младшего брата, который сам не был святым, так ещё и его обеспокоенный взгляд наводил на размышление о том, что Люк может подозревать о случившемся в квартире на складе. Неужели это так очевидно? Меррит казалось, что на её лифе вышита большая алая буква.

– Почему, во имя всего святого, ты отчитываешь меня за то, что даже не произошло? – Она старалась говорить спокойно, но внутри всё кипело от гнева.

– Я тебя не отчитываю. Просто напоминаю. Дьявол никогда не пытается запугать людей. Он лишь искушает, заставляя их ступить на скользкий путь.

Меррит вымученно рассмеялась, но её смех прозвучал как скрип гвоздя по стеклу.

– Дорогой, ты утверждаешь, что мистер Макрей – сам дьявол во плоти?

– Если это и так, – спокойно ответил Люк, – то он чертовски ловко скрывает свою натуру.

Она густо покраснела и постаралась говорить обыденным тоном, несмотря на то, что внутри негодовала.

– Если это благодарность за мои успехи в переговорах с мистером Груинардом, то я ухожу.

Она резко развернулась и демонстративно направилась к лестнице, решив не дожидаться рабочего, который сможет опустить подъёмник. Однако у Меррит не получилось произвести должного эффекта, потому что, проходя мимо пандуса, ведущего к верхнему ряду подставок для бочек, она услышала приглушённый крик.

Остановившись в замешательстве, Меррит посмотрела в сторону, откуда доносился шум, и увидела тяжёлую бочку, которая катилась прямо на неё.

Глава 4

Не прошло и секунды, как Меррит кто-то схватил и оттащил в сторону. По инерции она описала полукруг и внезапно упёрлась во что-то твёрдое и неподвижное.

Всё ещё пребывая в растерянности, Меррит вдруг поняла, что очутилась в чьих-то объятиях. Постепенно она начала ощущать тепло мужского тела, крепкую руку на спине, услышала тихий шёпот.

– Спокойно, милая. Вы в безопасности.

Из причёски выбилась прядка. Крошечная шляпка, которая крепилась к макушке гребнем, съехала набок. Немного потерявшись в пространстве, Меррит посмотрела в улыбающиеся голубые глаза Кира Макрея.

– Спасибо, – задыхаясь, проговорила она, – Мне следовало быть более внимательной. Как... как вы...

– Я только что заполнил складской стеллаж и собирался пожелать вам доброго вечера. – Макрей осторожно откинул назад выбившийся локон, упавший ей на глаза, и поймал шляпку как раз в тот момент, когда она начала сползать с головы. Он насмешливо посмотрел на предмет женского гардероба. – Что это?

– Шляпка. – Пусть она и представляла собой пучок перьев и клочок кисеи, прикрепленные к бархатной основе. Меррит забрала у него головной убор и неловко приколола его на место.

Губы Макрея дрогнули.

– Шляпа должна защищать от солнца или от дождя. А эта крошечная штука – не шляпа.

Ласковое подтрунивание вызвало у Меррит приятную дрожь.

– Чтобы вы знали, это последний писк моды.

– Она напоминает мне чибиса.

– Кого?

– Маленькую красивую птичку с пучком перьев на голове. – Макрей продолжал обнимать её одной рукой. Как восхитительно находиться так близко к нему. Меррит поняла, что разозлилась на Люка, потому что он был прав: она сама шла навстречу неприятностям. По правде говоря, бежала сломя голову.

Люк поймал злополучную бочку и как раз катил её обратно по пандусу вверх, в то время как бригадир строго отчитывал кладовщика. Молодой парень, ещё подросток, побагровел и бросил растерянный взгляд на Меррит.

– Мне очень жаль, миледи, я... я прошу прощения...

– Не переживай, парень, – просто сказал Макрей. Убедившись, что Меррит твёрдо держится на ногах, он её отпустил. – Её светлость не пострадала.

– Я сама виновата, – сказала Меррит. – Мне следовало смотреть по сторонам.

– В столь поздний час сложно сохранять бдительность, – сказал Люк, с трудом поставив бочку на днище. – Попробуй перекатывать бочку, не кладя её набок, – посоветовал он молодому кладовщику. – Так медленнее, но надёжнее. Я покажу тебе, но сначала... – Он кинул через плечо взгляд на Меррит, между его тёмными бровями появилась морщинка. Люк неохотно попросил: – Макрей, не согласитесь ли вы проводить мою сестру до кареты?

– Да, конечно, – быстро ответил Макрей.

Меррит улыбнулась и потянулась к руке Макрея.

– Предпочитаю воспользоваться лестницей вместо подъёмника.

Пока они спускались по длинной отгороженной стеной лестнице, Меррит рассказала ему о своей встрече со сборщиком акцизов. Макрей был приятно удивлён её навыками ведения переговоров, он поблагодарил Меррит за отвоёванное дополнительное время и сказал, что оно им очень пригодится, поскольку работа шла, но медленнее, чем хотелось бы.

– Вы, должно быть, жутко устали, – обеспокоенно заметила Меррит.

– Работа утомительная, – признал он, – но завтра мы всё закончим, и я вдоволь отосплюсь.

– А потом?

– До конца недели у меня назначены встречи с компаниями, которые хотят купить виски и самостоятельно разлить его по бутылкам.

– И они наклеят на них свои этикетки?

Макрей грустно кивнул.

– Я не в восторге от идеи, – признался он, – но это прибыльное дело, а на винокурне нужно многое переоборудовать.

Они остановились у подножия лестницы. Меррит повернулась и посмотрела в его лицо в потёмках.

Она поняла, что пришло время прощаться, и её снова охватило то сиротливое чувство.

– Судя по всему, ваши дни заняты, – сказала она, стараясь говорить непринуждённо, – но как насчёт вечеров? У вас уже есть планы? Я могла бы устроить небольшой неформальный ужин у себя дома и познакомить вас с некоторыми милыми людьми. Обещаю, вам понравится...

– Нет, – поспешно ответил Макрей. – Спасибо, но я дни напролёт буду общаться с новыми людьми.

– Понимаю. – Меррит замялась. – Возможно, нам с вами не стоит никого приглашать. У меня отличная кухарка. Она приготовит что-нибудь незатейливое. Не завтра вечером, конечно, вам захочется отдохнуть. Но через вечер вы просто обязаны прийти ко мне на ужин. Мы проведём время тихо и спокойно.

Макрей хранил пугающее молчание. Он пристально смотрел на неё, его глаза мерцали в потёмках, словно звёзды.

Он собирался отказаться. Как же его убедить?

– Вы же обещали, что когда-нибудь мы вместе выпьем виски, – напомнила она. – Вот и прекрасная возможность.

– Меррит...

– В связи с этим... Я вспомнила, что хотела задать вопрос о названии, выбитом на ваших бочках. Очень длинное, начинается на букву "П".

– "Прайберниак".

– Да. Что оно означает?

Через мгновение Макрей ответил:

– Его можно перевести как "внезапное оживление".

Она улыбнулась.

– Принесёте немного на пробу?

Но он не улыбнулся в ответ.

– Меррит, – тихо проговорил Макрей, – вы же понимаете, почему я не могу прийти.

Размышляя над ответом, она вспомнила давнишний разговор с отцом, самым разумным человеком на свете. Они обсуждали различные трудности, с которыми она столкнулась после того, как возглавила "Стерлинг Энтерпрайзис". Меррит тогда спросила отца, откуда он знает, когда стоит рисковать.

И он ответил:

– Прежде чем рискнуть, задай себе вопрос, что для тебя важно.

"Время, – подумала Меррит. – Мы тратим впустую столько времени".

Она не задумывалась об этом до сих пор, но в течение последнего года Меррит не могла отделаться от ощущения, что упускает драгоценное время, и теряла терпение. В мире существовало столько правил, чтобы держать людей на расстоянии и подавлять естественные инстинкты. Она устала от этого. Её начали возмущать все те невидимые барьеры, которые стояли на пути к исполнению желаний.

Наверное, мама чувствовала тоже самое. Будучи своенравной молодой наследницей, она приехала в Англию со своей младшей сестрой, тётёй Дейзи, когда ни один джентльмен в Нью-Йорке оказался не готов сделать им предложение. Они обе считались желтофиолями, и их раздражали ограничения, которые накладывало вежливое поведение. Даже сейчас мама временами говорила и вела себя слишком откровенно, но, судя по всему, папе это нравилось.

– Мистер Макрей, – сказала Меррит, – в течение последних трёх лет я управляла судоходной компанией, присутствовала на сотнях деловых встреч и целыми днями заполняла документы. Помимо младшего брата, моим ближайшим соратником был бухгалтер. Сегодня вечером я около двух часов вела переговоры с акцизным чиновником. Как вы можете догадаться, мои детские мечты были не об этом. Я не жалею, всего лишь указываю на то, что в жизни полно обязанностей, о которых мы не просили. Вот почему я не чувствую за собой вины, если хочу поужинать с другом.

– С другом, – насмешливо повторил Макрей, – вот значит, кем вы меня считаете?

– Да, почему нет?

Он подошёл ближе, и его тень упала на Меррит. На фоне света от газовой лампы вырисовывался силуэт его головы.

– Вы бы не стали меня так называть, – тихо проговорил Макрей, – если бы понимали, какое представляете для меня искушение.

Вот она, правда во всей красе.

Меррит решила не обращать на неё внимания.

– Искушению можно противостоять, – рассудительно заметила она. – Человек принимает решение и придерживается его. Я уверена, что могу рассчитывать на вашу честь так же, как и на свою собственную. Давайте насладимся обществом друг друга, естественно, тайком, и ничего не будем усложнять. Ужин в восемь вечера. Мой дом находится недалеко отсюда, Карнейшн-лейн, дом номер три. Из красного кирпича, с белой отделкой и плющом на...

Меррит пришлось замолчать, когда Макрей прервал её полезные рекомендации горячим сладким поцелуем.

Совершенно не по-дружески. Жар и потребность, слились в необузданной чувственности, которая выбивала почву из-под ног. Её руки в перчатках скользнули вверх и вцепились в его широкие плечи. Поцелуй всё не заканчивался, губы Макрея исследовали её рот, даря восхитительные ощущения. Он провёл рукой по её спине, Меррит выгнулась ему навстречу. Груды налились и стали очень чувствительными, они жаждали прикосновения... поцелуев... О боже, она лишилась рассудка.

Меррит чувствовала мощь его тела, каждый напряжённый мускул. Его грудь тяжело поднималась и опускалась, а дыхание стало прерывистым. Потянувшись вниз, он схватил её за бедра и, приподняв, прижал к своей внушительно набухшей плоти. Меррит представила, каково это распластаться под ним, ощущая эту твердую плоть внутри. Из горла вырвался слабый стон.

Его язык востребовался, как будто мог попробовать этот звук на вкус. Макрей прервал поцелуй и прижался лбом к её лбу. Их учащённое дыхание смешалось.

Было трудно говорить, пока он прижимал её бедра к своим. Всё тело пульсировало.

– Полагаю, вы думаете, что доказали свою правоту, – с трудом проговорила Меррит.

– Да, – хрипло ответил он. – Не искушайте меня снова попытаться её доказать. – Но он наклонил голову и украл ещё один поцелуй... и ещё один... Провёл губами по её губам и нежно их прикусил, как будто не мог удержаться. Макрей неровно вздохнул, крепко обнял Меррит и произнёс что-то по-гэльски, скорее всего ругательство.

Медленно, почти болезненно, он отстранился и отошёл. Он упёрся руками в стену, опустил голову и сделал несколько долгих, размеренных вдохов.

Догадываясь, что он пытается усмирить желание, что было нелегко, Меррит почувствовала ответный трепет где-то в глубине тела.

В конце концов, он оттолкнулся от стены и открыл Меррит дверь.

Макрей проводил её до экипажа, холодный ночной воздух заставил Меррит поёжиться.

Увидев их приближение, лакей поспешил открыть дверцу кареты и опустить откидную ступеньку.

Прежде чем забраться внутрь, Меррит остановилась напоследок сказать Макрею несколько слов. Несмотря на хаос в голове, она была довольна тем, как непринуждённо и обыденно прозвучал её голос:

– Я буду ждать вас у себя дома послезавтра.

Он прищурился.

– Я не говорил, что приду, маленькая задира.

– Не забудьте виски, – сказала она и поспешно села в карету, прежде чем Макрей успел ответить.

Глава 5

После того как всю партию виски, сравнимую по цене с целым состоянием, промаркировали и благополучно разместили на таможенном складе, Киру хватило сил только подняться по лестнице в свою квартиру. Он проспал весь день и всю ночь и проснулся, чувствуя себя отдохнувшим и готовым свернуть горы.

Для встреч с покупателями требовалось приобрести новое пальто, так как его собственное нуждалось в чистке и было таким старым, что, вероятно, не пережило бы стирки. Сначала Кир заглянул в пекарскую лавку, где наелся пирожков на завтрак и спросил, где можно раздобыть готовую одежду.

Впервые в жизни Кир купил одежду, сшитую машинным способом. Чёрный шерстяной бушлат, стилизованный под те, что носили моряки и портовые грузчики, был двубортным и достаточно коротким, чтобы не мешать движению ног. Оно сидело вполне сносно, хотя в талии оказалось слишком свободным, а рукавам не хватало длины. В таверне Кир встретился с управляющим, который намеревался разместить крупный заказ после того, как его поверенный тщательно изучит договор на независимый розлив.

Дальше он отправился в западную часть города, в район Сент-Джеймс. По предложению одного состоятельного жителя Айлея, пожилого адвоката по имени Гордан Катах, Кир решил обратиться в известный джентльменский клуб с намерением продать специальную партию односолодового виски сорокалетней выдержки.

– Самые известные клубы – "Уайтс", "Брукс" и "Будлс", – рассказал ему Катах. – Все они располагают средствами, чтобы заплатить высокую цену. Но на твоём месте я бы начал с "Дженнерса". Он не настолько привилегирован, как другие, но в него мечтают вступить все. Некоторые джентльмены, и заметь, высокопоставленные, проводят в списке ожидания лет по десять.

– Как так?

– В "Дженнерсе" подают самую роскошную еду и спиртные напитки... у них есть даже курительная комната, где вручную сворачивают сигары на любой вкус. Клуб был основан давным-давно профессиональным боксёром. Его дочь вышла замуж за герцога Кингстона, которому теперь и принадлежит это заведение.

Киру было плевать на какого-то дряхлого аристократа, поэтому в ответ он лишь равнодушно пожал плечами.

– Нет ничего необычного в том, что герцог владеет первоклассной лондонской недвижимостью.

– Да, но самое интересное то, что Кингстон некоторое время сам управлял клубом. – Для убедительности Катах добавил: – Дворяне никогда не работают. По их мнению, это унижительно, понимаешь, и стоит им уважения как простых людей, так и их собратьев.

– Должно быть, у него не было выбора, – задумчиво проговорил Кир.

– Несомненно. Но герцог сделал "Дженнерс" таким, какой он есть сейчас, и обогатился в процессе. – Катах покачал головой со смесью восхищения и зависти. – Он вёл интересную жизнь. Говорят, в юности Кингстон был порочным, как сам дьявол. Он слыл проклятием любого мужчины с хорошенькой женой. Затем герцог женился на богатой женщине и зажил респектабельной жизнью. Для Кингстона возмездием за грехи стали золото и сокровища.

– Какой-то эгоистичный обормот, – категорично постановил Кир. – Я не стану продавать своё виски такому человеку.

– Не будь тупицей, парень. С самим герцогом ты даже не встретишься. Он давно отдал бразды правления клубом. Напиши управляющему. Он отвечает за размещение заказов у торговцев и заведует погребом.

По настоянию Катаха Кир завязал переписку с Хорасом Хоглендом, управляющим "Дженнерса", и они договорились встретиться, когда Кир приедет в Лондон.

Когда Кир вошёл в "Дженнерс" с небольшим деревянным ящичком, в котором находились образцы виски, он изо всех сил старался вести себя непринуждённо. Эти люди могли счесть его примитивным мужланом, но будь он проклят, если подтвердит это своим поведением. И всё же Кир изо всех сил пытался не пялиться с отвисшей челюстью на окружающий интерьер из белого мрамора, лепнины в виде золотых листьев, богатых ковров, поглощающих звуки шагов, и россыпи хрустальных люстр. Кир никогда не бывал в столь роскошных местах, как "Дженнерс". Сам клуб располагался в центре сводчатого главного зала с парадной лестницей и балконными мраморными перилами, простирающимися вдоль верхних этажей.

К счастью, высокомерных аристократических клиентов видно не было, только слуги вокруг начищали и полировали предметы, которые и так уже выглядели начищенными и отполированными.

– Мистер Макрей. – К нему немедленно подошёл разодетый с иголки коренастый мужчина средних лет. На нём красовался тёмный костюм с блестящими пуговицами. – Хорас Хогленд, управляющий клубом, – представился он, протягивая руку. – Рад наконец-то с вами познакомиться лично.

Дружелюбное поведение управляющего подействовало на Кира умиротворяюще, и они обменялись крепким рукопожатием.

– Добро пожаловать в "Дженнерс", – сказал Хогленд. – Что вы думаете об этом месте?

– Оно шикарное.

Управляющий улыбнулся.

– Я считаю себя настоящим счастливым, раз могу здесь работать. – Он провёл Кира в комнаты с обшитыми квадратными панелями потолка, кожаными диванами и глубокими креслами, расставленными вокруг маленьких столиков, на которых были разложены свежеевыглаженные газеты и сверкающие хрустальные пепельницы для сигар. – Я питаю особую любовь к односолодовому виски с острова Айлей, – заметил Хогленд. – Много лет назад один мой шотландский кузен подарил мне бутылку с винокурни Макрея. – Он вздохнул, предаваясь воспоминаниям. – Мягкое, как сливки, виски с послевкусием поджаренных яблок. Необыкновенно.

– Отцу нравилось его дело.

– Он обучил вас своим методам?

– С самого детства, – заверил его Кир. – Я начинал с того, что таскал мешки с солодом в сушильную печь, а затем изучил все работы на винокурне.

Они сели за стол, на котором стоял круглый поднос со стаканами. Кир открыл деревянный ящичек, в котором лежали миниатюрные бутылочки в ряд с небольшими порциями виски.

– Это та партия, о которой вы мне писали? – спросил Хогленд, разглядывая образцы с откровенным предвкушением.

– Да. После смерти отца мы с работниками провели инвентаризацию на винокурне и нашли потайной погреб, где была спрятана огромная бочка односолодового виски. Она пролежала там нетронутой сорок лет. – Кир откупорил

крошечную бутылочку и налил янтарную жидкость в стакан. – В течение года мы выдерживали этот виски в бочках из-под хереса, а затем разлили по бутылкам и назвали в честь моего отца "Улад Лахлан", что означает "Сокровище Лахлана".

– И сколько всего получилось бутылок?

– Двести девяносто девять, – ответил Кир.

Хогленд покрутил виски в стакане, поднёс его к носу и глубоко вдохнул аромат. Затем пригубил немного, сосредоточившись на том, как напиток мягко перекачивается во рту. Малейшие изменения в выражении его лица говорили о том, как Хогленду постепенно раскрывается вкус, словно управляющий медленно приподнимает крышку сундука с пиратскими сокровищами. Сначала чувствовался налёт древесных опилок и солёного рассола, потом – сладость хлебного пудинга, а в завершение – удивительная лёгкость бeze с еле уловимым привкусом дыма.

Хогленд ненадолго замолчал, уставившись на остатки спиртного в стакане.

– Это нечто, – пробормотал он. – Редкий благородный виски. Не помню, чтобы мне доводилось пробовать нечто подобное. – Управляющий снова сделал глоток, смакуя вкус. – Насколько он разбавлен?

– Мы разлили его по бутылкам бочковой выдержки².

Хогленд отпил ещё чуть-чуть, закрыв глаза, чтобы лучше оценить вкус, и медленно выдохнул.

– Сколько за партию? – спросил он.

– За всю?

– За все двести девяносто девять бутылок.

– Три тысячи фунтов, – с готовностью ответил Кир.

Хогленд не выказал особого удивления, скорее смирение. Кир просил целое состояние, по меньшей мере, в десять раз больше, чем стоило обычное виски. Но они оба понимали, что это виски необычное. И Кир с лёгкостью найдёт другого покупателя.

– За такую сумму, – сказал Хогленд, – я ожидаю, что вы предоставите на пробу и остальные образцы.

Кир ухмыльнулся и пододвинул к нему деревянный ящичек.

Хогленд открыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал, посмотрев поверх плеча Кира. Управляющий тут же просиял.

– Вам повезло, Макрей, – сказал он. – Сам герцог Кингстон только что вошёл в комнату. Возможно, вам повезёт познакомиться с его светлостью, если он подойдёт к нам.

Кир никогда раньше не встречал герцогов, поэтому едва подавил искушение повернуться в кресле и взглянуть на него.

– Мне сказали, что Кингстон больше не управляет клубом, – заметил он.

– По большому счёту, нет. Но герцог по-прежнему считает "Дженнерс" жемчужиной в короне своей империи и довольно часто сюда заезжает. – Не сводя с Кингстона глаз, Хогленд весь сиял, как будто в присутствии какого-то небесного существа. – Его светлость сейчас разговаривает с метрдотелем. Ни один другой джентльмен его положения не одарил бы таким вниманием подчинённого. Но герцог – очень любезный человек.

Кира слегка раздражало почтение, граничащее с раболепством, которое выказывал управляющий Кингстону.

– А... да, он идёт сюда! – воскликнул Хогленд и отодвинул стул, чтобы встать.

² Виски бочковой выдержки (Cask Strength) отличается от прочих сортов тем, что не разбавляется водой по завершении вызревания спиртов и зачастую не подвергается холодной фильтрации. Его крепость обычно составляет 58-66%, а аромат и вкус более насыщены, чем у виски стандартной крепости.

Кир подумал, не нужно ли и ему подняться на ноги. Обязаны ли это делать только слуги, или простолюдины тоже? Нет, он не будет вести себя при встрече с герцогом, как какой-то мальчишка перед деревенским учителем. Но потом Кир вспомнил, что отец всегда предупреждал: "Самая гордая крапива растёт на навозной куче".

Неохотно он всё же решил уточнить у управляющего:

– Мне следует...

– Да, – впопыхах ответил Хогленд, не отрывая взгляда от приближающегося герцога.

Кир отодвинул стул и, встав, повернулся к Кингстону.

Из того, что он узнал о прошлом герцога, Кир ожидал увидеть напыщенного престарелого денди или распутника со слезящимися глазами. Кого угодно, только не элегантного худощавого мужчину, который двигался с ленивой грацией кота. Его чисто выбритое лицо являло собой образчик мужской красоты, которую невозможно утратить с возрастом. Светлые волосы тёмно-золотого оттенка посеребрила седина на висках и по бокам, на лице проглядывались местами лёгкие морщинки. Но признаки зрелости лишь придавали герцогу более могущественный вид. От одного его присутствия волосы на руках Кира под слишком короткими рукавами готового пальто встали дыбом в знак предупреждения.

– Хогленд, – проговорил бархатным мягким голосом Кингстон, – рад тебя видеть. Надеюсь, твоему сыну лучше?

– Как любезно с вашей стороны поинтересоваться, ваша светлость. Да, он полностью оправился после падения. Бедный мальчуган так быстро вырос, что ещё не научился управлять своими длинными руками и ногами. Моя жена называет его "кожа да кости".

– Мой сын Айво такой же. В последнее время он резко пошёл в рост как сорняк.

– Как думаете, он вырастет таким же высоким, как два ваших других сына?

– Благодаря одной силе воли, если потребуется, – сухо заметил герцог. – Айво сообщил мне, что не намерен оставаться самым маленьким и низкорослым.

Хогленд усмехнулся и представил Кира герцогу:

– Ваша светлость, этот человек, мистер Кир Макрей, привёз образцы виски со своей винокурни на Айлее. Не пригубите немного? Я очень рекомендую.

– Нет, ещё совсем рано для... – Герцог замолчал, когда его взгляд переместился на Кира.

Кир уставился в светлые голубые глаза, чей взгляд пронизывал, как мороз зимой. Неподвижная поза герцога напомнила ему стойку беркута, выслеживающего добычу на острове.

Непонятная напряжённая тишина заставила Кира испытать ещё большую неловкость. Наконец герцог переключил внимание с Кира на озадаченного управляющего, который переводил взгляд с одного на другого.

– Впрочем, – монотонно проговорил Кингстон, – почему бы и нет? Налейте мне, Хогленд.

– Да, ваша светлость. – Управляющий проворно откупорил бутылочку и вылил виски в чистый стакан.

Не потрудившись ни покрутить, ни вдохнуть аромат виски, герцог без лишних церемоний опрокинул в себя содержимое стакана резким движением запястья, как будто принял дозу лекарства.

Кир наблюдал за сценой с немым возмущением, гадая, не намеривался ли герцог нанести ему этим оскорбление.

Глядя на пустой стакан в своей руке, Кингстон, казалось, собирался с мыслями.

Хогленд всё ещё переводил взгляд с Кира на герцога, всё больше и больше недоумевая.

Что, чёрт возьми, происходит?

Наконец Кингстон поднял голову, выражение его лица оставалось непроницаемым, но тон был дружелюбным:

– Вы родились и выросли на Айлее?

– Вырос, – настороженно ответил Кир.

Герцог поставил стакан на стол с излишней осторожностью.

– Превосходный односолодовый напиток, – заметил он. – Торф почти не чувствуется и вкус более многогранный, чем можно ожидать от айлейского виски.

Похвала умиротворила Кира, и он сказал:

– Отец никогда не был поклонником торфяного виски.

– Его больше нет?

– Ушёл из жизни четыре года назад.

– Мне жаль это слышать. А ваша мать?

– Её тоже нет.

После ещё одной долгой паузы герцог взял пустую бутылочку из-под виски и посмотрел на этикетку.

– Макрей, – прочитал Кингстон. – Прекрасное старинное шотландское имя. У вас есть семья в Англии?

– Насколько мне известно, нет.

– Вы бывали в Англии раньше?

– Один раз, по делу.

– Надеюсь, вы хорошо здесь устроились?

– Да, я живу в квартире на одном из складов Стерлингов.

– Вы знакомы с леди Меррит?

Одно упоминание её имени чудесным образом разрядило обстановку. Мышцы на лице Кира расслабились.

– Да, имел честь. Она добрая и милая женщина.

Внезапно лицо герцога озарила добродушная улыбка.

– Я знаю её с самого момента рождения.

Брови Кира слегка приподнялись.

– Вы присутствовали в тот день во время шторма?

– Она рассказала? Да, я был одним из добровольцев, которые отправились на поиски акушерки или врача. Один из нас привёл ветеринара, и никто не питал особых надежд, но, к чести доктора, всё закончилось хорошо.

– Я думаю, все почести должны принадлежать матери леди Меррит, – сказал Кир.

Кингстон ухмыльнулся.

– Вы правы.

Глядя на них обоих, Хогленд с рассеянным видом задал вопрос:

– Мистер Макрей, не следует ли нам заключить соглашение о частичной оплате и доставке?

– Устного соглашения пока будет достаточно, – ответил Кир. – У меня назначена ещё одна встреча, а я не люблю опаздывать. – Он замолчал, обдумывая своё расписание. – Могу я вернуться в пятницу?

Хогленд кивнул.

– В любое время до полудня.

В ответ Кир тоже деловито кивнул.

– Тогда я пойду. – Он повернулся и обнаружил, что герцог всё ещё пристально на него смотрит. – Очень приятно, ваша светлость.

– Я рад... – начал герцог, но внезапно затих. Он отвёл взгляд и откашлялся, как будто только сейчас почувствовал обжигающий вкус виски.

Кир слегка наклонил голову, хмуро глядя на Кингстона. Герцог нездоров? Или недавно получил плохие новости?

– Как и его светлость, я рад нашему знакомству, Макрей. И с нетерпением жду следующей встречи в пятницу, – поспешно вмешался Хогленд.

Глава 6

Остаток дня прошёл хорошо. Кир встретился с управляющим отеля, а затем с владельцем таверны в Фаррингтоне, и они оба согласились заключить контракты на частный розлив. После этого он отправился за своими людьми, Оуэном и Слорахом, и проводил их до железнодорожного вокзала Виктория, где они должны были сесть на экспресс до Глазго, а оттуда отправиться на Айлей.

Слораху, суровому и морщинистому кальвинисту шестидесяти пяти лет, не терпелось покинуть Лондон, который он считал омерзительным притоном греха и нищенства.

А вот Оуэну, беззаботному парню, едва вышедшему из подросткового возраста, не хотелось возвращаться на Айлей.

– В Лондоне ещё столько всего интересного, – запротестовал он.

– Ага, – сухо ответил Слорах, – вот и хорошо, что ты возвращаешься на Айлей до того, как успел натворить дел. – Повернувшись к Киру, пожилой мужчина печально сказал: – Он будет ворчать всю дорогу домой. Но я дал слово его матери, что буду держать его подальше от неприятностей. – С хмурым видом Слорах добавил: – Я бы предпочёл забрать и тебя с нами.

Кир ласково улыбнулся.

– Не волнуйся, я буду держаться подальше от неприятностей.

– Лондон не место для таких, как ты, юный Макрей. Не задерживайся здесь дольше, чем нужно.

– Не задержусь.

Проводив парочку, Кир отправился на поиски извозчика. Проходя мимо строительных лесов, парового экскаватора, фабрики и многоквартирного дома, он подумал, что реакция Слораха на город с населением в пять миллионов человек была вполне понятна. Здесь слишком много суеты и шума, слишком много всего для человека, привыкшего к безмятежности и тишине зелёного шотландского острова.

Но когда Кир подумал о встрече с Меррит этим вечером, его охватило предвкушение. Он жаждал её общества, как будто она была наркотиком. Нет, не наркотиком... искрой волшебства в обыденной жизни. В той самой хорошей жизни, которую он любил.

Но в глубине души Кир знал, насколько опасна для него Меррит. Чем лучше он её узнает, тем сильнее разыграется желание, и тогда любой шанс на счастье ускользнёт от него, как песок сквозь пальцы. Кир проведёт остаток своих дней, вздыхая по женщине, которая всегда будет недостижима, как самая далёкая звезда.

И всё же... он должен увидеть её в последний раз. Только и всего. После этого он закончит свои дела в Лондоне и вернётся на Айлей.

Но и расстояния в пятьсот миль будет недостаточно.

Она сказала, ровно в восемь.

Когда Кир проходил мимо цирюльни, чья рекламная вывеска гласила: “Стрижём за пенни, бреем за полпенни”, он остановился и заглянул в окно. Внутри была чистая и приличная обстановка, на стенах висели зеркала в рамах, полки с

разными флакончиками, стояло кожаное кресло с регулируемым подголовником и подставкой для ног.

Возможно, ему стоит немного привести себя в порядок перед ужином. Кир провёл рукой по своим отросшим волосам. Да... его необузданную гриву не помешало бы немного укротить.

Он осторожно вошёл в цирюльню.

– Добро пожаловать, сэр, – поприветствовал его цирюльник, весёлого вида мужчина с замысловато завитыми усами. – Хотите подстричься и побриться?

– Подстричься, – ответил Кир.

Цирюльник указал на кресло.

– Присаживайтесь, сэр.

После того как Кир сел, мужчина отрегулировал подголовник и подставку для ног и вручил ему карточку с дюжиной маленьких иллюстраций мужских голов.

– Для чего это? – спросил Кир, внимательно разглядывая картинки.

– Чтобы вы могли выбрать стрижку. – Цирюльник указал на несколько помеченных рисунков. – Эта называется "Фаворит", а эта – французская стрижка "Сквайр".

Кир не знал, что существуют другие варианты стрижек кроме "коротко" и "не коротко", поэтому пристально изучил маленькие рисунки и указал на тот, где волосы у мужчины были аккуратно и коротко подстрижены.

– Вот эту.

– Хороший выбор, – одобрил цирюльник, обходя вокруг кресла и критически оглядывая голову Кира под разными углами. Он попытался провести мелкозубой расчёской по густым, слегка вьющимся локонам, но остановился. – Хм. Потребуется целых две стрижки.

Вымыв и ополоснув волосы Кира в фарфоровой раковине с помощью специальной лейки, прикреплённой к резиновому шлангу, цирюльник усадил его обратно в кресло и повязал ему на шею отрез ткани. Затем последовал долгий процесс стрижки и придания волосам формы, сначала ножницами, затем механическим триммером, который подравнивал пряди при каждом нажатии на рукоятки, соединённые пружиной. Наконец цирюльник завершил работу, подбрав лишние волосы на шее.

– Подстричь вам бороду, сэр? – спросил цирюльник.

– Да.

Мужчина задумчиво оглядел Кира.

– Вы могли бы и вовсе отказаться бороды, – предложил он. – У вас прекрасный подбородок.

Кир покачал головой.

– Мне нельзя сбривать бороду.

– Оспины? Шрамы? – с сочувствующим видом спросил цирюльник.

– Не совсем. – Поскольку мужчина явно ожидал объяснений, Кир неловко продолжил: – Ну... мы с друзьями – грубоватые ребята. У нас такой способ подшучивать и обмениваться оскорблениями. Всякий раз, когда я сбрываю бороду, они начинают насмехаться и издеваться. Посылают воздушные поцелуи, называют меня модным парнем и всё такое. И им это никогда не надоедает. Деревенские девушки принимаются кокетничать и околачиваться вокруг моей винокурни, мешая работе. Это очень раздражает.

Цирюльник ошеломлённо на него уставился.

– Значит, недостаток, который вы пытаетесь скрыть... неземная красота?

Лысеющий мужчина средних лет в зоне ожидания насмешливо фыркнул.

– Чушь собачья! – воскликнул он. – Послушай мой совет, наслаждайся, пока можешь. Вянут леса, вянет и краса.

– Что он сказал, племянник? – спросил пожилой мужчина рядом с ним, поднося к уху металлическую слуховую трубку.

– Молодой человек говорит, что он слишком красив, – сказал мужчина средних лет прямо в трубку.

– Слишком красив? – переспросил чудаковатый старик, поправляя очки и косясь на Кира. – Кем этот нахал себя возомнил, герцогом Кингстоном?

Развеселившись, цирюльник решил объяснить Киру, при чём тут герцог.

– Его светлость герцога Кингстона считают одним из самых красивых мужчин человечества.

– Я знаю... – начал Кир.

– В своё время он наделал много шума, – продолжил цирюльник. – В "Панче"³ до сих пор шутят на эту тему. Издают карикатуры с падающими в обморок женщинами и тому подобным.

– Говорят, он красив, как Отелло, – сказал мужчина, подметавший отстриженные волосы.

– Как Аполлон, – сухо поправил цирюльник, смахивая сухой кисточкой мелкие волоски с шеи Кира. – Я подозреваю, что к настоящему времени Кингстон потерял большую часть своих знаменитых золотых локонов.

Кир хотел было возразить, ведь он встречался с герцогом только сегодня днём и сам видел, что его пышная шевелюра на месте. Однако передумал и придержал язык.

Вернувшись в свою квартиру, Кир нагрел воды, чтобы тщательно вымыться, не жалея мыла. Он переоделся в свежую одежду, начистил ботинки и придал себе максимально презентабельный вид. Беглый просмотр карты Лондона показал, что Карнейшн-лейн находится всего в нескольких минутах ходьбы от склада. Перед тем, как выйти, Кир засунул во внутренний карман своего нового пальто стеклянную бутылку с виски "Прайберниак".

Вечер был прохладным и влажным, в мутной дымке бледно сияла луна. Пристань затихла, лёгкие баржи, парусные лодки и судна для транспортировки почты пришвартовали, устремлённая ввысь мачта большого корабля напоминала рёбра обглоданной туши.

Кир зашагал прочь от доков в сторону главной дороги, минуя маленькие переулки и закоулки, в которых было темно из-за низко нависающих карнизов крыш. Рабочие и лавочники закончили трудовой день и разошлись по домам на ночь, и теперь на улице начали появляться люди другого сорта: проститутки, мошенники, нищие, уличные музыканты, моряки, чернорабочие. Одни бродяги с бутылками джина, ссутулившись, стояли в дверных проёмах, в то время как другие толпились на лестницах. Шайка бездомных развела небольшой костёр из мусора под каменным мостом через канал.

Уличных фонарей в этом месте было немного, и они стояли далеко друг от друга, констебля или кого-то из правоохранителей не наблюдалось. Кир отошёл в сторону, уступая дорогу пьяным гулякам, которые, шатаясь, прошли мимо него по старому деревянному тротуару, распевая застольную песню. Его губ коснулась лёгкая улыбка, он вспомнил о том, что всегда говорил отец, когда кто-то перебирал с выпивкой: "Сегодня парню обеспечен кирпич в шляпе".

Когда Кир снова двинулся по улице, по телу побежали мурашки, у него возникло нехорошее предчувствие. По тротуару быстро промелькнула тень. Но Кир

³ "Панч" (англ. Punch) — британский еженедельный журнал сатиры и юмора, издававшийся с 1841 по 1992 год и с 1996 по 2002 год.

не смог обернуться, в этот момент кто-то толкнул его со всей силы, отчего он отлетел в тёмный переулок и врезался в кирпичное здание.

Не успел Кир сделать полный вдох, как чья-то мощная рука схватила его сзади за шею и придавила к стене. Разъярившись, он попытался извернуться, но нападавший ударил его в спину справа.

Резко подняв предплечье, чтобы разорвать хватку, Кир повернулся. Слишком поздно он увидел, как в свободной руке мужчины сверкнуло лезвие ножа. Он с размаху ударил им Кира в грудь, но попал в стеклянную бутылку в кармане пальто.

Вцепившись в запястье и руку нападавшего, Кир заставил его согнуть локоть и повернулся боком, завладев преимуществом. Теперь ему не составило труда выкрутить мужчине руку, будто оторвать крылышко от жареного цыплёнка. Послышался хруст вывихнутого плеча, мучительный вопль, и нож со звоном упал на землю.

Кир намеренно наступил на нож и бросил на мужчину злобный взгляд. Теперь бой стал честным.

– Поди сюда, – прорычал он, – ты, подлый, наглый засранец.

Нападавший пустился наутёк.

Тяжело дыша, Кир наклонился, чтобы поднять маленький складной ножик. Увидев на нём кровь, Кир выругался и потянулся ощупать болезненное место на спине.

Трусливый ублюдок всё-таки его пырнул.

Но, что ещё хуже, из-за него Кир опоздал на ужин.

Глава 7

Хотя Меррит понимала, что Кир Макрей может не принять приглашение на ужин, она решила быть оптимистичной. Вместе с кухаркой, миссис Чалкер, они составили простое меню: пикантное тушёное мясо говядины, домашний хлеб, а на десерт мармеладный пирог, покрытый сахарной глазурью и нежными кусочками цукатов.

В половине девятого, когда Макрей так и не появился, её охватило разочарование. Она беспокойно бродила по своему небольшому дому, который они с Джошуа купили у отставного морского капитана. Коттедж с его очаровательными башенками, фронтонами и подзорной трубой на верхнем этаже стоял на пологом холме, с которого открывался вид на море. Меррит нравилось вести свободную уединённую жизнь в собственном доме, но бывали времена, когда её постигало одиночество. Как сейчас.

Она присела в кресло у камина в гостиной и взглянула на часы. Восемь сорок пять.

– Боже, – мрачно проговорила она. – Не нужно было вынуждать беднягу соглашаться. – Она нахмурилась и вздохнула. – Полагаю, мне достанется больше пирога.

Тишину прорезал весёлый звон механического дверного звонка.

Нервы Меррит зазвенели от облегчения и предвкушения, и она едва сдержалась, чтобы не вскочить с кресла как школьница. Она глубоко вздохнула, разгладила юбки и вышла из гостиной в прихожую. Лакей Джеффри уже открыл дверь и разговаривал с кем-то снаружи.

– Ты можешь пригласить моего гостя войти, – беспечно проговорила она.

Джеффри повернулся к ней с встревоженным видом.

– Он не хочет, миледи.

Меррит озадаченно подошла к двери и жестом велела лакею отойти в сторону. На пороге стоял Макрей, растрёпанный, без шляпы, но невероятно красивый. Её приятно удивило то, как смотрелись его короткие янтарно-золотые пряди после стрижки. Он обладал чувственным очарованием падшего ангела Кабанеля⁴.

Ей показалось, или он действительно выглядел немного бледным? От нервов? От недомогания?

– Проходите, – настойчиво пригласила она.

Но Макрей виновато и смущённо покачал головой.

– Я не могу остаться. Но я не хотел заставлять вас ждать... Если вы меня, конечно, ждали...

– Конечно, я вас ждала, – Меррит с беспокойством оглядела Макрея. Он имел бледный вид, а его зрачки были неестественно расширены. – Посидите со мной, – увещевала она, – пусть и несколько минут.

– Примите мои извинения, миледи, но... Мне нужно вернуться в квартиру.

Заподозрив неладное, Меррит постаралась говорить как можно мягче.

– Могу я спросить, почему?

– По дороге сюда я попал в небольшую потасовку, и мне... нужно немного отдохнуть.

– В потасовку, – повторила она, вглядываясь в него повнимательнее. – Вы имеете в виду драку?

Рот МакреяЛеди Меррит Стерлинг скривился от досады.

– По дороге с пристани на меня напал грабитель. Но я с ним справился.

Меррит окинула его обеспокоенным взглядом с головы до ног. На светлой каменной площадке перед дверью, прямо рядом с его ботинком, виднелась красная капля. Неужели... кровь? Упала ещё одна капля и приземлилась неподалёку от первой.

Охваченная внезапной паникой, Меррит ринулась к нему.

– Вы войдёте внутрь. Да, войдёте. Даже не думайте спорить. – Опасаясь, что он может нетвёрдо стоять на ногах, она попыталась приобнять его одной рукой и наткнулась на мокрое пятно на спине. Даже не глядя, Меррит поняла, в чём было дело.

– Джеффри, – бросила она через плечо лакею, стараясь говорить спокойно, несмотря на тревогу.

– Да, миледи?

– Нам понадобится доктор Гибсон. Только не посылай записок, отыщи её лично и попроси прийти без промедления.

Джеффри кивнул и быстро вышел.

Макрей кинул на неё раздражённый взгляд.

– Ради бога, мне не нужен доктор...

– У вас идёт кровь.

– Это всего лишь маленькая царапина.

– Царапина от чего? – парировала она.

– От ножа.

– Другими словами, у вас колотая рана? – Она потащила его в гостиную, теперь беспокойство переросло в страх.

– Я получал и более серьёзные травмы во время добычи торфа, но работал целый день. Нужно плеснуть на неё немного виски, только и всего.

– Вам нужно показаться врачу. – Меррит остановилась в дверях гостиной, схватила шнурок звонка и энергично за него дёрнула, вызывая горничную. К тому

⁴ Александр Кабанель — французский художник, представитель академизма.

времени, как они с Макреем добрались до дивана, в дверях уже появилась молодая женщина.

– Миледи? – спросила горничная, окидывая сцену широко распахнутыми глазами.

– Дженни, принеси чистые полотенца и хлопчатобумажные одеяла, и как можно скорее.

– Да, мадам. – Горничная тут же унеслась прочь.

Макрей хмуро посмотрел на Меррит.

– Вы делаете из мухи тевяка.

– Об этом мне судить, – возразила она, понятия не имея, кто такой тевяк, и попыталась снять с Макрея пальто.

– Подождите. – Он полез в карман пальто и вытащил маленькую плоскую бутылочку. – Это вам, – сказал он. – "Прайберниак". Хорошо, что вы попросили принести виски, иначе... – Макрей замолчал, очевидно, передумав договаривать до конца.

– Иначе что? – подозрительно уточнила Меррит, отставляя бутылку в сторону. На пальто она увидела длинный узкий разрез, который можно было сделать только очень острым лезвием. – Боже мой! – встревоженно воскликнула Меррит, – вас чуть не убили!

– Нож попал в бутылку, – поморщившись, объяснил он, когда Меррит стянула с него пальто за рукава.

Бросив пальто на ближайший столик, она поспешно расстегнула жилет и перешла к рубашке.

Смутившись оттого, что ему приходится раздеваться посреди гостиной, Макрей начал было поднимать руки, хотя Меррит не могла сказать наверняка, собирался он ей помочь или её остановить.

– Позвольте мне, Кир, – натянуто проговорила Меррит.

Он замер, услышав, как она назвала его по имени. И послушно опустил руки.

Она стянула с него жилет и прикусила губу, увидев, что рубашка на спине пропитана кровью.

– Англия не щадит мужскую одежду, – отважился завести разговор Кир.

– Особенно вашу. – Она указала на длинный, низкий диван с невысокой скошенной спинкой. – Присядьте.

Он рассмеялся.

– Если бы парни с Айлея увидели, как вы суетитесь из-за маленькой царапины на моей спине, они бы кинули меня в бухту Махир вместо наживки для рыбы.

– Сядьте, – твёрдо сказала Меррит. – Я применю к вам физическую силу, если потребуется.

Смирившись, Кир подчинился.

Меррит осторожно высвободила из рукавов его руки и сняла рубашку, обнажив гладкие мышцы и сухожилия. На тонкой стальной цепочке на шее Макрея висел крошечный золотой кулон, поблёскивая в поросли на груди.

Она отвернулась и попыталась отыскать в стоящей поблизости корзинке для рукоделия льняные салфетки, на которых так и не успела вышить монограммы. Опустившись на колени и прижав к ране ткань, Меррит с облегчением отметила, что кровь из неё не хлещет, а лишь медленно сочится.

– Ручаюсь, если бы на ужин к вам пришёл изысканный английский джентльмен, вам бы не пришлось этим заниматься, – пробормотал он.

– Если бы на английского джентльмена напали с ножом, то безусловно пришлось бы.

В комнату поспешно вошла горничная и чуть не уронила большую стопку одеял и полотенце при виде полуобнажённого мужчины на диване. Меррит забрала у неё одеяло, расстелила на обивке и помогла Киру облокотиться на спинку дивана. Накинув сверху другое одеяло, она подложила Киру под спину маленькую подушку, чтобы удержать компресс на месте. Кир подчинился с кривой ухмылкой, как будто Меррит придавала слишком большое значение произошедшему. Однако через мгновение уютное одеяло и тепло от огня в камине сделали своё дело, и он со вздохом расслабился, закрыв глаза.

– Дженни, – сказала Меррит, поворачиваясь к горничной, – нам понадобится ведро горячей воды и... – Она замолчала, поняв, что девушка зачарованно уставилась на Кира Макрея. И вряд ли её можно было за это винить.

В золотистом свете огня Кир походил на дремлющего льва. В своей расслабленной позе он выглядел неосознанно грациозно, край одеяла был немного приспущен, обнажая широкую ключицу в форме крыла и чётко очерченную мускулатуру груди и плеч. В подстриженных локонах цвета шампанского и топаза играли отблески огня. Он вполне мог быть молодым Артуром, королём-воином, только что вернувшимся с битвы.

– Дженни, – терпеливо повторила Меррит.

Вздвигнув, горничная опомнилась и оторвала взгляд от мужчины на диване.

– Мадам?

– Нам понадобится ведро горячей воды, немного карболового мыла из аптечки и таз.

Дженни застенчиво на неё глянула, быстро присела в реверансе и поспешила из гостиной.

Взгляд Меррит упал на маленькую бутылку, которую принёс с собой Кир. Она отнесла её к буфету и плеснула примерно по унции виски в каждый бокал.

Она молча вернулась к дивану. Услышав её шаги, Кир открыл глаза и увидел, что Меррит протягивает ему бокал виски. Он с благодарностью его принял и, осушив одним глотком, осторожно вздохнул.

Меррит села рядом с ним и с опаской отпила из своего бокала. Виски приятно обожгло горло, оставив небольшое дымчатое послевкусие.

– Очень хорошее, – проговорила она. – Гораздо мягче, чем то виски, которое я пробовала раньше.

– Оно было произведено в медном дистилляционном аппарате, – сказал он. – Когда пары виски поднимаются вверх, медь вытягивает из них все тяжёлые соединения. Чем дольше пар контактирует с медью, тем легче становится. Подобно тому, как становится легче на душе после разговора с другом.

Меррит улыбнулась и сделала ещё один глоток. Напиток был лёгким, тёплым и бодрящим, неудивительно, что людям он так нравился.

– Расскажите мне, как делается ваше виски, – попросила она. – С чего вы начинаете?

– Мы перевозим ячмень на телеге и замачиваем его в воде из местного источника... – Он продолжил объяснять, как они раскладывают его на солодовых полах, чтобы дать ему прорасти, а затем высушивают в огромной печи длиной восемьдесят футов, растопленной торфом. К тому времени, когда Кир добрался до той части, где солод измельчают металлическими роликами и вываливают в гигантский металлический чан под названием сусловарочный котёл, горничная принесла всё необходимое.

Меррит уговорила Кира прислониться к низкой части спинки дивана, чтобы смыть пятна крови с его спины. Хотя поначалу он был напряжён, но, почувствовав, как по коже скользит ткань, смоченная в горячей воде, постепенно расслабился.

Пока Кир рассказывал о винокурне, а Меррит очищала область вокруг раны, их окутало волшебное ощущение близости. Она молча восхищалась его мощными плечами и обилием мышц, которые рельефно выделялись вдоль спины. Его кожа была плотной, но атласной на ощупь, и поблёскивала, как бледное золото в свете огня.

Меррит не совсем понимала, как так получилось, что вследствие череды разных событий в её гостиной очутился крупный полуголый шотландец. Она поражалась тому, что уже не раз видела Кира обнажённым и знала его тело лучше, чем Джошуа до свадьбы. Но что ещё более удивительно, это казалось абсолютно естественным. Она и не догадывалась, как сильно соскучилась по заботе о ком-то. Да, у неё были семья, друзья и тысяча сотрудников, о которых нужно заботиться, но ведь это совсем не то же самое, что дарить ласку своему мужчине.

Конечно, это совсем не означало, что этот мужчина принадлежит ей.

Хотя казалось, будто так оно и есть.

– Вы меня слушаете? – спросил Кир.

Меррит быстро обратилась к той части своего мозга, которая следила за его рассказом.

– Вы только что описывали процесс заливки спиртного в перегонные кубы.

– Да. Затем их снизу нагревают, чтобы пар начал подниматься...

Сзади его волосы были идеально подстрижены, Меррит умирала от желания провести кончиками пальцев по идеально ровной линии на затылке. От соприкосновения с влажной тканью по коже побежали мурашки, поэтому Меррит повыше натянула на Кира одеяло, прикрыв его потрясающую мускулистую спину.

Услышав, как открылась входная дверь и из прихожей донеслись приглушённые голоса, она подняла глаза.

В дверях гостиной появился лакей и объявил:

– Прибыла доктор Гибсон, миледи.

Меррит быстро поднялась на ноги. Увидев, что Кир тоже собирается встать, она сказала:

– Нет, не двигайтесь.

В гостиную вошла Гаррет Гибсон, с лёгкостью неся громоздкую докторскую сумку, как будто её тонкие, как пруттики, руки были пронизаны стальными нитями. С густыми каштановыми волосами, заплетёнными в косы и уложенными на голове так, что не выбивалась ни одна прядка, она выглядела, как чистенькая опрятная школьница. Взгляд её пронизательных зелёных глаз тут же смягчился, она поставила сумку и быстро обняла Меррит.

Только решительная и уверенная в себе женщина могла стать первой и пока единственной, дипломированной женщиной-врачом в Англии. И Гаррет обладала этими качествами в избытке. Поскольку ни одна медицинская школа в Англии не приняла бы женщину в свои ряды, она выучила французский язык, чтобы получить медицинскую степень в Сорбонне в Париже. По возвращении в Англию Гаррет обзавелась медицинской лицензией, благодаря лазейке в законе, которую Британская медицинская ассоциация убрала, поняв, что кому-то удалось в неё пролезть.

Меррит подружилась с Гаррет, общаясь с ней на многих светских мероприятиях, но это был первый раз, когда ей потребовалась её профессиональная помощь. При обычных обстоятельствах Меррит послала бы за пожилым врачом, на которого всегда полагалась семья, но Гаррет обладала самыми современными и передовыми хирургическими навыками.

– Спасибо, что пришла! – воскликнула Меррит. – Прости, что потревожила тебя вечером, надеюсь, твой муж не рассердился.

– Вовсе нет, – заверила её доктор Гибсон. – Итану пришлось уехать в Шотландию по каким-то срочным делам. Малыш Кормак уже лёг спать, и за ним присматривает няня.

Меррит повернулась к Киру, чтобы представить ему доктора, и нахмурилась, увидев, что он поднялся на ноги.

Кир бросил на неё упрямый взгляд, плотнее завернувшись в одеяло.

– Доктор Гаррет Гибсон, это мистер Макрей, – сказала Меррит, – который не должен стоять, так как его только что пырнули ножом в переулке.

Доктор Гибсон быстро подошла к Киру, он не сводил с неё взгляда.

– Присядьте, друг мой. А лучше всего ложитесь на живот и дайте взглянуть на рану.

– Это скорее царапина, – пробормотал Кир, опускаясь на диван. – Всего-то и нужны: повязка и капля виски.

– Виски действительно можно использовать в качестве антисептика, но я бы рекомендовала это делать только в крайнем случае, оно может нанести вред тканям. Предпочитаю налить его в стакан и выпить со льдом, – с улыбкой ответила доктор Гибсон.

– Вы любите виски? – спросил Кир.

– Обожаю, – быстро ответила она, что заметно порадовало Кира.

– Мистер Макрей – винокур с Айлея, – объяснила Меррит Гаррет. – Он приехал в Лондон по делам.

– Поведайте мне, как всё случилось, – попросила Гаррет Кира и выслушала его рассказ о нападении, пока мыла руки в тазу. – Я удивлена, что вор попытался ограбить мужчину вашей комплекции, – заметила она, подняв намыленные руки над тазом, чтобы Меррит ополоснула их чистой водой. – Вас нельзя счесть лёгкой добычей.

– И уж точно я не похож на человека, у которого могут быть с собой ценные вещи, – криво усмехнулся Кир.

Гаррет опустилась на колени рядом с диваном, чтобы осмотреть рану, осторожно прощупывая кожу вокруг.

– Нож с односторонним лезвием, – констатировала она. – Довольно острый. Порез клинообразный, а под кожей присутствует небольшая выемка, как будто вы начали поворачиваться в тот момент, когда вам нанесли удар.

– Так и было, – последовал его приглушённый ответ.

– Молодец, – похвалила доктор, продолжая осматривать рану. – Если бы вы быстро не отреагировали, лезвие, скорее всего, перерезало бы артерию рядом с почкой.

При мысли о том, что он был на волосок от смерти, Меррит похолодела.

– Нападавший уронил нож во время борьбы, – сказал Кир. – Он у меня в кармане.

В глазах Гаррет сверкнул интерес.

– Могу я на него взглянуть?

Когда Кир кивнул, Меррит подошла к валяющемуся на столике пальто и осторожно выудила из кармана нож. Она передала его Гаррет, которая его ловко раскрыла.

– Рукоять из оленьего рога, пружинный механизм открывания, – задумчиво перечислила доктор, – и трехдюймовое стальное лезвие, укреплённое никелевым bolsterом.

– Ты эксперт по ножам? – спросила Меррит.

Гаррет мимолётно ей улыбнулась.

– Я не эксперт, но любитель. А вот муж – знаток и держатель обширной коллекции. – Её внимание вновь сосредоточилось на ноже. Прищурившись, она посмотрела на рукоять с металлическим наконечником. – Как любопытно. Здесь есть серийный номер вместе с тем, что похоже на идентификационный номер, нанесённый вручную. Нож может принадлежать британской армии. Или военноморскому флоту, если это свайка... – Гаррет извлекла из рукояти тонкий стальной крючок. – пробойник для очистки копыт, – торжествующе заявила она. – Он определённо принадлежит армии. Кавалерии или конной пехоте.

Кир посмотрел на неё с сомнением.

– На нападавшем не было формы.

– Возможно, он бывший солдат, или нож могли украсть. – Гаррет сложила лезвие. – Теперь, что касается раны... Боюсь, придётся наложить швы.

Кир покорно кивнул.

– Я уже глотнул виски, – сказал он. – Если вы не возражаете, глотну ещё.

– Конечно.

Меррит взяла пустой бокал и отошла к буфету, чтобы плеснуть в него новую порцию виски. Когда она вернулась, Гаррет уже успела достать из своей сумки разнообразные медицинские предметы и разложить их на чистой ткани. Пропитав ватный тампон антисептическим раствором, доктор провела им вокруг раны.

До сих пор Кир терпел манипуляции над собой молча. Но когда доктор взяла крошечный стеклянный шприц, отвинтила маленький металлический колпачок на конце и прикрепила вместо него длинную тонкую иглу, стало понятно: пациенту предмет пришёлся не по нраву.

– Чем бы это ни было, – сказал он, – я обойдусь.

– Шприц для подкожных инъекций, – как ни в чём не бывало объяснила Гаррет.

– Я собираюсь ввести в рану раствор, чтобы область занемела.

Кир пару раз быстро моргнул.

– Нет, вы этого не сделаете, – твёрдо заявил он.

Сначала Гаррет растерялась, а потом ободряюще ему улыбнулась.

– Понимаю, что инъекция может немного напугать. Но вы почувствуете всего лишь небольшой укол. – На его лице отразилось упрямство, и она мягко продолжила: – Мистер Макрей, мне нужно промыть рану, прежде чем наложить швы. Процесс окажется неприятным для нас обоих, если вы не позволите сначала сделать вам обезболивающий укол.

– Делайте, что должны, – ответил он, – но никаких уколов.

Гаррет нахмурилась.

– Есть два варианта: либо я быстро вас уколю, либо вам придётся вытерпеть несколько минут мучительной боли. Что для вас предпочтительнее?

– Мучительная боль, – упрямо проговорил он.

Гаррет встретилась взглядом с Меррит, безмолвно умоляя о помощи.

– Кир, – мягко начала Меррит, – вы можете доверять доктору Гибсон. Ей будет проще работать, если вы не станете шевелиться.

– Я буду неподвижен, как заклинивший пистолет, – пообещал он.

– Но в вас же всё равно вонзят иголку, – заметила Меррит.

– Но не для инъекции. – Он бросил угрюмый взгляд на шприц, который, действительно выглядел довольно угрожающе, признала про себя Меррит.

– У меня много опыта в проведении инъекций, – заверила его Гаррет. – Позвольте мне только...

– Нет.

– Вам не нужно смотреть. Просто отверните голову и напевайте себе под нос, пока я...

– Нет.

– Шприц для подкожных инъекций используется уже более двадцати лет, – запротестовала доктор Гибсон. – Безопасно и очень эффективно. Его изобрёл превосходный врач, который взял за основу укусы пчелы. – Пытаясь придумать способ его убедить, она добавила: – Врач – шотландец.

Последний аргумент привлек внимание Кира.

– И как его зовут?

– Доктор Александр Вуд.

– Из какой он части Шотландии? – с подозрением поинтересовался Кир.

– Из Эдинбурга.

Тихо выругавшись себе под нос, он глубоко вздохнул и хрипло проговорил:

– Тогда действуйте.

Меррит едва сдержала улыбку, точно зная, о чём сейчас думает Кир, ведь он не мог отказаться от инъекции шприцом, если её изобрёл соотечественник. Нельзя же посрамить честь Шотландии.

Они с Гаррет быстро обменялись облегчёнными взглядами поверх его головы. Меррит протянула Киру бокал виски, и он осушил его, пока Гаррет наполняла шприц. По просьбе доктора Кир улёгся на живот.

Меррит опустила на колени рядом с диваном, а Кир положил подбородок на сложенные руки. Она слегка улыбнулась его стоическому принятию обстоятельств. Он немного напомнил ей отца, который всегда считал жалобы недостойными мужчины.

Её внимание привлекла тонкая стальная цепочка у него на шее. На ней висела маленькая золотая подвеска, которую она заметила раньше... Это был не кулон, а ключ. Она коснулась его кончиком пальца и вопросительно посмотрела на Кира.

– Подарок от матери, – пояснил он.

– От чего он? – тихо спросила Меррит.

– Я не знаю, – после долгой паузы ответил он.

– Не напрягайтесь, – сказала Гаррет. – Сначала вы почувствуете небольшое жжение, но оно быстро пройдёт, когда область занемеет.

Кир вздрогнул, почувствовав, как игла вошла под кожу. Он замер, полуприкрыв глаза.

– Не забывайте дышать, – прошептала Меррит.

Он размеренно выдохнул. Приподняв ресницы, Кир пристально на неё посмотрел.

Она очень осторожно протянула руку и убрала густую прядь, которая упала ему на лоб. Её рука задержалась на золотистых локонах. Меррит знала, что если Гаррет и заметит, то никому не скажет ни слова.

– Ну вот, – наконец проговорила Гаррет. – Этого должно хватить. Сейчас я промою рану. Говорите сразу, если почувствуете малейший дискомфорт.

Пока Гаррет промывала рану, Кир повернул голову и кинул через плечо:

– Вы были правы насчёт инъекции, доктор. Я ничего не чувствую.

– Отлично. Постарайтесь не двигаться. – Гаррет взяла пару щипцов и держатели для игл. – По моему мнению, – задумчиво проговорила она, принявшись за первый шов, – человек, который на вас напал, – не какой-то обычный уличный грабитель.

Кир нахмурился.

– Почему вы так думаете?

– По обыкновению они вооружены крепкой палкой или дубинкой, а не ножом. И редко работают по одиночке, предпочитая грабить с подельником. Да и само лезвие не из дешёвых, отштампованных на станке, оно сделано из

высококачественной стали. – Она умело закрепила нитку, отрезала лишнее и занялась следующим швом. – Рискованно нападать на крупного мужчину с ножом. Если не успеть вывести его из строя или убить с первого удара, он набросится на вас. Более того, спина – не лучшая цель для атаки, жизненно важные органы достаточно хорошо защищены. Например, если вы целитесь в сердце сзади, вам сначала придётся пробиться сквозь рёбра. А если вы попытаетесь перерезать спинной мозг, то лезвие должно пройти между позвонками и повернуться под нужным углом.

– Нападавший мог бы попытаться дотянуться и перерезать мне горло, – предположил Кир.

– Нелёгкий манёвр, если противник вашей комплекции. Логичнее всего было бы целиться в почку, вы бы умерли мгновенно и не истекли бы кровью, что немаловажно. Убийство без лишней грязи и суеты. И, похоже, именно это он и пытался сделать. К счастью, вы усложнили ему задачу. – Гаррет орудовала щипцами и иглой ловкими отработанными движениями. – Но тогда мы приходим к следующему выводу: типичный грабитель сразу бы сбежал в поисках другой, более лёгкой добычи. В связи с чем возникает вопрос, почему этот продолжал упорствовать. – Она сделала паузу. – Вы знаете кого-нибудь, кто хотел бы вас убить?

– Никого, кто приложил бы для этого столько усилий, – сухо сказал Кир.

– С вашего позволения, мистер Макрей, я бы хотела показать нож мужу, он – помощник комиссара столичной полиции. Как бывшему детективу, ему будет проще сделать выводы.

– Хорошо, – согласился Кир. – Забирайте нож, он мне не нужен.

– Когда Итан вернётся из Шотландии? – спросила Меррит Гаррет.

– Надеюсь, завтра. Он ведёт какое-то незначительное расследование, – Гаррет на мгновение закатила глаза, прежде чем продолжить: – Итан мог бы просто послать одного из своих подчинённых, но его попросили заняться делом лично, а герцогам не отказывают.

– Герцогам? – Меррит настороженно на неё посмотрела.

Осознав, что сболтнула лишнего, Гаррет пробормотала:

– Чёрт возьми. Я вам ничего не говорила.

– Говорила, – возразила Меррит, – и теперь я настаиваю на том, чтобы ты рассказала, кто послал Итана в Шотландию. Насколько я знаю, единственный герцог, с которым он знаком лично, – это Кингстон. – Хотя Гаррет упрямо молчала, Меррит уловила в выражении её лица лёгкую досаду. – Так и есть! – воскликнула она. – Ты должна поведать мне, что он расследует. Ты же знаешь, я не пророню ни слова, герцог для меня всё равно что член семьи. – Меррит не собиралась отступить, но вдруг заметила, что лицо Кира напряглось и побелело как полотно. – Вы что-то почувствовали? – мягко спросила она. – Вам больно?

Он покачал головой и опустил подбородок на предплечье, уставившись в пустоту.

Закончив накладывать швы и пластырную повязку, Гаррет сложила медицинские принадлежности в кожаную сумку.

– Не выпьешь виски перед уходом? – спросила Меррит.

Во взгляде доктора промелькнуло сожаление, но она с улыбкой покачала головой.

– Спасибо, но я не могу. Я "в предвкушении новой жизни", как выражается Итан.

– Правда? Как чудесно! – воскликнула Меррит. – Поздравляю, моя дорогая! – Она с облегчением обнаружила, что душевная боль, которую она испытывала всякий раз в прошлом, когда получала такие новости от друзей и родственников, теперь значительно притупилась. Меррит радостно поинтересовалась, когда ожидается появление ребёнка и как чувствует себя Гаррет.

Кир сел и небрежно завернулся в одеяло, молча прислушиваясь к разговору. Мельком взглянув на него, Меррит заметила, что он задумчиво на неё смотрит, внимательно следя за её реакцией. Догадавшись, что он обеспокоен тем, как она может воспринять новости Гаррет, Меррит затопила тёплая волна признательности.

Проводив Гаррет, Меррит вернулась в гостиную и стала собирать разбросанные вещи.

– Я попрошу горничную их замочить, – сказала она, – и заштопать пальто. Она очень искусно обращается с иглой.

– Но я не могу отправиться домой в чём мать родила, – заметил он.

– Даже не думайте надевать грязную одежду поверх обработанной раны, – в ужасе проговорила Меррит. – Мы что-нибудь для вас подыщем. – Она потянулась за его пальто. – Я выну всё из карманов и отдам его Дженни.

– Меррит, – обеспокоенно начал Кир, зашевелившись на диване. – Лучше я...

– Всё в порядке, – сказала она, опустошая внутренний карман пальто и выкладывая на стол личные вещи Кира: перочинный нож, несколько монет, ключ от квартиры, карту, носовой платок и потёртый кожаный бумажник с наружным карманом для билетов или записок. Из бумажника выпал сложенный листок, и Меррит попыталась засунуть его обратно. – Мы оставим все ваши вещи на этом самом месте, и... – Её голос затих, когда она разглядела машинописные буквы.

Это была аккуратно оторванная полоска страницы, на которой она напечатала их имена в конторе.

Мистер Кир Макрей Леди Меррит Стерлинг

– О, – выдохнула Меррит, хаотичные удары сердца в её груди напоминали разлетевшиеся в стороны жемчужины из разорванного ожерелья. Какой-то клочок бумаги и чернила... Но сколько смысла.

Кир чуть отвернулся в сторону, его лицо пылало. Когда молчание затянулось, он заставил себя встретиться с ней взглядом и еле заметно безрадостно улыбнулся.

– Не нужно мне было приходить, – сказал он.

Меррит знала, что Кир прав.

Здравый смысл подсказывал ей, что этим чувствам нельзя доверять, всё происходит слишком быстро и не закончится ничем хорошим для них обоих.

"Не думай, не прикасайся, не разговаривай, не вдыхай аромат и не пробуй на вкус. Отправляйся в тёмную комнату, запри дверь, закрой ставни от солнца".

Слишком поздно.

Сколько потребуется ещё времени, сколько лет пройдёт, прежде чем Меррит снова испытает к мужчине подобные чувства? Возможно, пять... возможно, двадцать.

А, возможно, это не случится больше никогда.

К счастью, здравомыслящая женщина всегда знает, когда следует отбросить осторожность.

Меррит подошла к Киру, обняла его за шею и прижалась губами к его губам.

Глава 8

Когда Меррит обнаружила в бумажнике обрывок страницы, Кир ожидал, что она возмутится или, что ещё хуже, пожалеет его. Он ожидал какую угодно реакцию, но только не эту. Сбитый с толку, Кир наслаждался близостью Меррит, её нежными губами, теплом тела. Женственные формы скрывало голубое бархатное платье, отделанное мягким кружевом, которое щекотало его обнажённую кожу.

Он чувствовал Меррит каждой клеточкой своего существа, но ему хотелось большего, хотелось притянуть её ещё теснее к себе. Не обращая внимания на рану, Кир поставил одну ногу на диван и устроил Меррит между бёдер. Теперь она прижималась к его разгорячённой затвердевшей плоти, и Кир не смог сдержать стон.

Решив, что причинила ему боль, Меррит прервала поцелуй и попыталась отстраниться, но он прижал руку к её ягодицам, чтобы удержать на месте.

– Подожди, – задыхаясь, возразила она, – осторожнее... твоя спина... ты себе навредишь... – Меррит наклонилась, чтобы поправить льняной компресс, и то, как она суежилась вокруг него, как заботилась о нём, возбудили Кира ещё больше. Он подтянул Меррит повыше и снова впился в её губы. Она с трудом задышала, как если бы он уже двигался внутри неё. Кончик её языка осторожно проник к нему в рот, желание молниеносно пронзило Кира и отозвалось в паху. Никогда ещё он не был так возбуждён.

Опьянённый страстью, Кир с трудом собрался с мыслями. Кто-то должен положить этому конец, и немедленно. Поскольку Меррит, похоже, не собиралась этого делать, ему придётся взять ответственность на себя. Приложив титаническое усилие, Кир оторвался от её рта, но она потянулась к нему в попытке продолжить поцелуй. Распалённый донельзя, Кир с улыбкой зарылся лицом в местечко между её шеей и подбородком, вдыхая аромат духов на разгорячённой коже. От прикосновения его бороды Меррит вздрогнула. Боже. Кир с удовольствием бы часами целовал каждый её дюйм. Но вместо этого он неподвижно лежал под восхитительным женским телом, пытаясь совладать с собой.

Меррит подняла голову. Её глаза были полуприкрыты, чёрные ресницы затеняли ослобивший взгляд.

Она облизнула губы и заговорила так, словно только что очнулась от долгого сна.

– Я слышала, что шотландские мужчины – самые страстные.

Его губы расплылись в медленной улыбке. Кончиком пальца он поигрывал с прядками волос вокруг уха Меррит, наслаждаясь её реакцией.

– Что правда, то правда. Но не мне это тебе демонстрировать.

– А что, если... – Меррит умолкла и сделала ещё один вдох, её взгляд был слегка рассеян. – А что, если я хочу, чтобы ты продемонстрировал.

Он покачал головой, зная, что Меррит сейчас не рассуждает здраво.

– Это стало бы ошибкой.

– Люди должны совершать ошибки, – возразила она. – Это закаляет характер. – Меррит снова попыталась его поцеловать, но он отдёргнул голову.

– Но ты точно не хочешь совершить эту конкретную ошибку со мной, милая. – Кир нежно коснулся мочки её уха пальцами. – Я больше не буду носить с собой тот обрывок бумаги, если ты против. – Ему это и не нужно: её имя навсегда останется выгравированным в его сердце.

Последнее заявление её смутило.

– Я не возражаю, если ты хочешь оставить его себе. Но... зачем?

Кир пожал плечами.

– Не в моей власти объяснить, как устроены чувства.

Меррит наклонила голову, не сводя с него глаз.

– Может быть, ты считаешь его чем-то вроде трофея? И он будет напоминать тебе об одном из твоих завоеваний?

Кир перестал улыбаться. Он не думал, что она действительно в это верит, но само предположение, одна лишь мысль, заставили его разозлиться.

– Нет. Я же не скотина, которая считает тебя неодушевлённой вещью.

Поняв, что он искренне оскорбился, Меррит поспешила добавить:

– О, я не имела в виду...

– Может, у меня и плохие манеры, но я умею обращаться с женщиной нежно...

– Да. Конечно. Я не должна была так говорить...

– А что касается напоминания... – Возмущение Кира переросло в гнев. – Неужели ты думаешь, что я настолько поверхностный человек, что мне нужно напоминать о женщине, которую я однажды держал в объятиях? Как я могу тебя забыть? Самую...

Меррит прервала его тираду, обхватив руками его лицо и снова поцеловав. Он хотел что-то добавить, но её соблазняющим губам было невозможно сопротивляться. Кир ответил на поцелуй, не в силах насытиться сладостью и нежностью её рта, не в силах отказать себе насладиться Меррит, ни в чём себя не сдерживая. Желание пробудилось в нём с новой силой. Опьянённый похотью, он вцепился в бархатные юбки и принялся тянуть их вверх, и только потом опомнился.

Задышавшись, он прервал поцелуй.

– Достаточно, – хрипло проговорил Кир, – или я проглочу тебя на месте.

Она кивнула и опустила раскрасневшееся лицо ему на грудь, уткнувшись губами и щекой в упругую поросль. Меррит провела кончиками пальцев по тонкой цепочке на шее Кира, а затем по маленькому золотому ключику, и бездумно его потеряла.

– Ты голоден? – спросила она, опалив своим дыханием его сосок.

– Да, я же так и сказал.

Она прижалась щекой к его груди.

– Я имела в виду, хочешь поужинать?

Несмотря на мучительное желание, пустой желудок Кира напомнил ему, что он ничего не ел с самого завтрака.

– Я попрошу разогреть немного тушёного мяса, – продолжила Меррит, прежде чем он успел ответить, – и принесу тебе чистую рубашку. Лакей случайно задел рукавом свежие чернила на прошлой неделе, и хотя мы дважды стирали рубашку, но так и не смогли полностью вывести пятно. Думаю, что она всё ещё в корзине с вещами, которые мы собираем для нуждающихся.

Кир издал смешок.

– Полагаю, я как раз нуждающийся.

Меррит начала подниматься, но замешкалась и осторожно провела ладонью по его груди. Её светлую кожу окрасил румянец.

– Ты красивый мужчина, – немного застенчиво проговорила она.

От её прикосновения по нему пробежала дрожь удовольствия. Киру пришлось напрячь все мышцы в теле, чтобы не выгнуться дугой от наслаждения. Его желание было просто неприличным.

– Я рад, что ты так считаешь, дорогая. Но в мире нет ничего столь же восхитительного, столь же бро, как ты, – приглушённо ответил он.

– Что означает "бро"?

– Нечто прекрасное. Ты бро, как отблеск солнечных лучей в море или стихотворение, положенное на музыку.

Меррит улыбнулась и встала с дивана, одёргивая платье. Ему понравилось наблюдать за тем, как она ловкими движениями поправляет лиф и юбки.

– Оставайся здесь, – велела она. – Через минуту я всё устрою.

Меррит поспешила прочь. Эта женщина поистине любила всё организовывать.

Кир сел и медленно потёр лицо. Согласиться прийти на ужин к ней домой оказалось самой большой ошибкой в его жизни. Чистое безумие.

И всё же он был так чертовски счастлив находиться рядом с Меррит, что едва мог дышать.

Глава 9

Они уселись ужинать за небольшим круглым столом в гостиной наверху. Вокруг горели свечи и лампы с абажурами из матового стекла. К счастью, комнату не загромождали маленькие изящные статуэтки и украшения. Она была чистой и простой, с дубовыми панелями и окнами, занавешенными синими бархатными занавесками. По меньшей мере, половину одной стены занимал длинный низкий шкаф, заполненный декантированными спиртными напитками и стеклянной посудой. Им успели подать блюда с оливками, миндалём и палочками сельдерея на раздробленном льду.

Благодаря уколу доктора Гибсон, Кир почти не чувствовал боли, расположившись в прочном кресле с мягкой обивкой. Лакей Джеффри расставил на столе, накрытым тяжёлой белой скатертью, тарелки с крышками, наполнил бокалы на длинных ножках водой и вином и поспешил прочь. Предполагая, что слуга станет вертеться вокруг них в течение всей трапезы, Кир обрадовался, узнав, что обслуживать они будут себя сами.

Он чувствовал себя совершенно расслабленно в компании Меррит, окутанный её непринуждённым очарованием. Кир никогда так много не разговаривал за едой. Кусочки говядины, потушенные в вине на медленном огне, просто таяли во рту. К ним подавались картофель и репа, салат из свежей зелени и листьев мяты, а также ломтики домашнего хлеба с дырочками, которые не давали упасть ни единой капли солёного масла.

Меррит развлекала Кира рассказами о своём детстве в Гэмпшире, о том, каково это быть старшей сестрой шести братьев и сестёр. Её отец, граф, играл одну из главных ролей в этих историях как любящий родитель и очень ответственный человек с большим авторитетом. Его невероятный брак с Лилиан Боуман, богатой американской наследницей, оказался удивительно счастливым. Мама Меррит была жизнерадостной и беззаботной женщиной, одной из тех матерей, которые резвятся на улице вместе со своими детьми, плещутся с ними в лужах и поощряют их полёты фантазии.

По настоянию Меррит Кир рассказал ей о том, как рос на Айлее, и о детстве, которое он провёл в компании шумных друзей. Мальчишки часто попадали в разнообразные передряги, за которые им крепко влетало дома. Всем, кроме Кира, чей отец, Лахлан, никогда не поднимал на него руку. Его мать, Элспет, частенько беспокоилась по этому поводу, ведь соседи предупреждали, что без надлежащей дисциплины парень вырастет избалованным. Но Лахлан всегда отвечал, что у подростка и так нехватка здравого ума, а удар по голове выбьет последний.

Однажды, когда Кир вернулся домой весь в синяках после драки со своим другом Нилом, Лахлан рассудил, что Кир уже и так получил сполна и в дополнительных побоях не нуждается. Но потребовал объяснений. Тогда Кир рассказал, что Нил хвастался, будто его отец – самый сильный человек на острове и победит любого другого отца. Особенно отца Кира, который был старше всех остальных, многозначительно добавил Нил. Поэтому Кир устроил другу взбучку, чтобы утрясти вопрос. К досаде Элспет, Лахлана так порадовал поступок сына, что он даже его не отругал, заявив, что тот защищал честь семьи.

Меррит позабавила эта история.

– Ты был единственным ребёнком в семье? – спросила она.

- Да. У них не было собственных детей, поэтому они... взяли меня.
- Ты был сиротой?
- Подкидышем.

Кир не знал, почему решил рассказать об этом Меррит. Он крайне редко затрагивал тему своего происхождения. Но взгляд её глаз цвета тёмного кофе был таким тёплым и заинтересованным, что Кир просто не смог сдержаться.

Меррит отпила глоток вина и осторожно спросила:

- Ты что-нибудь знаешь о женщине, которая тебя родила?
- Нет. Да мне это и не нужно.

Меррит словно смотрела прямо ему в душу.

- Золотой ключик...

Кир слабо улыбнулся её пронизательности.

- Она оставила его вместе со мной в приюте. Я ношу его, потому что... наверное, потому что хочу каким-то образом почтить её память. Я в долгу перед ней за ту боль, которую ей причинил.

Между её тонкими бровями появилась морщинка.

- Ты имеешь в виду во время родов?

- Да, и ту боль, которую она испытала, когда ей пришлось отдать своего ребёнка. - На мгновение он задумался. - Мне кажется, я был не единственным мужчиной, причинившим ей боль. Девушка из благополучной семьи никогда бы не оказалась в подобных обстоятельствах.

В полуоткрытое окно ворвался восточный ветер, принося с собой бодрящую свежесть моря. Пошёл дождь, с неба посыпались тяжёлые капли.

Жестом велев Киру оставаться на месте, Меррит отошла к длинному шкафу и вернулась с кофейным сервизом на серебряном подносе. Ему нравилось наблюдать за тем, как она приготавливает для него кофе, добавляя сахар и порцию густых сливок, которые расползались по дымящейся чёрной поверхности. Меррит передала ему чашку с блюдцем и маленькую тарелочку с жёлтым ломтиком мармеладного торта.

Подчистую доедая десерт и запивая его кофе, Кир печально размышлял о том, что до конца жизни будет вспоминать события этого вечера. Ничто и близко не могло сравниться с тем удовольствием, которое доставляла ему Меррит.

Часы на каминной полке залились нежным перезвоном. Полночь.

Никогда ещё время не казалось столь злейшим врагом. Но лучше завершить вечер сейчас. Утолив один голод, его тело теперь требовало утолить другой. Нужно поскорее оказаться вдали от искушения.

- Меррит...

- Ещё кофе? - весело предложила она.

Меррит потянулась за чайником, но Кир поймал её руку.

- Мне пора, - тихо проговорил он.

- Но на улице дождь.

Кир слабо улыбнулся. Он не стал указывать на то, что она и так знала: шотландца вряд ли можно испугать дождём.

Он попытался произнести её имя, но получилось лишь:

- Мерри. - Ласковое обращение, но насквозь пропитанное тоской.

Их руки медленно переплелись, Кир никогда не испытывал столь волнительных эмоций от простого прикосновения.

Он так много хотел ей сказать, только правду, но это казалось неправильным.

Гроза разразилась не на шутку, в окно ворвался порыв ветра с дождём. Пламя газовой лампы зашипело и погасло, несмотря на стеклянный плафон. Кир вскочил, чтобы закрыть клапан лампы, в то время как Меррит бросилась к окну.

– От влажности раму заклинивает, – объяснила она, пытаясь её закрыть, слегка задыхаясь от холодного влажного ветра.

Кир пришёл ей на помощь, опустив окно одной рукой. Он упёрся рукой в подоконник рядом с плечом Меррит, и они оба уставились на бушующую бурю сквозь стекло, по которому струился дождь. Кир любил шторм, все его чувства оживали во время непогоды. По небу пробегали тени и отблески молнии, как будто они смотрели на него из-под воды.

– Погода совсем разбренчалась, – заметил он.

– Ты так говоришь о буре? – спросила Меррит, поворачиваясь к нему лицом.

Он нежно стёр подушечкой большого пальца каплю дождя в уголке её рта.

– Да, у нас есть десятки слов для описания погоды. Лёгкий дождь мы зовём "грити".

Губы Меррит дрогнули.

– В Гэмпшире мы называем его ситным. – Её руки легонько опустились на его бока.

Кир прерывисто вздохнул, почувствовав, как она придвинулась к нему ближе. Он весь напрягся, его переполняло невыразимое желание. Всё в нём кричало, чтобы он сделал её своей. Вместо этого Кир склонил голову и прижался щекой к её волосам. Так они и стояли, пока в ночи играла симфония дождя.

– В данный момент, – прошептал он, – я самый счастливый человек на свете.

– Тогда оставайся, – приглушённо проговорила она, уткнувшись лицом в складки его позаимствованной рубашки.

Сердце Кира дрогнуло. Он сказал себе, что это всего лишь порыв. Он не хотел, чтобы она потом пожалела. Не хотел причинять ей ни минуты боли или печали, когда она уже с лихвой отведала и того, и другого.

– Нет, – пробормотал он. – Мне и так чертовски трудно от тебя уходить, не усложняй мне задачу.

– Остайся на одну ночь. Всего лишь одну.

Никогда ещё Кир не был так возбуждён и расстроен одновременно. Как же легко позволить себе забыть обо всём, кроме удовольствия. Но кому-то придётся подумать о последствиях, и, очевидно, Киру. Нет другого выхода, кроме как положить этому конец, сейчас же.

Отпустив её, он резко сказал:

– Ты не знаешь, о чём просишь.

– Я прошу подарить мне одну ночь.

Киру захотелось растечься лужицей на полу. Меррит выразилась так... будто ночь любви станет подарком для неё, а не для него... Она его сокрушила. Всего парой слов она полностью и безраздельно им завладела.

И ему очень хотелось ей об этом рассказать. Но он решил нагрубить. Если придётся оскорбить Меррит ради её же блага, так тому и быть. Он лишь надеялся, что она не заплачет. Возможно, даст ему пощечину. Всё лучше, чем слёзы.

– Я не трахаюсь как джентльмен, – хрипло сказал он. – Ты не дождёшься ни красивых слов, ни хороших манер. Я поставлю тебя в позу и примусь за дело, а когда закончу, по пути к выходу шлёпну тебя по заднице. Если ты этого хочешь, скажи мне, где твоя комната, и мы приступим.

Но Меррит не разозлилась. Не дала ему пощечины. Просто услужливо подсказала после недолгой паузы:

– Последняя дверь справа, в конце коридора.

Она раскусила его обман. Губы Меррит дрогнули, когда она увидела выражение лица Кира.

Чёрт.

Выйдя из себя, Кир взял её за плечи и отодвинул от себя.

– Если я останусь, то все шишки полетят в тебя, а не в меня. Я бы заплатил любую цену, чтобы заполучить тебя, но не позволю расплачиваться тебе.

– За свои решения я буду отвечать сама.

– Милая, неужели ты настолько глупа, что считаешь будто одна ночь со мной стоит такого большого риска? – резко спросил он.

Меррит пожала плечами и опустила взгляд, но не раньше, чем он увидел озорной блеск в её глазах.

– Я бы с удовольствием это выяснила.

Не в силах остановиться, Кир притянул её к себе и грубо поцеловал. Она податливо открылась ему навстречу, утоляя его страсть и умиротворяя, пока он не застонал и не задвигал языком внутри её рта. Из порывистого поцелуй превратился в томный и глубокий, Кира накрыли волны головокружительного удовольствия.

Помоги ему бог, но он бы отдал жизнь, лишь бы вкусить все те радости, которые она обещала. Оказаться внутри неё... часами держать в объятиях... он должен это испытать, что бы ни случилось потом. Кир лихорадочно целовал её шею, чувствуя, как двигается её горло, когда Меррит сглатывала, тяжело дыша.

Нежно обхватив её голову, он поцеловал её лоб, веки, проложил дорожку из поцелуев к её носу и вниз, к изгибу подрагивающей верхней губы.

– Если ты всё же хочешь провести вместе ночь, – хрипло сказал он, – Я обещаю... она будет того стоить.

Глава 10

Кир и не подозревал, что женщина может носить на себе столько одежды. Оказавшись в спальне, он избавил Меррит от бархатного платья, и когда оно упало к её ногам, его взору предстало изобилие... Господи, он даже не знал, как всё это назвать... Нижнее бельё с кружевной отделкой, оборками и лентами, застёгнутое на крошечные крючки и пуговицы. Оно напомнило ему свадебный торт, украшенный сахарным кружевом, жемчугом из марципана и цветами из глазури, на иллюстрациях, расклеенных на стенах айлейской пекарни. Ему безумно понравилось, как она выглядела во всех этих женских вещицах. Пальцы так и чесались к ней прикоснуться. Кир чертовски беспокоился за Меррит, а вот она, похоже, радовалась в предвкушении ночи, будто впереди их ждало маленькое приключение, а не скользкая дорожка.

Нарочито медленно раздеваясь, Кир дал ей время полностью его рассмотреть и, в случае чего, передумать. Полностью обнажившись, он повернулся к ней лицом.

Взгляд Меррит прошёлся по нему с головы до ног, ненадолго задержавшись в районе паха. Её глаза расширились, а лицо залилось малиновым румянцем.

Подойдя к Меррит, Кир посмотрел на неё со слабой, кривой улыбкой.

– Мерри... Ты уже подарила мне лучшую ночь в моей жизни. Мне не о чем больше просить. – Он поднял руку и погладил её по щеке. – Если ты передумала, я уйду, восхваляя небеса.

Она повернула лицо и уткнулась улыбающимися губами в его ладонь.

– Даже не думай уходить. Я просто немного нервничаю, вот и всё.

Кира накрыл поразительный прилив нежности.

– Нет, тебе не о чем беспокоиться. – Он прижал её к груди. – Я бы никогда не причинил тебе вреда. Мои объятия – самое безопасное место на свете. – Он погладил Меррит по тёмным блестящим волосам и провел кончиками пальцев по щеке и изящному изгибу уха. Её кожа сияла, как жемчуг на свету. – Нам нет необходимости очертя голову бросаться в омут, – пробормотал Кир. – Нам некуда торопиться.

Меррит продолжала краснеть, но, к счастью, посмотрела на него с лёгкой кокетливой усмешкой.

– Ты сказал, что поставишь меня в позу и примешься за дело.

– Я пытался тебя отпугнуть, – признался он. – Для твоего же собственного блага.

– У тебя это никогда не получится сделать. Я знаю, что ты за человек.

– Так сразу? – спросил он. Когда её маленькие ручки принялись блуждать по его телу, дыхание Кира участилось.

– Ты бы никогда не применил силу, чтобы воспользоваться человеком слабее тебя. И ты романтик, хотя и не очень-то хочешь это признавать, вот почему ты чувствуешь себя виноватым за то, что собираешься со мной переспать. Но всё равно это сделаешь, потому что прошло уже много времени с тех пор, как ты делил постель с женщиной... И ты меня хочешь.

Боже, как же сильно он её хотел. Кир стоял обнажённый посреди спальни, а любопытные пальчики Меррит робко скользили по его телу, ничего лучше с ним в жизни не случалось. В груди бешено колотилось сердце, и он едва мог соображать.

– Почему ты считаешь, что с тех пор прошло много времени?

– Просто предположила. – Меррит подняла на него блестящие глаза. – Я ошиблась?

У Кира перехватило дыхание, когда она провела ладонями по его ягодицам.

– По поводу этого, нет, – признался он, прикрыв глаза. Её прикосновения были невыносимо приятными. – Я живу на острове, где сплетни разлетаются в мгновение ока. Если бы я попытался затащить девушку на сеновал, то очень скоро оказался бы на мушке у её отца. – Он замолчал, почувствовав, как Меррит усмехнулась, прижимаясь губами к поросли на его груди. – Но есть кое-что, в чём ты ошибаешься.

– Да?

– Я не чувствую себя виноватым за желание с тобой переспать. – Он наклонился к её губам, целуя их долгим, обжигающим поцелуем, пока в ответ они не задрожали. Кир продолжил говорить слегка охрипшим голосом: – Я бы не стал проводить с тобой ночь только потому, что у меня долго никого не было. Я останусь, потому что хочу, чтобы память о тебе согревала меня холодными ночами до конца моих дней. – Он снова завладел её сладкими устами, и прижал Меррит ближе к себе, скользя пальцами по её спине и бёдрам. Все эти изящные изгибы, женственное тело, облачённое в корсет, кружева и слоя хлопка сводили его с ума. Проникнув языком в глубь её шелковистого рта, он не смог сдержать стон.

Кир уложил Меррит на кровать и забрался вслед за ней. Кровать из чугуна и латуни, со столбиками толщиной с его запястье была прочной и даже не скрипнула под весом Кира. В виде эксперимента он вытянулся на ней во весь рост.

Меррит приподнялась на локтях и осмотрела его.

– У тебя внушительные... – Она замялась: – ступни.

С улыбкой Кир повернулся на бок лицом к ней.

– Это верно. – Он протянул руку и принялся поигрывать с кружевной отделкой на вырезе её лифа. – Тебе нравятся мужчины с большими ступнями?

Меррит покраснела до кончиков ушей.

– Я не уверена, – взволнованно ответила она. Его улыбка стала шире.

– Я буду нежен, – пообещал он, – всегда. Как будто ты маленькая голубка в моих руках. – Он пробежался кончиками пальцев по кружеву до её плеча. – Что это за странная сорочка?

– Это не сорочка, а... чехол для корсета. Чтобы платье не морщилось. Его трудно расстегнуть, там есть...

– Нет, не рассказывай. Лучше я сам выясню.

Кир отыскал ряд крошечных крючков, который начинался у неё под мышкой и тянулся до талии, и расстегнул их один за другим. Стянув эту деталь нижнего белья через голову Меррит, Кир отбросил её в сторону. Он продолжил раздевать Меррит, осторожно поворачивая её туда-сюда в поисках невидимых миниатюрных застёжек. Она вела себя молча, если не считать мимолётных вздохов, когда Кир останавливался, чтобы приласкать обнажившиеся места ... изгиб колена ... упругие икры... маленькие розовые пальчики на ногах.

Он снял с неё панталоны, оголив гладкие мускулистые бёдра и крепкие округлые ягодицы. Не иначе следствие долгих лет занятий верховой ездой, ведь Меррит выросла в охотничьем поместье. С вожделием представив себе, как она его оседлает и начнёт скакать, у Кира закружилась голова. Он ласкал её ноги, направляясь к маленькому треугольнику аккуратно подстриженных завитков. Хотя ему до смерти хотелось с ними поиграть, Кир продолжил исследовать Меррит, восхищаясь красивыми формами и нежной кожей. От её тела исходил приятный аромат мыла и духов.

– Прекраснее тебя, Мерри, я никого не встречал, – хрипло сказал он, обхватив ладонью её грудь и поглаживая большим пальцем нежную вершинку. – От одного взгляда на тебя у меня захватывает дух.

Он действовал с такой осторожностью, будто имел дело с летучим веществом. Склонившись, Кир медленно поцеловал её сосок. Меррит ахнула, и её руки взметнулись к его голове, когда он втянул вершинку в рот и принялся посасывать до тех пор, пока она не превратилась в твёрдый, тугой бутон. Кир обхватил обе её груди ладонями, терзая пышные формы губами, языком, легко проводя по ним зубами.

По телу Меррит побежала мелкая дрожь. Преследуя её кончиками пальцев и губами, Кир опустился к самому интимному местечку. Его пальцы прошли по сомкнутым лепесткам, отчего Меррит начала извиваться и тяжело дышать. Глядя в её расширенные зрачки, он понял, что она уже близка к пику.

– Не спеши, – прошептал Кир. – Подожди немного, позволь мне продлить удовольствие.

Когда он раздвинул створки её лона, щекоча края лепестков, Меррит опустила дрожащие ресницы. Кир направился дальше и ввёл один палец внутрь. Начав пульсировать, шелковистая плоть сомкнулась вокруг его пальца, словно пытаясь затащить его глубже, а влага значительно облегчила ему путь.

Меррит всхлипывала, пытаясь его удержать. Киру нравились звуки, которые она издавала, нравилось наблюдать за тем, как её аристократическое самообладание тает, уступая место чувственному удовольствию. Медленно вынув палец, он наклонился и поцеловал её в живот. Его губы прошли по соблазнительному треугольнику завитков, но Меррит неловко опустила дрожащие руки на его голову, как будто хотела его оттолкнуть.

– Нет, позволь мне, – пробормотал Кир между её бедер. – Я обожаю эту часть тебя, она подобна сердцевине розы. Мерри, милая... Не проси меня провести остаток жизни, не познав твоего вкуса.

Она в изумлении затихла. Он осторожно обхватил ладонями её бока, чтобы удержать Меррит на месте и раздвинул языком створки. Заворожёнными очертаниями её самого уязвимого местечка, он лизнул края раскрытых губ и слегка

их щекекотал. Нежная плоть была невероятно горячей, почти обжигающей. Он подул на неё, наслаждаясь стонами Меррит. Кир нежно прошёлся языком вдоль всей расселины, ощущая солоноватый привкус женского нектара. Меррит поёжилась, шире раздвинув бёдра, пока он продолжал свои замысловатые исследования. Чем медленнее он двигался, тем больше она возбуждалась. Кир сделал паузу, чтобы прикоснуться кончиком языка к маленькой жемчужине на вершине, которая бешено пульсировала. Меррит дёрнулась и попыталась сесть.

Остановившись, Кир поднял голову.

– В чём дело, мьюрнинн?

Лицо Меррит пылало. Задышавшись, она попыталась притянуть его к себе.

– Займись со мной любовью.

– Уже, – ответил он и вернулся к делу.

– Нет... Кир... я имела в виду сейчас, прямо сейчас... – Она вздрогнула, когда он усмехнулся у островка её тёмных завитков. – Над чем ты смеёшься? – спросила Меррит.

– Над тобой, моя маленькая нетерпеливая задира.

Она выглядела так, словно разрывалась между негодованием и мольбой.

– Но я готова, – жалобно проговорила Меррит.

Кир попытался войти в неё двумя пальцами, но напряжённые, нежные мышцы воспротивились проникновению.

– Ты не готова, – мягко усмехнулся он. – Успокойся и ляг. В этот раз ты не добьёшься своего.

Он уткнулся носом между её бедер и погрузил язык в тёплые медовые глубины. Она дёрнулась, но он лишь ласково что-то промычал и продолжил вкушать сладость её тела, которая теперь была ему просто необходима и которую уже никогда не перестанет желать. Вновь переключив внимание на крошечный бутон, где сосредоточились все ощущения, Кир принялся слегка его посасывать, пока Меррит не затрепетала всем телом. Он снова попытался ввести в неё два пальца, и на этот раз они свободно проскользнули внутрь в объятия пульсирующих интимных мышц. Лаская её языком, он нашёл правильный темп, от которого Меррит начала бить крупная дрожь. Никуда не спеша Кир заставлял её извиваться, выгибаться и умолять. Она потеряла над собой контроль и издавала тихие распутные звуки. Реальность превзошла все ожидания Кира.

Когда Меррит достиг пик, она на мгновение замерла... выгнулась дугой... затаила дыхание... и её тело начала сотрясать бесконечная дрожь. Кир испытывал первобытное удовлетворение, слыша её сладострастные крики и чувствуя пульсацию вокруг своих пальцев. Он до последнего растягивал удовольствие, терпеливо успокаивая языком трепещущую плоть, пока наконец Меррит не затихла и не обмякла под ним.

Но даже тогда он не смог остановиться. Ему чересчур это нравилось. Кир продолжил с наслаждением ласкать солоноватую влажную сердцевину.

– О, Боже... Я не думаю... Кир, я не могу... – донёсся её слабый голос.

Он покусывал и дразнил её лоно, обдавая его жарким дыханием.

– Положи ноги мне на плечи, – прошептал Кир. Через мгновение она повиновалась, и он почувствовал, как подрагивают её бёдра. На его губах промелькнула удовлетворённая улыбка. Кир приподнял бёдра Меррит под новым углом.

"Скоро она снова станет умолять", – подумал он и опустил голову с тихим радостным рычанием.

Большая часть ночи прошла для Меррит в чувственном полузабытье, но некоторые детали навсегда врезались в память острыми иголками. Запах холодного дождя, доносившийся из окна... шелковистые локоны Кира, скользящие между её пальцами... его невероятная одержимость ею.

Он был таким нежным, несмотря на свою силу и внушительные размеры, кончики его пальцев легко рисовали на её теле замысловатые узоры. Внимание Кира безраздельно принадлежало Меррит, он ловил каждый звук, каждый удар сердца, каждое её движение. Его низкий голос щекотал ей ухо, пока он бормотал, как она прекрасна, как ему хорошо с ней, как сильно она его возбуждает... И всё это время его крепкий стержень погружался в неё всё глубже и глубже.

Когда он наконец целиком оказался внутри, Меррит уже потряхивало от желания. Стоило ему начать двигаться, как она всхлипнула в предвкушении. Но Кир входил и выходил из неё мучительно долго и размеренно, в последний момент не позволяя Меррит достигнуть точки невозврата. Теперь Кир прижимался к ней всем телом, и только его бёдра постоянно раскачивались и описывали круги, отчего на неё накатывали всё новые волны удовольствия. Он накрыл ртом её возбуждённый сосок и принялся его нежно покусывать. Она в отчаянии приподняла бёдра, но Кир машинально отстранился.

– Нет, любовь моя. Я могу причинить тебе боль.

– Не причинишь. Пожалуйста... Кир.

– Пожалуйста, что?

– Мне этого мало.

Тихий смешок, который он издал, мог принадлежать самому дьяволу.

– Сомневаюсь, что ты сможешь вынести ещё, дорогая.

– Смогу. – Она напряглась, прижимаясь к нему.

– Достаточно глубоко? – спросил он, прикасаясь к потаённым местечкам в глубине её тела, которых раньше никто не касался.

Меррит задрожала от удовольствия.

– Боже. Да.

Кир обхватил ладонями её бёдра и решительно приподнял их вверх, двигаясь в устойчивом ритме. Медленно входя... медленно выходя...

– Быстрее, – в отчаянии проговорила Меррит.

– Ещё рано, – прошептал он.

– Пожалуйста, – взмолилась она.

– У нас есть поговорка о виски: "Слабый огонь варит сладкий солод", – проговорил он низким голосом у самого её уха.

Когда Кир осторожно повернул бёдра, дотрагиваясь своим жёстким стержнем до всевозможных мест внутри неё, Меррит всхлипнула. Размеренный темп не менялся, несмотря на все её усердные попытки ускорить процесс. Каждый раз, когда она начинала умолять о большем, Кир прижимался к её губам в очередном умопомрачительном поцелуе.

Меррит совсем не ожидала подобного развития событий. Её муж был внимательным любовником и делал всё, что ей нравилось, и именно так, как она этого хотела. А вот Кир действовал совершенно иным образом. Ему нравилось мучить её до тех пор, пока она не перестала узнавать себя в этом обезумевшем от страсти создании, в которое превратилась. Он вёл себя совершенно порочно и бесстыдно, заставлял испытывать невероятное блаженство, но не давал достигнуть пика.

– Ты доставляешь мне невероятное удовольствие, дорогая... я едва выдерживаю. Сжимаешь меня так крепко. Я чувствую, как ты затягиваешь меня

внутри. Твоё маленькое, изголодавшееся тело хочет, чтобы я проник ещё глубже, да? Дотронься до меня, где угодно... обожаю твои нежные прикосновения...

Казалось, что сладкие пытки длились часами. Наконец Кир замер и прижал её к постели, чтобы не дать Меррит пошевелиться. Она догадалась, что он пытается отсрочить разрядку. Эта мысль невыносимо возбуждала. Не в силах противостоять искушению, её потаённые мышцы продолжали снова и снова сжиматься и пульсировать вокруг его плоти.

Издав примитивное рычание, Кир зарылся лицом в подушку, затем повернул голову и проговорил:

– Прекрати, маленькая распутница.

– Ничего не могу с собой поделать, – тихо призналась она.

Через мгновение он пробормотал:

– Чёрт возьми, милая, ты в могилу меня сведёшь. – Но его губы изогнула улыбка.

Его руки обвили её вокруг неё, и Кир без труда перекатился на спину, увлекая Меррит за собой.

Она пришла в замешательство и неловко пошевелилась, когда Кир осторожно приподнял её и усадил в позу наездницы.

– Что ты делаешь?

– Отдаю тебе бразды правления, – объяснил он, – раз уж ты так настроена выжать из меня все соки.

Она посмотрела на мускулистого мужчину под собой и слегка покачала головой.

Увидев её замешательство, у Кира вырвался короткий смешок.

– Ты же наездница? – спросил он и подтолкнул её бёдрами вверх. – Скачи.

Искренне потрясённая тем, что заняла главенствующую позицию, Меррит упёрлась руками ему в грудь, чтобы сохранить равновесие. Она робко пошевелилась, и Кир тут же вознаградил её, ободряюще приподняв бёдра. От этого он погрузился ещё глубже, новый угол проникновения открыл новые грани блаженства, и она вздрогнула от чувственного ощущения. Сгорая от стыда и страсти, Меррит наконец поняла, чего он хотел. Через некоторое время она избавилась от застенчивости и нашла нужный ритм, её плоть тёрлась о его член и пульсировала вокруг него. Каждый раз, когда она опускалась вниз, её захлёстывали волны наслаждения, все ощущения были неразрывно связаны с его длинным копьём.

Тяжело дыша, Кир положил руки на её груди, поглаживая большими пальцами твёрдые вершинки.

– Мерри, любовь моя... Я скоро кончу.

– Да, – выдохнула она, её собственная разрядка тоже быстро приближалась.

– Тебе... тебе нужно отстраниться, если ты не хочешь, чтобы я излился внутри тебя.

– Я хочу, – с трудом проговорила она. – Остайся во мне. Я хочу почувствовать, как ты кончаешь... Кир...

Он задвигался под ней быстрее и резче, и обхватил руками её бёдра, удерживая их на месте. Его полузакрытые глаза, затуманенный страстью пронзительный взгляд подвели её к черте. Бесконечное удовольствие накрыло с головой, волны блаженства не переставали накатывать одна за другой, заставляя Меррит стонать и вздрагивать. Кир крепко вцепился в её бёдра, пару раз дёрнулся и нашёл своё освобождение.

Когда Кир затих, дрожа, как скаковая лошадь, которую взяли под уздцы, Меррит легла на него, не разъединяя их тел. Испытывая настоящую эйфорию, она уткнулась носом в тёмно-золотую поросль на его груди.

Кир глубоко вздохнул и расслабился под ней.

– Искусительница, – лениво проговорил он через некоторое время. – Теперь ты довольна, что соблазнила бедного зелёного юнца с Айлея?

Меррит с трудом приподнялась и коснулась носом его носа.

– Почти.

Она почувствовала, как шевельнулась его грудь, когда Кир усмехнулся. Он перевернулся, уложив Меррит на спину, и осторожно убрал несколько выбившихся прядей с её лица.

– Тогда хорошо, что ночь ещё не закончилась, – прошептал Кир и поцеловал Меррит.

Услышав звон колоколов церкви Святого Георгия, Кир моргнул и очнулся ото сна. Он вспомнил, что в колокола били каждое утро без четверти шесть, чтобы разбудить рабочих Ист-Энда. Пора уходить, пока он ещё может ускользнуть незамеченным.

Кир не смел пошевелиться, наслаждаясь моментом. Сзади к нему прижималась Меррит, аккуратно уткнувшись коленями под его колени и приобняв одной рукой за талию. Её дыхание было тихим и размеренным.

Как приятно лежать, чувствуя рядом её тёплое миниатюрное тело. Его мысли всё ещё занимали ночные удовольствия. Губы Кира тронула слабая улыбка. Он измотал их обоих в попытке извлечь из нескольких коротких часов радости, которых хватило бы на целую жизнь. Но всё ещё продолжал желать Меррит.

Сначала он эгоистично хотел удовлетворить её настолько, чтобы она никогда не смогла его забыть. Чтобы он навсегда остался единственным мужчиной, которого она мечтала видеть в своей постели. Но Кир угодил в свою же собственную ловушку.

"Это я, кто не забудет сегодняшнюю ночь. Ты – единственная женщина, которую я буду желать до последнего вздоха, Мерри, любовь моя".

Кир осторожно выбрался из тёплой постели и, дрожа, потянулся на прохладном воздухе. Отыскав свои вещи, он оделся в полутьме и обнаружил на дверной ручке заштопанное пальто. Его личные вещи лежали в одном из карманов. Он проверил бумажник, но не на предмет денег, а в поисках обрывка страницы с напечатанными именами. К счастью, он лежал на месте.

В углу комнаты был встроенный умывальник. Когда Кир отодвинул занавеску, в комнату проник тусклый свет уличного фонаря. Кир умылся, причесался и прополоскал рот холодной водой. Но повернувшись к кровати, он почувствовал, как при мысли о прощании его желудок наливается свинцовой тяжестью. Он не знал, что сказать Меррит.

Он только знал, что после того, как уйдёт, ему придётся научиться жить, зная, что теперь его сердце бьётся где-то вдалеке от неё.

Первые лучи рассвета озарили затемнённую комнату и заблестели на обнажённых плечах и спине Меррит. Она лежала на животе, повернув к нему лицо, и он заметил, что её глаза открыты. Когда Меррит увидела, что он уже полностью одет, на её губах появилась печальная улыбка.

Кир молча умолял её не говорить ничего такого, что лишило бы его сил уйти.

К его облегчению, она проговорила всё ещё хриплым со сна голосом:

– Не забудь шлёпнуть меня по заднице.

Доля юмора в её словах заставила его улыбнуться. Сердце Кира затопила благодарность, когда он понял, что Меррит не из тех женщин, которые устраивают сцены или расстаются на плохой ноте. Она пыталась облегчить ему момент прощания, и это было одним из многих её достоинств.

Кир подошёл к кровати и медленно откинул одеяло. Он провёл ладонью по её округлым сладким ягодицам, наклонился и поцеловал одну, и очень нежно по ней хлопнул.

Осторожно укрыв Меррит одеялом, он ушёл, не оглядываясь и не сказав ни слова. Это был самый трудный поступок в его жизни, от которого ему стало тошно.

Кир брёл сквозь холодный утренний туман, направляясь обратно в квартиру на складе, чтобы принять ванну и переодеться. Вчерашний шторм временно развеял городской смог, небо было нежно-голубым, а дороги очистились от привычных пыли и мусора.

В прежние времена после ночи с женщиной у него поднималось настроение. Кир чувствовал, что готов свернуть горы. Но не в этот раз. Он будто лишился какого-то защитного слоя, и теперь все чувства обострились. Кир был измотан, и в то же время в нём гудела неведомая ему доселе энергия, он ощущал себя натянутой струной.

Он занялся рутинными делами: встретился с торговцем спиртными напитками, а затем с акцизным чиновником Груинардом, который объяснил процедуру передачи виски со склада покупателю. Он рассказал о формах для доставки и заявках на поставку, которые необходимо заполнить, расценках подлежащих уплате пошлин, реестрах, которые необходимо подписать, разрешениях и сертификатах, которые необходимо получить.

Пытаясь запомнить все нудные детали, Кир с трудом подавил зевок, от которого у него заслезились глаза.

Груинард добродушно усмехнулся.

– Вымотались, как говорится, после ночных приключений в Лондоне? Не могу вас за это винить. Когда-то и я был молодым.

С приближением вечера Кир отправился в прибрежную таверну, где столкнулся с кладовщиками, с которыми трудился бок о бок. Они окликнули его и настояли, чтобы он сел за их стол. Когда подали эль, один из работяг протянул ему наполненный до краёв бокал.

– Мы всегда начинаем с тоста за нашу добрую леди, – сказал ему ирландский кладовщик по фамилии О'Кейрин.

Кир непонимающе на него уставился.

– За королеву?

Мужчины от души рассмеялись, и О'Кейрин объяснил:

– Нет, дурень, мы пьём за леди, которая сохранила наш заработок, взяв на себя управление компанией мужа, хотя могла её продать. – Ирландец поднял бокал. – До дна, ребята, за здоровье и долгую жизнь леди Меррит!

Раздался хор одобрительных выкриков, и кладовщики залпом осушили бокалы. Одним глотком Кир отпил половину своего бокала и постарался не показывать охватившего его уныния. Едва отдавая себе отчёт, он заказал еду. Перед ним появилась тарелка с зелёным горошком и безвкусным варёным мясом. Проглотив несколько кусочков, он допил свой эль и ушёл.

Когда Кир вернулся в свою квартиру, на складе было темно и тихо. Тяжело опустившись на стул у плиты, он мрачно глянул в сторону соседней комнаты, где его ждала маленькая одинокая кровать. С таким же успехом там могла стоять дыба для пыток. Как можно одновременно чувствовать себя без сил и в то же время так неохотно ложиться спать? Всё тело сковало холодом, и только рана на спине пылала жаром. Она стала чувствительной, место вокруг неё тянуло и пульсировало. Он слепо уставился на маленькую печку, раздумывая, не зажечь ли её, чтобы в квартире стало тепло. Нет, всё это требовало слишком больших усилий.

Тяжело вздохнув, Кир наконец позволил своим мыслям вернуться к Меррит.

Он не мог поверить, что ему придётся провести остаток жизни без неё. Ему было просто необходимо увидеться с ней в последний раз. Всего на одну минуту. Полминуты. Десять секунд. Боже, его сердце разрывалось от тоски. Если бы он смог хотя бы мельком на неё взглянуть, то больше никогда ни о чём бы не попросил.

Возможно... ему стоит к ней сходить? Нет, он же не пустоголовый осёл. Ему с трудом удалось уйти от Меррит один раз. Расстаться с ней дважды означало бы для него верную смерть.

И всё же Кир поднялся на ноги и потянулся за пальто. Его сердце забило в предвкушении. Он просто справится, как у неё дела. Даже если она уже в постели и не выйдет к нему, он поговорит с лакеем. Всё лучше, чем сидеть без дела.

Кир вышел из квартиры и начал спускаться к входной двери. Но замедлил шаг, заметив у подножия лестницы облако дыма.

Пожар. По телу пробежал холодок, кожа покрылась мурашками. Его бросило в жар.

На складе не может случиться незначительное возгорание. Лестничные клетки и шахты лифтов превращались в настоящие дымоходы, раздувая пламя, которое стремительно распространялось по открытым площадям.

Выругавшись, он сбежал вниз и потянулся к дверной ручке.

Но она пропала.

Кир удивлённо уставился на дверной замок. Ручка не отвалилась, её аккуратно вынули, заперев засов. Кто-то намеренно заманил его в ловушку.

Склады для таможенных товаров проектировали по принципу банковских хранилищ. Дверь оснащали стальными листами и укрепляли специальным образом, чтобы её было невозможно выбить.

Из-за стены между лестничной клеткой и складским помещением здания донёсся глухой рёв. Огонь. Скоро он доберётся до тысяч бочек с виски.

Вот дерьмо!

Сыпля проклятиями, Кир развернулся и помчался обратно вверх по лестнице, перепрыгивая через две-три ступеньки. Неуклюже отперев дверь, он вернулся в квартиру. Кир подбежал к окну и, открыв защёлку, широко его распахнул. Бросив взгляд вниз, он не обнаружил ничего похожего на пожарную лестницу.

Далеко внизу виднелась вымощенная камнями мостовая, но никакой возможности смягчить падение с третьего этажа не было.

Полное дерьмо!

Он сосредоточил внимание на одноэтажном хранилище для транзитных грузов примерно в десяти футах от склада. Если у Кира получится до него добраться, высота падения сократится на треть. Но без разбега он вряд сможет так далеко прыгнуть. А даже если и сможет, то, вероятно, не переживёт удара о металлическую крышу хранилища.

С другой стороны, лучше уж такой конец, чем поджариться на огне.

Тяжело дыша, Кир подтянулся на окне и осторожно встал на подоконник, ухватившись за косяк.

Внезапно ему подумалось, что скорее всего его похоронят в Англии... вдали от могил его родителей и острова, который он так любил.

Кто-то хотел его смерти, и он никогда не узнает почему. От этой мысли он пришёл в ярость.

И прыгнул.

Глава 11

Меррит стояла посреди спальни, пока Дженни расстёгивала ей платье. Прошедший день был долгим и полным работы, которую ей не хотелось делать. Она не могла сосредоточиться ни на чём дольше пяти минут. Её мысли отвлекались по любому поводу, словно упрямые мулы.

Взгляд Меррит упал на кровать, застеленную свежими выглаженными простынями и одеялами, на которой сверху лежали взбитые подушки. Ничего не напоминало о прошлой бурной ночи. Но на мгновение перед её глазами возникло мускулистое золотистое тело Кира, возвышающиеся над ней широкие плечи, поблескивающий крошечный ключик, который свисал с его шеи и скользил между её обнажёнными грудями.

Она быстро тряхнула головой, чтобы прояснить мысли. Кровать казалась слишком большой для одного человека, до смешного большой. Меррит решила, что избавится от неё и купит вполтину меньше. Стоит ли обрезать парчовое покрывало, чтобы оно подошло по размеру? Нет, она отдаст его и закажет новое. Возможно, синего оттенка...

Её размышления прервал оглушительный грохот снаружи, от которого задребезжали стеклянные плафоны и хрустальные люстры.

– Святые угодники! – воскликнула Меррит. – Это что? Гром?

Дженни нахмурилась.

– Не думаю, миледи.

Они поспешили к окну и раздвинули шторы. Меррит вздрогнула от ослепительной вспышки на горизонте, за которой мгновенно последовал ещё один громкий хлопок со стороны доков. У неё похолодело сердце.

– Застегни мне платье, Дженни, – напряжённо проговорила она. – Нет, сначала крикни Джеффри, чтобы он распорядился приготовить экипаж, а потом помоги мне с платьем.

Примерно через десять минут Меррит уже спешила вниз по лестнице. Раздался стук во входную дверь. Не успела Меррит до неё добежать, как она распахнулась, и в прихожую вошёл мужчина.

Люк. На нём не было ни шляпы, ни пальто. А на лице застыло мрачное выражение.

– Это на одном из наших, – без предисловий сообщил он.

– Взрыв? На одном из наших складов? На...

– Да...

– На каком?

– Не знаю. Я играл в карты в клубе неподалёку от пристани. Туда прибежал очевидец, чтобы рассказать о случившемся.

– Зачем ты пришёл сюда? – тяжело дыша от волнения, спросила Меррит. – Нужно было бежать напрямик туда... узнать... что если... – Она на мгновение замолчала. – Боже, Люк, думаешь, взрыв случился на таможенном складе?

– Взрыв был чертовски мощным, – тихо проговорил он. – Значит огонь добрался до ста тысяч галлонов алкоголя. Я примчался сюда, потому что знал, что ты бросишься на место происшествия, а это очень опасно. Послушай, Меррит, я пушу тебя туда только при условии, что ты будешь держаться рядом со мной. И без спросу не отойдёшь ни на шаг. Согласна?

Меррит удивил и разозлил командный тон младшего брата, которым раньше он никогда не пользовался. Её так и подмывало сказать ему, что она в здравом уме и не собирается метаться по месту пожара, но Меррит не хотелось терять время.

– Согласна, – коротко бросила она. – Поехали.

Они вышли к ожидавшему их экипажу и с головокружительной скоростью помчались к пристани. К великому разочарованию Меррит, экипажу пришлось притормозить, когда он подъехал к главным воротам. Скопилось море зевак, которые заполнили улицы и затрудняли доступ к докам конным упряжкам пожарных и паровым машинам. Вокруг раздавались звон колоколов, шум паровых насосов и крики людей.

– Придётся остановиться здесь, – сказал Люк и заплатил кучеру, прежде чем помочь Меррит выйти. Он приобнял её одной рукой, пытаясь защитить от давки, когда они начали пробираться сквозь толпу.

Пламя заливало причал ярким светом. Из горла Меррит вырвалось рыдание, когда она увидела, что основным источником пожара действительно был склад номер три. По щекам покатились жгучие слёзы.

– Возможно, его там не было, – тут же проговорил Люк. – Он мог находиться в таверне или... или чёрт его знает... в борделе или варьете.

Меррит кивнула, пытаясь найти утешение в словах брата. Она промокнула мокрую щеку рукавом пальто. Её чувства к этому мужчине были настолько сильны, что она пришла бы в неописуемый восторг, узнав, что он в борделе. Где угодно, лишь бы не запертый в настоящем аду.

– Может быть, он сейчас бродит где-то в толпе, – продолжил Люк. – Если это так, то у нас мало шансов его отыскать.

– Давай обойдём территорию вокруг склада.

– Милая, мы и близко не сможем туда подойти. Просто посмотри на... Нет, ты слишком мала ростом, чтобы разглядеть что-то поверх толпы. В воде по меньшей мере полдюжины паровых насосов, работающих на полную мощность, и две пожарные установки, которые пытаются погасить огонь с улицы.

– Может быть, мы сможем что-нибудь узнать у пожарных, – в отчаянии предположила Меррит. – Помоги мне до них добраться. – Заметив его сомнения, она добавила: – Пожалуйста.

– Чёрт бы всё это побрал, – пробормотал Люк и повёл её сквозь толкающуюся толпу. Меррит едва могла дышать и почти ничего не видела вокруг себя, пока они лавировали между людьми. В воздухе повисла странная дымка со сладковатым запахом. Меррит в отчаянии поняла, что это запах горящего виски.

По толпе прошёлся тревожный ропот, когда над складом начали подниматься, похожие на щупальца, жуткие голубые вспышки. Внезапно Люк притянул Меррит к себе и накрыл её голову руками. Всего через долю секунды земля содрогнулась от сильного взрыва. Жар опалил обнажённые участки кожи Меррит, а в небо вознёсся огромный огненный шар. Собравшиеся разразились криками и в панике начали пихать и толкать друг друга.

Их с Люком понесло в общем потоке людей. Меррит почувствовала, как кто-то наступил на подол её пальто, и вцепилась в брата, чтобы не упасть. Мгновенно поняв в чём дело, он оторвал застёжку у её горла и пальто упало на землю. За считанные секунды его затоптал целый батальон людей.

Когда Люк подхватил её на руки и перекинул через плечо, Меррит едва слышно взвизгнула. Она старалась не шевелиться, чтобы ему было легче её нести, пока он пробирался к длинному хранилищу рядом с горящим складом.

Люк осторожно поставил Меррит на ноги у кирпичной стены, которая художественно обеспечивала укрытие от обжигающего жара пылающего склада, примерно в тридцати ярдах от них.

– Стой здесь, – резко сказал он.

Из-за шипения и рёва парового двигателя поблизости было сложно что-нибудь расслышать. Меррит прищурилась, оглядывая местность сквозь медленно падающие яркие угольки и пепел, которые кружились в воздухе, как чёрные перья. В хранилище располагались мастерские, принадлежащие кузнецу, слесарю и колеснику, а рядом находился общий рабочий двор. Её внимание привлекла группа мужчин возле большой наковальни, которые разглядывали что-то на земле.

– Я попытаюсь переговорить с кем-нибудь из пожарной команды и выяснить...

– Люк замолчал, когда Меррит схватила его за лацкан пальто. Он проследил за направлением её взгляда.

Один из мужчин слегка отодвинулся, и теперь им открылся вид на лежащую на земле, обутую в сапог мужскую ногу.

Мужчины столпились вокруг тела.

Меррит почувствовала, как её руки и ноги налились свинцом. Мужчина, с которым она делила постель только прошлой ночью, нежный, страстный любовник со смеющимися голубыми глазами и шаловливыми руками, возможно, лежит мёртвый в нескольких ярдах от неё.

Лишь дважды в жизни она испытывала это жуткое ощущение, которое охватило её сейчас. В первый раз, когда её лягнул в живот пони, испугавшись неожиданного шума. От скользящего удара у неё перехватило дыхание и затошнило.

И во второй раз, когда она узнала о том, что корабль Джошуа затонул.

Издав бессвязный звук, она двинулась вперёд.

Люк схватил её за талию.

– Меррит, нет. Остановись.

Она попыталась вырваться, не отрывая взгляда от сцены перед ней.

– Меррит, – твёрдо проговорил Люк. Взяв её за подбородок, он заставил Меррит посмотреть на него. Она моргнула и затихла при виде напряжённого лица брата. Он уставился на неё сверху вниз пронзительным взглядом тёмных глаз того же цвета, что и её собственные. – Позволь мне пойти всё разузнать, – сказал он. – Если это он, то... возможно, тебе не захочется там присутствовать. – Он сделал паузу. – Что бы ни случилось, я здесь, с тобой. Не забывай об этом.

Меррит с изумлением осознала, что младший брат, которого она когда-то помогала одевать и купать, а потом учила есть пудинг ложкой, превратился в мужчину, на которого она теперь могла положиться.

Меррит стиснула зубы и кивнула, дав ему понять, что не потеряет самообладания.

Люк отпустил её и направился к мужчинам. Протиснувшись между ними, он присел на корточки рядом с телом, распростёртым на земле.

Секунды тянулись, словно годы. Пять... десять... пятнадцать... Меррит неподвижно стояла на месте, как кладбищенская статуя.

Не поднимаясь, Люк повернулся и подозвал её жестом.

Глава 12

Меррит кинулась вперёд, и мужчины отошли в сторону, освобождая ей дорогу. Ей сразу же бросился в глаза блеск золотисто-янтарных волос. Она опустилась на колени рядом с длинным телом на земле и лихорадочно его оглядела.

Кир. Живой. По крайней мере, на данный момент. Он был весь в грязи и синяках, но, к удивлению Меррит, серьезных ожогов не получил. Видимо, когда начался пожар, Кир находился не на складе, а рядом с ним, поэтому пострадал от взрыва. Она сняла перчатки и нежно коснулась его лица.

– Кир... Кир.

Его густые ресницы затрепетали и слегка приподнялись, но глаза не открылись. Он сбивчиво дышал, его грудь судорожно приподнималась в борьбе за воздух. Вытащив из кармана юбки носовой платок, Меррит вытерла струйку свежей крови в уголке его рта. Ей захотелось увести его подальше от этого грязного окутанного дымом места, уложить в чистую, мягкую постель и позаботиться о его выздоровлении.

Она придвинулась ближе и положила его голову себе на колени. Кир закашлялся и стал задыхаться, как выброшенная на берег рыба. Меррит поднесла платок к его губам, а когда убрала, то заметила капли крови. Она взглянула на брата, который стоял рядом и разговаривал с мужчинами.

– Люк, – с трудом выговорила она, – мне нужно твоё пальто, чтобы согреть Кира.

Не задумываясь, Люк расстегнул шерстяное пальто.

– Почему он так дышит? – в отчаянии спросила Меррит. – Это из-за дыма?

– Возможно, из-за перелома рёбер. Кто-то видел, как он выпрыгнул из окна складской квартиры как раз перед первым взрывом.

На её глаза навернулись слёзы.

– Он упал с высоты третьего этажа?

– Да, но не сразу. Он пролетел примерно двадцать футов вниз и приземлился на крышу хранилища, а затем взрывной волной его отбросило на землю. Пара грузчиков, рискуя жизнью, оттащили его от здания. – Люк наклонился, чтобы накинуть пальто на распростёртое тело Кира. – Я попытаюсь отыскать телегу или повозку, – продолжал он, – и попрошу этих парней помочь мне перевезти Макрея. Но куда? Ближайшая больница – Мерси-Вейл, но я бы не положил туда даже своего злейшего врага. Можно попробовать добраться до больницы Шордич, хотя...

– Ко мне домой.

– Ты сейчас не совсем ясно мыслишь, – после недолгого молчания ответил Люк.

Меррит бросила на него прищуренный взгляд.

– Ко мне домой, – повторила она. Меррит собиралась лично позаботиться о Кире, а не оставлять его на милость незнакомых людей.

– Выживет он или умрёт у тебя дома, это в любом случае вызовет грандиозный скандал.

Меррит яростно замотала головой.

– Он не умрёт. И мне наплевать на скандал.

– Возможно, сейчас, но потом...

– Люк, прошу тебя, – настойчиво проговорила она, – давай не будем тратить время на споры. Отыщи побыстрее повозку.

– Он всё ещё дышит – это хороший признак, – заметил позже Люк. – Я был уверен, что Макрей отдаст богу душу до того, как мы доберёмся до дома.

Хотя Меррит не понравилось то, как выразился брат, её посещали те же мысли во время мучительной поездки до Карнейшн-лейн. Она сидела с Киром в задней части овощной повозки и держала его голову и плечи у себя на коленях, а вокруг них катались клубни репы. Кир то приходил в себя, то снова терял сознание, тихо постанывая, когда повозка подпрыгивала на ухабах.

После того как Люк и Джеффри отнесли Кира в комнату для гостей, лакей немедленно отправился за доктором Гибсон.

Люк стоял в изножье кровати и, нахмурившись, наблюдал, как Меррит снимает обувь с лежащего без сознания мужчины.

– Я останусь, если тебе нужна моя помощь, – сказал он. – Но мне бы хотелось вернуться на пристань и выяснить, не пострадал ли кто-нибудь ещё. Заодно нужно встретиться с пожарными и уведомить страховую компанию.

– Иди, – сказала Меррит, снимая с Кира шерстяные носки. – Я справлюсь, пока не приедет доктор.

– Я вернусь, как только смогу. А пока почему бы тебе не послать за кем-нибудь из друзей в Лондоне, чтобы они тебе помогли?

– Я подумаю об этом, – сказала Меррит, но единственной подругой, за которой она хотела бы послать, была леди Фиби Рэвенел, которая жила в Эссексе.

Нахмурившись, Люк подошёл посмотреть на мужчину на кровати.

Кир был очень бледным, его губы и ногти посинели. Он тяжело дышал, как будто ему не хватало воздуха.

– Бог знает, какие он мог получить травмы, – тихо сказал Люк. – Тебе лучше подготовиться к тому, что Макрей может не...

– Он полностью поправится, – перебила его Меррит. Она чувствовала себя неустойчивой вазой, которая в любой момент могла опрокинуться и разбиться.

– Он посторонний человек, Меррит. Даже если случится худшее, ты не достаточно хорошо его знаешь, чтобы так по нему убиваться.

Меррит рассердили его слова, она с трудом подавила искушение объяснить ему, как глупо пытаться диктовать людям, что им следует чувствовать.

После того как брат ушёл, Меррит сделала всё возможное, чтобы умыть Кира и уютно устроить в постели. Она срезала одежду, которую было трудно снять, и обтёрла его отрезом чистой влажной ткани. Теперь сильное крепкое тело со стальной мускулатурой, которое с недавних пор стало ей так хорошо знакомо, покрывали синяки и ссадины. На затылке набухла шишка. Время от времени он открывал глаза, но его взгляд оставался рассеянным, и Кир не делал попыток заговорить.

К счастью, Гаррет Гибсон приехала быстро и вошла в комнату для гостей, даже не постучав. За ней по пятам следовал лакей Джеффри, неся кожаный футляр и коробку с медицинскими инструментами. По указанию доктора он поставил их рядом с кроватью и удалился.

– Слава богу, ты здесь, – вырвалось у Меррит, когда Гаррет направилась напрямик к кровати. – Мистер Макрей едва дышит.

– Лакей сказал, что он пострадал во время пожара на складе. – Гаррет порылась в своей сумке, вытасила стетоскоп и ловко вставила ушные оливки в уши. Она вела себя так спокойно и уверенно, что, казалось, пока доктор рядом, не может случиться ничего плохого.

– Да. Произошёл взрыв. Мистер Макрей... – Меррит не удалось справиться с собой, её голос сорвался на более высокий регистр, пока она боролась со слезами. – Он выпрыгнул из окна и пролетел вниз около двух этажей.

Гаррет прижимала акустическую головку стетоскопа к различным частям груди Кира, внимательно прислушиваясь. После она отложила прибор в сторону, пощупала пульс, а затем заговорила:

– Мистер Макрей, вы очнулись? – Он не ответил, тогда она нежно взяла его лицо в руки. – Вы можете на меня посмотреть? Можете открыть... Вот молодец. – Гаррет осмотрела его зрачки и ободряюще улыбнулась. – Я знаю, что вам трудно дышать, – посочувствовала она. – Минуту, и вам станет легче.

Меррит стояла рядом, сцепив вместе пальцы. Она глубоко дышала, будто каким-то чудом могла делать это за Кира. Никогда ещё Меррит не чувствовала себя такой беспомощной. Она наблюдала за Гаррет, пока та вынимала из кожаного футляра странный набор предметов и собирала их воедино... Стальной цилиндр длиной примерно полтора фута, бутылку с прозрачной жидкостью, резиновую трубку.

– Что это? – с опаской спросила Меррит.

– Кислородный аппарат, – ответила Гаррет, не отвлекаясь от работы. – Я уже использовала его раньше для лечения пациента с астмой. Решила принести его с собой после того, как Джеффри описал симптомы мистера Макрея. – Она подсоединила резиновый мешок к хитроумному устройству, повернула ручку на цилиндре, чтобы запустить поток кислорода, и надела маску на нос и рот Кира. Он дёрнулся и попытался отвернуться, но доктор настойчиво прижимала маску к его лицу. – Дышите, – уговаривала она, – медленно и ровно.

Всего через минуту кислород подействовал на него чудотворным образом. Цвет лица Кира сменился с голубоватого на здоровый розовый, а дыхание восстановилось.

– Ну вот, – тихо проговорила Гаррет, её хрупкие плечи расслабились. – Лучше?

Кир еле заметно кивнул и прижал её руку, держащую маску, крепче к своему лицу, словно опасаясь, что она может убрать её слишком быстро.

Меррит промокнула слезящиеся глаза носовым платком и судорожно вздохнула.

Доктор посмотрела на неё с лёгкой улыбкой.

– Иди приведи себя в порядок, мой друг, – мягко предложила она, – пока я продолжу осмотр. Чашка чая может сослужить тебе добрую службу.

Меррит догадалась, что Гаррет хотела осмотреть своего пациента за закрытыми дверями.

– Конечно, – согласилась она, хотя последнее, что ей хотелось сделать, – это покинуть Кира. – Позвони в колокольчик, если тебе что-нибудь понадобится.

Меррит неохотно вышла из комнаты для гостей и обнаружила Дженни, которая ожидала в коридоре. Молодая служанка посмотрела на неё с беспокойством.

– С джентльменом всё будет в порядке, мадам?

– Да, – рассеянно ответила Меррит. – Должно быть.

– Я помогу присмотреть за ним, миледи, если понадобится. Однажды я ухаживала за своим отцом во время лихорадки, и знаю, как вести себя с больным человеком.

– Спасибо, Дженни. А пока, не могла бы ты подать чай в мою комнату?

– Сию минуту.

Меррит побрела в свою спальню. Огромная кровать была аккуратно застелена свежим постельным бельём, а покрывало идеально разглажено. Она глянула в зеркало в спальне, и отражение застигло её врасплох. Её лицо покрывала сажа, глаза покраснели, волосы растрепались, а платье было испачкано. Поморщившись, Меррит вытащила из волос шпильки и положила их на туалетный столик.

Мысли разбегались в разные стороны. Казалось, голова работала в два раза быстрее обычного. Энергичными движениями Меррит расчесала волосы, скрутила простой пучок и закрепила его шпильками. Хотя она всё ещё оставалась в неведении, насколько серьёзно травмирован Кир, было ясно одно: ему потребуется серьёзный уход и отдых до полного выздоровления. Если он останется у неё дома, разразится скандал. Может, получится отправить его в поместье Марсденов в Гэмпшире? Да. Место там безопасное и уединённое, и семья поможет. Идея принесла успокоение. Как только Гаррет разрешит, Меррит тут же отвезёт Кира к родителям.

Дженни принесла чай и помогла ей умыться и переодеться в чистое платье. Выпив вторую чашку, Меррит взглянула на часы на каминной полке. Прошло сорок пять минут с тех пор, как она оставила Кира на попечение Гаррет Гибсон. Несомненно, этого времени вполне достаточно, чтобы закончить осмотр.

Она подошла к комнате для гостей и остановилась у закрытой двери. Доносившиеся голоса наполнили сердце Меррит радостью. Знакомый баритон звучал хрипло и его прерывали приступы кашля, но Кир находился в сознании и мог общаться.

Она нетерпеливо постучала в дверь одной костяшкой пальца, толкнула её и выглянула из-за края.

– Можно войти? – спросила Меррит.

Сидя у постели больного, Гаррет бросил на Меррит встревоженный взгляд.

– Да, на минуточку.

Меррит переполняли радость, беспокойство и нетерпение. Она подошла к кровати. Кир полулежал на подушках, глядя на неё своими холодными светло-голубыми глазами. Несмотря на синяки и ссадины, он на удивление пребывал в хорошем состоянии, если учесть, через что ему пришлось пройти.

– Я так рада, что ты очнулся, – неровным голосом проговорила она.

Кир почему-то долго медлил. Вместо ответа он повернулся к Гаррет и спросил хриплым голосом:

– Кто это?

Глава 13

У Меррит оборвалось сердце.

"Кто это?" Он что, пошутил? Нет... Кир смотрел на неё так, будто она незнакомка, чьё присутствие в комнате было нежелательным. У него проблемы со зрением?

Едва заметным жестом руки Гаррет призвала Меррит сохранять спокойствие.

– Мистер Макрей, – спросила она, – вы знаете эту леди?

Его озадаченный, настороженный взгляд вернулся к Меррит. Кир покачал головой.

– Мы знакомы?

В горле застрял ком. Она кивнула, снова попыталась заговорить, но не смогла. Поняв, что продолжает тупо кивать, Меррит заставила себя остановиться.

"Да, и честно говоря, ты провёл большую часть прошлой ночи в моей постели, занимаясь со мной любовью во всех мыслимых позах".

Она всё ещё чувствовала небольшой дискомфорт в интимной зоне и напряжение в мышцах бёдер, потому что не сводила ноги вместе в течение нескольких часов.

А он её не узнал.

– Это леди Меррит, – спокойным тоном сообщила ему Гаррет. – Вы познакомились с ней несколько дней назад по прибытии в Лондон.

– Вдова Стерлинга, – проговорил Кир всё тем же хриплым голосом и нахмурился, как будто мыслительная деятельность причиняла ему боль. – Прошу прощения, миледи.

– Всё... всё в порядке, – с трудом выдавила Меррит.

Гаррет поправила пакет со льдом рядом с его головой.

– Не о чем беспокоиться, – сказала она. – Пришло время ещё раз подышать кислородом. – Доктор повернула клапаны на кислородном баллоне, привела в

порядок трубку и прикрепленный бутыл для промывания и поднесла маску к его рту и носу. – Сможете подержать маску, пока я отойду поговорить с леди Меррит?

– Да.

По молчаливому согласию женщины подошли к порогу. Меррит вышла в коридор, а Гаррет осталась в комнате.

– Во-первых... У него большие шансы выжить, – тихо проговорила доктор через приоткрытую дверь.

– И выздороветь?

Гаррет замялась перед ответом.

– Насколько я могу судить, у него перелом или сильный ушиб, по меньшей мере, двух рёбер, но в любом случае они заживут. Его лёгкие вызывают более серьёзные опасения. Взрывы становятся причиной особой травмы. Я имела с ней дело, когда жила во Франции, тогда в больницу доставили молодого солдата, а второй раз совсем недавно лечила пациента, у которого рванул кухонный котёл. Несмотря на то, что явных внешних повреждений грудной клетки нет, сила взрыва повреждает лёгкие. Однако случай мистера Макрея не кажется серьёзным. При условии отдыха и хорошего ухода я думаю, что его лёгкие и дыхательная функция придут в норму через десять-четырнадцать дней.

– Слава богу, – горячо сказала Меррит.

– Основная его проблема – сотрясение, травма головного мозга, возникшая в результате удара по голове. Хорошо, что у него не было припадков, и он не запинается. Однако мне нужно осмотреть его более тщательно, прежде чем дать тебе реалистичный прогноз. У мистера Макрея могут присутствовать длительные последствия, такие как головные боли, нарушения сна, трудности с чтением или устным счётом...

– Потеря памяти?

– Да. Хорошая новость – он прекрасно осведомлён о том, кто он и где живёт, он сообщил мне имена членов семьи и друзей, а также некоторые подробности о своём деловом предприятии. Но последнее, что помнит мистер Макрей, – это отъезд в Лондон. По моим оценкам, он забыл события последней недели.

Меррит прислонилась к дверному косяку и пристально посмотрела на доктора.

"Неделя", – оцепенело подумала она. Большинство людей сочли бы потерю незначительной, учитывая все обстоятельства. Она бы и сама с этим согласилась ещё совсем недавно.

Но теперь Меррит знала, насколько важной может быть неделя. Жизнь может измениться за несколько дней. За час. За одно мгновение. Люди могут заполнить или потерять целый мир.

Сердце может разбиться.

В течение нескольких часов Меррит занимала кресло в углу гостевой комнаты и наблюдала за тем, как Гаррет лечит Кира. Меррит помогала как могла: убирала использованные тряпки и полотенца, выливала тазы с мыльной водой и держала кислородную маску на лице Кира, пока Гаррет время от времени выходила из комнаты.

– Почему бы тебе не пойти к себе и не прилечь? – предложила Гаррет около полуночи. – Обещаю разбудить тебя, если его состояние как-то изменится.

– Я бы предпочла остаться, если не возражаешь. Ты, наверное, считаешь меня очень глупой, раз я продолжаю ухаживать за человеком, которого знаю всего несколько дней.

На губах Гаррет заиграла странная улыбка.

– Когда-нибудь я расскажу тебе о том, как начинались наши отношения с Итаном.

Примерно в два часа ночи раздался стук в дверь гостевой комнаты, и послышался голос брата Меррит.

– Меррит, это я.

Сидя всё в том же кресле, она потёрла воспалённые, усталые глаза.

– Входи.

Дверь приоткрылась, и показалось чумазое лицо Люка.

– Лучше не стоит, – с сожалением проговорил он. – Я весь в грязи, и чувствую себя поджаренным гренком по-уэльски. – Он выглянул из-за двери и посмотрел в сторону постели.

Кир спал на боку, а Гаррет сидела рядом, следя за его состоянием и периодически прикладывая маску с кислородом.

Меррит встала, распрямила ноющую спину и вышла в коридор, чтобы поговорить с Люком. Брат был весь в саже, грязи и явно вымотан, а от его одежды несло дымом.

– Бедняга Удалец, – озабоченно нахмурившись, посочувствовала она. Люк заслужил ласковое семейное прозвище будучи в детстве энергичным малышом, который сметал всё на своём пути и оставлял после себя только разбитые чашки и вазы. – Что я могу для тебя сделать? Ты голоден? Я приготовлю сэндвичи и чай. Ты...

– Сначала расскажи мне, как дела у Макрея.

Она пересказала брату всё, что узнала от Гаррет о состоянии Кира.

– Естественно, мы обеспечим ему наилучший уход, – сказал Люк. – Но ему нельзя здесь оставаться, сестрёнка. Никак нельзя.

– Это не тебе решать, дорогой, – мягко ответила Меррит.

– Я знаю, чёрт возьми. Но ты всё равно не можешь...

– Ты послал сообщение в страховую компанию?

– Да, а потом я отправился в доки. Пожар удалось локализовать. Хранилище для транзитных грузов сгорело дотла, но остальные склады остались целы.

– Слава богу.

Люк кивнул и устало потёр затылок.

– Я увидел рядом с пожарным инспектором Итана Рэнсома и подошёл с ними поговорить.

Меррит удивлённо моргнула. Муж Гаррет, Итан, занимал довольно влиятельную должность в столичной полиции. Несмотря на то, что пожар на складе был серьёзным, расследование таких дел обычно вёл кто-то гораздо ниже чином.

– Они подозревают поджог? – спросила она.

– Да. Похоже на то. Как я уже сказал Рэнсому, каждый сотрудник нашей компании знает правила пожарной безопасности. Каждое утро, прежде чем войти на склад, они проверяют свои карманы, чтобы там случайно не завалялись спички. Оборудование не работало, так что о случайном возгорании речь не идёт. Единственный человек, у которого был доступ в здание – Макрей, и я не могу представить, чтобы он по глупости устроил пожар в квартире. Более того, даже если бы он это сделал, огонь не распространился бы на склад. В квартире и на лестнице, ведущей к ней, огнеупорные кирпичные стены. – Люк сделал паузу. – Рэнсом спросил, можно ли ему заехать сегодня вечером, чтобы проведать жену и заодно задать несколько вопросов. Я ответил, что, мне кажется, ты не будешь возражать.

– Напротив, я буду очень рада его видеть.

– Хорошо, потому что он уже скоро прибудет. – После недолгого молчания Люк с надеждой спросил: – Ты что-то говорила о сэндвичах?

Меррит улыбнулась.

– Я принесу поднос в переднюю гостиную.

Она пошла на кухню, достала различную утварь и продукты из кладовой и поставила на плиту чайник. Большинство дам её положения редко, а то и вообще никогда не заходили на кухню, но у Меррит вошло в привычку готовить себе несложные блюда в выходные дни кухарки. Так было быстрее и удобнее, чем ждать, пока ей принесут еду. А хлопоты на собственной кухне успокаивали. Она сделала сэндвичи с чёрным хлебом, ветчиной и горчицей и добавила на тарелку сваренные вкрутую яйца и солёные огурцы.

Когда Меррит принесла поднос в гостиную, она увидела, что Люк разговаривает с Итаном Рэнсомом.

– Боже мой! – воскликнула она, входя в комнату, – я не слышала, как вы приехали, мистер Рэнсом. Люк, дорогой, возьми, пожалуйста, и поставь на низкий столик... – Она передала тяжёлый поднос брату и повернулась к Итану. – Я так рада вас видеть, – сказала Меррит, протягивая ему обе руки.

Итан Рэнсом крепко сжал её ладони в своих и улыбнулся.

– Миледи. – Он был привлекательным жгучим брюнетом с тёмно-голубыми глазами. Пара шрамов и нос с лёгкой горбинкой из-за давнишнего перелома, придавали его красивому лицу немного грубоватый вид. Он обладал настороженным взглядом человека, который слишком хорошо знаком с самыми опасными улицами и трущобами Лондона. Но, когда Рэнсом находился среди семьи и друзей, он излучал спокойствие и мягкое очарование, что очень нравилось Меррит.

Будучи незаконнорожденным сыном покойного графа Трени, Итан считался самым загадочным членом семьи Рэвенел. О его прошлом было известно крайне мало, и он не спешил развеивать тайну. Однако он дружил с Уэстом Рэвенелом, мужем лучшей подруги Меррит Фиби, которая многое о нём поведала.

– Итан когда-то работал на правительство, – рассказала Фиби. – В разведывательной службе, которую тайно финансировало Министерство внутренних дел. Он имел отношение к шпионажу и иностранной разведке. Лучше не задаваться вопросами по этому поводу. Но Итан был высококвалифицированным агентом.

– Давно вы прибыли? – вернувшись в настоящее, спросила Меррит.

– Только что, – ответил он.

– Если вы пришли за женой, боюсь, мы пока не можем её отпустить, – со слабой улыбкой сказала Меррит. – Она буквально спасла мистера Макрею жизнь.

– Как он?

– Тяжело ранен. У него сотрясение мозга, и он ничего не помнит о событиях последних нескольких дней.

– Совсем? – Итан нахмурился и о чём-то задумался. – Чёрт, – пробормотал он.

Люк взял с подноса сэндвич и принялся с удовольствием его уплетать.

– Доктор Гибсон сказала, что потеря памяти может быть временной, – проговорил он с набитым ртом.

– Дорогой, почему бы тебе не устроиться на диване? – предложила Меррит, придя в замешательство от ужасных манер брата.

Совсем не раскаиваясь, Люк поднял на неё глаза.

– Сестрёнка, я знаю, ты бы предпочла, чтобы я ел сидя, как цивилизованный человек. Но если бы ты знала, через что сегодня прошли эти брюки, то и близко не подпустила бы их к своей мебели.

Губы Итана дрогнули.

– Я сделала несколько сэндвичей, – сказала Меррит Итану. – Присоединяйтесь, если хотите.

- Спасибо, но сначала я бы хотел увидеть жену.
- Я провожу вас к ней, – быстро проговорила Меррит, уводя его из гостиной.
- Я присмотрю за сэндвичами, – слышался позади невнятный голос Люка.

По пути к лестнице Итан остановил Меррит, тихо проговорив:

- Миледи.

Она повернулась и вопросительно на него посмотрела.

- Прежде чем мы поднимемся наверх, – осторожно начал Итан, – мне нужно задать вам несколько вопросов. Я пытаюсь разгадать головоломку, и ваша помощь пришла бы очень кстати. Естественно, всё, что вы скажете, останется между нами.

- Мистер Макрей – часть этой головоломки?

Итан пристально посмотрел на неё и ответил:

- Он ключевой элемент.

Меррит похолодела.

- Его в чём-то обвиняют?

- Нет, – твёрдо заявил Итан. – И он не находится под подозрением. В данный момент моя главная забота – сохранить ему жизнь.

- В таком случае спрашивайте меня о чём угодно.

- Прошлой ночью после того, как Гарриет уехала... Макрей остался на ужин?

- Да.

- Когда он ушёл?

Меррит медлила с ответом, ведь он таил в себе немалый риск. Если станет известно, что она провела ночь с мужчиной вне брака, её репутации придёт конец. Меррит превратится в падшую женщину, впадёт в Божью немилость, так сказать. В приличном обществе к ней будут относиться как к изгоя. Даже у сочувствующих друзей не останется другого выбора, кроме как избегать её или самим поставить репутацию под удар.

Меррит почувствовала, как её щёки заливают румянец, но выдержала пристальный взгляд Рэнсома и спокойно ответила:

- Он остался здесь на всю ночь и ушёл вскоре после того, как прозвенели колокола Святого Георгия.

Во взгляде Итана не было ни следа осуждения. Ей стало легче.

- Спасибо, – просто сказал он, отдавая дань её доверию. – Он случайно не упоминал, куда направляется?

- У него были назначены деловые встречи. Я не знаю, с кем, но... – Меррит замолчала, услышав решительный стук в парадную дверь. – Кого, чёрт возьми..? – безучастно проговорила она и пошла открывать.

Когда дверь распахнулась, в прихожую ворвался порыв холодного осеннего ветра, отчего подол длинного чёрного пальто посетителя затрепетал, как крылья ворона. Гость был великолепно сложен и выглядел свежим и бодрым, как будто за окном стояло утро, а не глухая ночь.

- Дядя Себастьян? – в замешательстве спросила Меррит. Для герцога ждать на пороге было неслыханным поступком. Обычно сначала в дверь стучал лакей и наводил справки, а потом уже лорд или леди выходили из экипажа. Однако, похоже, этой ночью Себастьян, герцог Кингстон, решил не церемониться. Он улыбнулся Меррит.

- Моя дорогая, – тихо проговорил герцог. – Могу я войти?

Как только отец Фиби оказался внутри, Меррит подошла к нему, и он быстро по-отечески её обнял. Вместе с братьями и сёстрами она знала Кингстона как доброго, красивого мужчину, у которого всегда находилось в запасе множество забавных историй и время поиграть в бирюльки или шашки со скучающими детьми. Однако по мере того, как она выросла, до неё неизбежно стали доходить слухи о

его прошлым, ставшем притчей во языцех. Ей было трудно сопоставить того подлеца и бабника из сплетен с преданным семьянином, весь мир которого вращался вокруг жены. Каким бы ни был когда-то Кингстон, Меррит считала его вторым отцом и могла доверить ему свою жизнь.

Герцог ласково и в тоже время озабоченно посмотрел на Меррит.

– Я сожалею о складе, – сказал он. – Что бы тебе ни понадобилось, только попроси.

– Спасибо, дядя, но... как ты так быстро узнал о случившемся? И что ты здесь делаешь?

Несмотря на своё обаяние, Кингстон был скрытным человеком и не выставлял напоказ мысли и чувства.

– Я пришёл справиться о раненом мужчине, – объяснил герцог. – Я познакомился с ним позавчера в моём клубе.

– Да, он мне рассказал.

Во взгляде герцога промелькнул интерес.

– Ты его видела после нашей встречи?

Меррит уклончиво пожала плечами, жалея, что вовремя не закрыла рот.

– А теперь привезла в свой дом, – заметил он.

– Складская квартира уничтожена, – ответила Меррит, стараясь говорить так, чтобы ему не показалось, будто она защищается.

– Расскажи мне о характере его травм.

– Видишь ли... Подожди, прежде чем мы перейдём к обсуждению его травм, скажи, почему ты проявляешь повышенный интерес к мистери Макрею? И как... – Меррит замолчала и посмотрела на Итана, который подошёл к ней. Она поняла, что этим двоим были известны факты о Кире, которых она не знала. – Что происходит? – спросила Меррит.

– Я послал сообщение его светлости ранее этим вечером, – ответил Итан, – как только узнал, что Макрей ранен. – Он повернулся к Кингстону, слегка нахмурившись. – Сэр, я думал, что ясно дал понять, в вашем присутствии нет необходимости.

– Дал, – спокойно подтвердил Кингстон. – Однако в свете того факта, что всего за пару ночей парня успели сначала порезать, а потом поджарить, как баранье седло, очевидно, моё участие всё-таки требуется.

Из гостиной к ним вышел Люк, видимо, услышав, как приехал герцог.

– Здравствуй, дядя Себастьян. О чём ты? Макрея порезали как... с ним что-то стряслось, о чём я не знаю? И в деле участвовал нож?

– Кто-то напал на мистера Макрея в переулке вчера вечером, когда он шёл ко мне на ужин. Я послала за доктором Гибсон, чтобы она наложила швы, – неохотно объяснила Меррит.

– Когда он шёл к тебе на ужин... – повторил Люк и бросил на неё мрачный взгляд.

Итан посмотрел на герцога с плохо скрываемым раздражением.

– При всём уважении, ваша светлость... – Он сделал паузу, подыскивая слова.

После нескольких напряжённых мгновений Кингстон коротко вздохнул.

– Рэнсом, все знают, что после фразы "при всём уважении" никто не говорит ничего уважительного. Выкладывай как есть.

– Хорошо, сэр. В данный момент ваше участие только усложнит ситуацию. Для всех заинтересованных сторон будет лучше, если вы отправитесь домой и дождётесь моей весточки.

Герцог смерил его холодным взглядом.

– Ты прекрасно знаешь, почему я этого не сделаю.

– Он может быть и знает, – взорвалась Меррит, – зато я – нет, и мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь объяснил, что вы скрываете.

– Я не имею права распространяться на эту тему, миледи, – с извиняющимся видом ответил Итан.

Она повернулась к Кингстону.

– Дядя?

– Моя дорогая, пока нечего рассказывать, есть одни лишь неподтверждённые подозрения. Я бы предпочёл не обсуждать их сейчас. – Герцог переключил внимание на Итана. – Рэнсом, что ты выяснил на месте пожара?

– Это был поджог, – тихо ответил Итан. – Пожарный инспектор нашёл выброшенные канистры из-под керосина у дороги между складом и хранилищем для экспортных товаров. Дверь на таможенный склад заблокировали. Засов был заперт, а дверные ручки сняты. Кто бы это ни сделал, он подождал, пока Макрей окажется в квартире, и убедился, что тот не сможет выбраться после того, как начался пожар.

Меррит начало трясти от ужаса и ярости.

– Зачем кому-то желать ему смерти?

– Пока не знаю, – ответил Итан. – Но выясню. А пока ему нельзя здесь оставаться.

– Именно это я и говорил, – торжественно изрёк Люк.

– Нам нужно вывезти его из Лондона, – продолжил Итан, – в какое-нибудь безопасное место, где он сможет восстановиться, пока я выясняю, кто за этим всем стоит.

– Я уже решила отвезти мистера Макрея в Гэмпшир, – сказала Меррит, – в Стоуни-Кросс-парк.

Брат непонимающе на неё уставился.

– Домой? К нам домой?

– Домой к нашим родителям, – сказала она. – Я уверена, что они не будут возражать и помогут мне за ним присмотреть.

– Он же не бездомный щенок, Меррит!

Итан поспешил вмешаться, пока не разыгрался настоящий спор.

– Миледи, поскольку мы ещё не знаем, кто и почему угрожает жизни Макрея, я думаю, что будет лучше, если вы и ваша семья останетесь в стороне.

– Рэнсом прав, – твёрдо заявил герцог. – У тебя и так предостаточно дел, к тому же тебе нужно беречь репутацию. Не беспокойся о Макрее. Даю слово, что он получит наилучший уход. – Он бросил взгляд на Итана. – Он отправится ко мне домой в Сассекс. У меня там большое и хорошо охраняемое поместье, а жена и двое младших детей уехали в Париж.

– Дядя Себастьян, – ошеломлённо проговорил Люк, – зачем тебе Макрей? И вообще, почему ты здесь?

Кингстон проигнорировал вопросы, его внимание было приковано к Итану.

– Я позабочусь о транспортировке больного, – сказал он. – Если доктор разрешит перевезти Макрея, я заберу его отсюда к утру.

Итан обдумал предложение герцога и согласно кивнул.

– Я скажу Гаррет, что у нас нет выбора, – тихо сказал он. – Пока Макрей остаётся здесь, он подвергается опасности, как и леди Меррит.

Меррит охватил страх, когда она поняла, что ситуация вышла из-под её контроля. У неё отнимали Кира. Решения, касающиеся его безопасности и здоровья, будут принимать за него и без участия Меррит. Она не могла этого допустить.

– Я еду с вами, – вырвалось у неё. – Я настаиваю! Я должна поехать.

Когда все трое мужчин посмотрели на Меррит, она поняла, каким странным, должно быть, выглядело её поведение со стороны. Она слишком сильно переживала за судьбу человека, которого едва знала.

На лице герцога промелькнуло любопытное, задумчивое выражение.

– Зачем же тебе ехать? – тихо спросил он.

Меррит глубоко вздохнула и прочистила горло перед ответом.

– Видишь ли, мы с мистером Макреем помолвлены.

Глава 14

Заявление Меррит встретила гробовая тишина.

– Ты что, с ума сошла? – ошеломлённо спросил Люк. – Вы с ним знакомы от силы дня три.

– И этого вполне достаточно, – сказала Меррит. – Макрей провёл здесь всю прошлую ночь. Он меня скомпрометировал, очень сильно скомпрометировал. Если он на мне не женится, меня могут изгнать из британского общества, а возможно, даже из Англии. Если не хочешь, чтобы я жила в Пруссии или Австралии под вымышленным именем, то не препятствуй. – Это, конечно, было преувеличением, но в данных обстоятельствах небольшое сгущение красок простительно.

Люк потрясённо потёр подбородок.

– До приезда Кира Макрея всё шло своим чередом. Теперь мы имеем поножовщину, взрыв и разврат, а моя разумная старшая сестра помолвлена с шотландским производителем виски. Что с тобой случилось? Ты же обычно такая рассудительная!

– То, что человек обычно рассудительный, не означает, что он такой всегда, – стараясь говорить с достоинством, ответила Меррит.

– Ты не будешь считаться скомпрометированной, если никто не узнает о случившемся, – сказал Люк. – И уж мы точно никому не расскажем.

– Мой мальчик, ты упускаешь главное. Твоя сестра хочет считаться скомпрометированной, – вмешался герцог, его голос был так сух, что чиркни спичкой, и она загорится.

– Этот разговор не требует моего присутствия. Пойду навещу жену, – проговорил Итан Рэнсом, медленно продвигаясь в сторону лестницы.

Кингстон отпустил его элегантно движением руки.

Люк не сводил с Меррит хмурого взгляда.

– Я отвезу тебя в Гэмпшир. На тебе сказался пожар. Тебе нужен отдых и свежий воздух, и, возможно, долгий хороший разговор с отцом...

– Если я куда-нибудь и отправлюсь, то только с моим женихом, – ответила Меррит.

На лице брата появился смущённый румянец.

– Меррит... Видит бог, я не виню тебя за то, что ты хочешь определённого... общения. Но для этого необязательно выходить замуж. Только сумасшедшая решила бы провести остаток жизни с мужчиной, с которым только что познакомилась.

– Необязательно, – спокойно проговорил Кингстон.

Люк кинул на него раздражённый взгляд.

– Дядя Себастьян, ты же не можешь одобрять брак с незнакомцем.

– Всё зависит от незнакомца. – Герцог глянул на Меррит. – Очевидно, в этом что-то есть.

– Да, – с облегчением согласилась Меррит. Судя по всему, Кингстон был на её стороне. – Он... – Но слова замерли у неё на губах, когда она заметила то, что до сих пор упускала из виду.

Зная герцога всю свою жизнь, Меррит никогда не придавала значения его внешности. Она, конечно, понимала, что он красив, но никогда не обращала особого внимания на его черты лица и вообще о них не задумывалась. Для неё он всегда был просто дядей Себастьяном.

Но сейчас при ближайшем рассмотрении её поразил характерный бледно-голубой оттенок его глаз, как у зимнего неба, как у лунного света... как у Кира.

Меррит ошеломлённо уставилась на этого сложного могущественного мужчину, который был так хорошо ей знаком... и в то же время оставался загадкой.

– Позволь мне остаться с ним, – прошептала она. – Возьми меня с собой.

Его светлые, пронизательные глаза смотрели на неё ласково, но расчётливо. Наконец, приняв решение, Кингстон медленно произнёс:

– Я пошлю за Фиби, чтобы она погостила у нас в Херон-Пойнт. Её присутствие поможет соблюсти приличия, и я осмелюсь предположить, что ты захочешь поболтать с ней о... последних событиях.

– Спасибо, – проговорила Меррит со вздохом облегчения.

Их взгляды встретились, и они заключили негласный договор: во всём, что касается Кира Макрея, дядя Себастьян будет её союзником, а Меррит, в свою очередь, его.

– Я хотел бы переброситься парой слов с доктором Гибсон, перед тем как заняться организацией поездки, – сообщил герцог.

– Я поднимусь с тобой, – сказала Меррит. Она повернулась к угрюмому и измученному Люку. На неё нахлынул прилив нежности. Она подошла к брату, встала на цыпочки и поцеловала его в щёку. – Ты останешься в Лондоне приглядеть за "Стерлинг Энтерпрайзиз"?

Люк не отстранился, но и не поцеловал её в ответ.

– У меня есть выбор?

– Спасибо. Если появятся вопросы, ты знаешь, где меня найти.

– У меня есть вопросы только к твоей вменяемости, – пробормотал он. – Скажи, Меррит, если бы кто-нибудь из твоих знакомых вёл себя так же по отношению к незнакомцу, например, одна из наших сестёр, не дай бог, что бы ты ей сказала?

В данный момент Меррит не хотелось ни перед кем оправдываться, тем более перед младшим братом. Но за прошедший год между ней и Люком установились деловые и дружеские отношения, которые помогли сформировать уникальную связь. Поэтому от него Меррит была готова вытерпеть намного больше, чем от любого другого.

– Наверное, я бы предостерегла её от импульсивных поступков, – призналась она, – и предложила полагаться на советы любящих её людей.

– В таком случае я настоятельно советую тебе остаться в Лондоне, и пусть Рэнсом и дядя Себастьян решают, что делать с Макреем. Твои чувства к нему ненастоящие. Всё случилось слишком быстро.

Из-за усталости и напряжения у Меррит замедлилась реакция. Она почувствовала, как начинает закипать, но мрачно подавила в себе раздражение и сумела спокойно ответить.

– Возможно, ты прав, – сказала она. – Но когда-нибудь, Люк... ты встретишь ту самую. И всё изменится в мгновение ока. Станет неважно, имеет ли это смысл. Будет иметь значение лишь то, что незнакомка завладела каждым ударом твоего сердца.

Люк скривил рот.

– Боже, надеюсь, этого не случится. – Он тяжело вздохнул. – Я еду домой, передохну несколько часов. Завтра предстоит много работы.

На Меррит нахлынуло острое чувство вины за то, что приходилось оставлять брата управлять компанией в одиночку в самое неподходящее время.

– Мне жаль, что я бросаю тебя в разгар кризиса, – призналась она.

Люк посмотрел на неё, в его глазах невольно появился задорный огонёк.

– Не волнуйся, милая. Я справлюсь. А если нет, то мне нечего делать в компании.

После того как брат забрал шляпу и пальто и ушёл, Меррит вместе с Кингстоном отправились наверх.

Когда они поднимались по лестнице, герцог заметил:

– Ты хорошо справилась. Сомневаюсь, что Фиби смогла бы проявить такое же самообладание перед лицом критики младшего брата.

– Видишь ли, – печально проговорила Меррит, – Люк не ошибся. Я... я думаю, что действительно немного повредила рассудком.

Герцог издал тихий смешок.

– Я бы не стал беспокоиться. Если ты можешь признать это вслух, или, по крайней мере, допускаешь такую возможность, с тобой всё в порядке.

Они дошли до комнаты для гостей, и, постучав, Меррит осторожно открыла дверь. В тусклом свете маленькой лампы Кир лежал на боку с закрытыми глазами, а Гаррет стояла у кровати и тихо разговаривала с Итаном.

Увидев Меррит и Кингстона, Гаррет подошла к ним и присела в реверансе.

– Ваша светлость.

– Доктор Гибсон, – сказал герцог. – Рад вас видеть, как и всегда. – Его взгляд упал на тёмную фигуру на кровати. – В каком он состоянии?

Гаррет кратко описала травмы Кира и, нахмурившись, добавила:

– Я понимаю, что его необходимо перевезти, но я точно не стала бы это рекомендовать. Он испытывает сильную боль и нуждается в покое и тишине.

– Разве ты не можешь дать ему болеутоляющее? – спросила Меррит.

– Пока у него настолько затруднённое дыхание, нет. Морфий имеет тенденцию угнетать функцию лёгких.

Кингстон не сводил глаз с раненого.

– Буду признателен, доктор, если вы составите список того, что ему потребуется во время поездки в Сассекс. Вы, конечно, будете нас сопровождать.

Прежде чем ответить, Гаррет нахмурилась и на мгновение закусила нижнюю губу.

– Боюсь, мне придётся остаться. У меня запланированы операции, к тому же...

Итан подошёл к жене и добавил:

– У нас с женой есть договорённость, что всякий раз, когда один из нас отсутствует, другой остаётся дома с ребёнком. А я буду вести расследование далеко от Лондона.

– Если хотите, – предложила Гаррет герцогу, – могу порекомендовать коллегу, доктора Кента, который практикует недалеко от Херон-Пойнт. Он, как и я, работает согласно методам сэра Джозефа Листера и сможет оказать мистеру Макрею первоклассную помощь.

– Хорошо. Буду признателен, если вы свяжетесь с ним от нашего имени. Я хочу, чтобы он ждал в поместье, когда мы приедем.

– Пошлю ему телеграмму утром, ваша светлость.

С невозмутимым видом герцог бросил последний взгляд на спящего Кира. Но когда он повернулся, чтобы уйти, с него слетела маска самообладания, и на лице

отразилась невыносимая нежность. Меррит моргнула, но его выражение так быстро переменялось, что она заподозрила, будто ей померещилось.

Как только они вышли в коридор, герцог сказал:

– Тебе придётся взять с собой только самое необходимое. Мы пойдём за другим багажом через день-другой.

– Мне нужно послать записку семье, – сказала Меррит, пытаясь собраться с мыслями.

– Ты можешь написать письмо по дороге и отправить его из Херон-Пойнт. – Иронично скривив губы, он добавил: – Прошу тебя быть осмотрительней с формулировками. Несмотря на моё глубокое и неизменное расположение к твоим родителям, я бы предпочёл пока не сталкиваться с Марсденами.

– Как и я, – завершила его Меррит. – Папа станет задавать много вопросов, на которые у меня нет желания отвечать, а мама... Ну, ты знаешь, она деликатна, как мародёрствующий викинг.

Герцог тихо рассмеялся.

– Из чувства самосохранения я воздержусь от комментариев.

Эта короткая усмешка напомнила Меррит о Кире, и у неё чуть не остановилось сердце.

– Выражения его лица так похожи на твои, – порывисто проговорила она.

Кингстон понял, о чём она говорит без лишних объяснений.

– Правда? – спросил он, оглядываясь через плечо на гостевую комнату. Со слабой задумчивой улыбкой герцог вновь повернулся к Меррит и направился к лестнице.

Глава 15

Утром Гаррет решила, что состояние лёгких Кира улучшилось, и ему можно дать небольшую дозу морфия. Кир страдал от такой сильной головной боли, что не возразил против шприца и, казалось, даже его не заметил. К облегчению Меррит, от укола ему стало немного лучше, и он смог заснуть.

– Бедняга, – тихо проговорила Гаррет, прикладывая пакет со льдом к рёбрам своего пациента. – Его ждут несколько непростых дней. Ему придётся начинать вставать и двигаться, прежде чем он почувствует в себе силы, и, несмотря на травмированные рёбра, ему нужно будет делать дыхательную гимнастику, чтобы предотвратить развитие пневмонии.

– Если ты напишешь инструкции, – завершила её Меррит, – я за всем прослежу.

– Не сомневаюсь. – Гаррет улыбнулась. – Не пренебрегай собой, мой друг. Тебе нужно отдохнуть, если хочешь ему быть чем-то полезной.

В путешествие они отправились в личном вагоне герцога. Внутри он был богато обставлен и отделан в гербовых цветах семьи Шаллон: синем и кремовом. Меррит оставалась у постели Кира, присматривая за ним, пока он спал в одном из купе. Кингстон, тем временем, сидел в главном помещении вагона, изучая инструкции и историю болезни, которые Гаррет дала им с собой.

На полпути к Сассексу на пороге купе появился Кингстон.

– Могу я войти? – тихо спросил он.

Меррит подняла на него глаза, пытаясь скрыть усталость за улыбкой.

– Конечно.

Она выжала тряпку, которая отмокала в ледяной воде, и сложила её прямоугольником.

Герцог подошёл к кровати. Очень осторожно он наклонился и положил руку на лоб Кира.

– У него жар, – постановил Кингстон.

– Доктор Гибсон сказала, что рану на спине, вероятно, придётся промыть и дренировать.

Кингстон, нахмурившись, кивнул.

– Терпеть не могу лихорадку, – пробормотал он.

Меррит положила холодный компресс на сухой, горячий лоб Кира. Бессвязно что-то промычав, Кир повернулся к ней в поисках источника прохлады. Она пробормотала несколько успокаивающих слов и обтёрла другим влажным отрезом ткани его лицо и шею. Кир со стоном затих.

Глаза Кингстона с интересом сузились, когда он увидел тонкую стальную цепочку, которая покоилась в курчавых волосах на груди Кира.

– Что это?

– Подарок на память от его... от женщины, которая его родила. Он никогда его не снимает.

Кингстон подцепил цепочку длинными, изящными пальцами и осторожно потянул её вверх. Когда показался маленький золотой ключик, у герцога перехватило дыхание. Он взял его, чтобы рассмотреть поближе, и попытался снять цепочку через голову спящего Кира.

Меррит машинально потянулась к его руке.

– Стой.

– Я заберу цепочку на время, – резко бросил он. – И потом верну её ему в целости и сохранности.

– Дядя Себастьян...

– Даю слово.

– Нет.

Мягко говоря, герцог не привык получать отказ. Он замер, глядя на неё, выгнув бровь.

Меррит спокойно посмотрела на Кингстона в ответ, изо всех сил стараясь не показывать, как неловко ей говорить ему "нет". Но Кир считал ключик драгоценным, единственной связью с матерью, которую он не помнил, и Меррит не могла позволить, чтобы его у него забрали. Ни на день, ни на час, ни даже на минуту. Не тогда, когда он находился без сознания.

Она заставила себя не отводить взгляд от пронизательных светлых глаз герцога, как бы ей ни хотелось уступить.

– Для меня это вопрос личного характера, – холодно проговорил Кингстон.

– Я понимаю. Но до тех пор, пока сам Кир не даст согласие... Боюсь, тебе придётся подождать.

Очевидно герцогу не понравился ответ. И Меррит прекрасно знала, что он мог уничтожить её всего парой слов. Вместо этого Кингстон сказал:

– Я последний человек, от которого тебе нужно его защищать.

– В этом я не сомневаюсь, но... Киру очень дорог этот ключик. Ему бы не понравилось, если бы ты его забрал.

– Взял на время, – пробормотал Кингстон.

– Конечно, дядя. Но... ведь очень важно сразу задать вашему общению правильный тон? Какое значение имеют несколько дней в общем раскладе вещей? – проговорила Меррит мягким и вкрадчивым голосом.

Его губы сжались. Но, к её огромному облегчению, он отпустил ключик.

Ещё через сорок пять минут поезд прибыл в Херон-Пойнт, приморский городок, расположенный в самом солнечном регионе Англии. Даже сейчас, осенью, погода

была тёплой и ясной, а лёгкий бриз приносил целебный морской воздух. С одной стороны Херон-Пойнт ограждал высокий утёс, который вдавался далеко в море и помогал создавать в городке собственный уникальный климат. Идеальное место для пациентов на реабилитации и пожилых людей. Здесь присутствовало местное врачебное сообщество, множество клиник и лечебных ванн. Помимо этого на курорте располагались магазины, прогулочные набережные, театр. Отдыхающие могли найти для себя разнообразные развлечения, например, гольф или катание на лодках.

Марсдены часто приезжали сюда, погостить у Шаллонов, особенно летом. Дети плескались в уединённой песчаной бухте и сплавлялись на маленьких лодках у берега. В жаркие дни они отправлялись в городской магазинчик за мороженым и сладостями. По вечерам отдыхали и играли на задней веранде Шаллонов под музыку местной группы, которая доносилась из концертного павильона. Меррит была рада, что привезла Кира в хорошо знакомое ей место, где жило столько счастливых воспоминаний. Просторный и уютный особняк на берегу моря как нельзя лучше подходил для восстановления пациента.

Трое носильщиков пришли забрать багаж, а в вагон вошёл коренастый, элегантно одетый молодой человек с докторской сумкой в руке.

– Доброе утро, ваша светлость, – доброжелательно улыбнувшись, поздоровался мужчина. – Я доктор Кент. Хотя доктор Гибсон предложила мне встретиться с вами в поместье, я подумал, что мог бы сопровождать пациента прямо от станции. Карета скорой помощи со всеми необходимыми медикаментами ожидает с другой стороны здания. Если носильщики помогут перенести мистера Макрея на носилках...

– Мои лакеи в вашем распоряжении, – сказал Кингстон.

– Спасибо, сэр, – доктор Кент повернулся к Меррит. – А кто эта очаровательная леди?

– Я невеста мистера Макрея, – ответила Меррит, не дав герцогу заговорить первым, и безмятежно улыбнулась доктору, добавив: – Я отвечаю за уход за ним.

Кингстон не стал возражать, но в его взгляде безошибочно читалось предупреждение:

"Будь осторожна, девочка моя. Моему терпению есть предел".

Глава 16

От боли было никуда не деться, даже во сне. Болел каждый сустав, каждая косточка и клеточка тела. Такого с ним никогда не случалось, недуг лишал его контроля, превращая в ничтожное существо. Кроме тех моментов, когда она находилась рядом.

Она... Её имя не задерживалось в голове. Оно постоянно куда-то ускользало. Но Кир улавливал сладкий, как мёд, голос, ощущал её присутствие и руки, дарующие прохладу и успокоение его измученному телу.

Несмотря на всю мягкость, в ней чувствовался стальной стержень. Она была неумолима, когда приходило время принимать ненавистные ему лекарства. Она заставляла Кира через силу выпить глоток воды или бульона. Сопrotивляться ей не имело смысла. Эта женщина могла приковать его к земному миру, не позволяя расстаться с жизнью, одной лишь силой воли.

В самые трудные периоды, когда Кир сходил с ума от удушающего жара, а каждый вдох будто сопровождался ударом в грудь ножом, эта женщина обкладывала его льдом или обтирала прохладной тканью. Кира приводило в ужас и злило, что ей приходилось заботиться о его самых интимных нуждах, пока он беспомощно валялся

голый в постели, как маленький ребёнок. Но у него не было сил позаботиться о себе самому. Он нуждался в ней, в её нежности, и в твёрдости.

Она заверила его, что скоро ему станет лучше, рассказала, что он упал и получил травму лёгких, но они уже начали восстанавливаться. Лихорадку спровоцировала рана на спине, но и она заживёт.

Кир не был в этом так уверен. Место ранения на спине горело огнём и пульсировало. С каждым часом становилось только хуже, по телу словно растекался яд. Вскоре Кир уже не мог сделать даже глотка воды, и вместо того, чтобы переживать о грядущей смерти, он забеспокоился, что не умрёт. Он был не в состоянии сделать вдох, перестать корчиться от боли и тошноты. Кир с радостью принял бы любое избавление от мук.

Он почувствовал прикосновение ко лбу и приоткрыл глаза. Рядом с ним стоял высокий ослепительно красивый незнакомец с суровым лицом и серебристо-золотыми волосами. Он был похож на ангела. Не из тех, кто предлагает утешение, а из тех, кого посылают отбирать жизни. Наверняка, это ангел смерти, и как нельзя кстати. В нынешнем состоянии даже ад казался Киру лучшей альтернативой.

Но вместо того, чтобы сопроводить в загробный мир, мужчина прижал к его лбу свежий ледяной компресс. Корчась и задыхаясь в лихорадочном бреде, Кир почувствовал, как с него снимают одеяло и начинают приподнимать подол ночной рубахи. Вздёрнутый таким унижением, он попытался вслепую отбросить руки мужчины.

– Кир. Успокойся, мальчик, – проговорил склонившийся над ним незнакомец низким, убаюкивающим голосом, который мог заставить целое стадо диких кабанов свернуться калачиком, как котят. – Мы должны сбить температуру.

– Только не вы, – с трудом выдохнул Кир. – Хочу её.

– Леди Меррит прилегла отдохнуть, ей крайне необходимы несколько часов сна. Ты помнишь меня? Нет? Я Кингстон. Этот славный приятель рядом со мной – Калпеппер, мой камердинер вот уже двадцать пять лет. А теперь ложись на спину, будь молодцом.

Кир настороженно притих, в то время как странная парочка, великолепный златовласый мужчина и высохший старик, ловко маневрировали вокруг него. Они сняли с Кира ночную рубаху и накинули на его бёдра полотенце. Затем обтёрли руки и ноги холодной губкой, одели в свежую рубаху и сменили простыни, пока он так и оставался в постели. Когда Кингстон обхватил его и усадил, Кир начал сопротивляться.

– Успокойся, – сказал Кингстон, в его голосе послышались весёлые нотки. – Я придержу тебя в вертикальном положении, пока Калпеппер заправляет простыню.

За всю взрослую жизнь его никогда не держал другой мужчина. Кир мог бы заартачиться, но был слишком слаб, чтобы сидеть самостоятельно. К его бесконечному унижению, его голова упала на плечо мужчины.

– Всё в порядке, – сказал Кингстон, не выпуская его из сильных рук. – Обопрись на меня.

Надо отдать должное, мужчина был на удивление подтянут. Мышцы под тонкой хлопчатобумажной рубашкой и жилетом из мягкой шерсти казались гладкими и твёрдыми, словно камень. В его поведении сквозило такое спокойствие, что Кир невольно расслабился. Он попытался сосредоточиться, но мысли в голове путались и заходили в тупик. Ситуация была полностью лишена смысла.

От лихорадочного озноба у него застучали зубы.

– Зачем вы это делаете? – из последних сил спросил Кир.

Возможно, у него просто разыгралось воображение, но руки Кингстона слегка напряглись.

– У меня сыновья примерно твоего возраста. Если бы один из них заболел, находясь далеко от дома, я бы хотел, чтобы о нём тоже кто-нибудь позаботился.

По сути, это не было ответом.

– Сейчас я тебя опущу, – сказал Кингстон. – Не напрягайся, позволь я сам всё сделаю. – Он осторожно уложил Кира среди подушек и укрыл одеялом. Кингстон пощупал лоб Кира и тихо спросил: – Калпеппер, когда должен приехать доктор?

– Сегодня днём, ваша светлость, – ответил слуга.

– Я хочу, чтобы он прибыл в течение часа.

– Полагаю, он на обходе, сэр...

– Другие его пациенты могут подождать. Пошлите за ним лакея.

– Да, ваша светлость.

Через мгновение Кир почувствовал прикосновение холодного компресса ко лбу.

– Мне плевать на доктора, – пробормотал он. – Мне нужна она... Меррит. Я долго не протяну.

– Чепуха, – сказал Кингстон с такой спокойной уверенностью, что Кир почти ему поверил. – Я пережил лихорадку и похуже этой. Ты справишься.

Но в следующий раз, когда Кир с трудом очнулся от глубокого сна, он понял, что ему стало хуже. Лихорадка не отпускала, каждый хриплый вдох давался с трудом, никогда ещё Кир не чувствовал себя таким слабым. Со всех сторон его окружала одна лишь боль, от которой никуда не скрыться.

Рядом появилась женщина, её красивые тёмные глаза были полны беспокойства, бледное лицо напряжено. Кир выставил руку, пытаясь притянуть её к себе.

Она мягко утихомирила его, присела на матрас и погладила его по волосам прохладными руками. Она сказала, что пришёл доктор, он сменит повязку и очистит рану, поэтому Киру нужно лежать спокойно. Он почувствовал, что его осторожно поворачивают на живот, от чего грудь пронзила острая боль. Повязку сняли и начали беречь жгучую рану. Волна боли спровоцировала резкий спазм в животе и приступ тошноты, Кир жалобно зарычал.

Меррит придвинулась и положила его голову себе на колени.

– Ну вот, – утешала она, пока доктор продолжал копаться в ране. – Осталось совсем чуть-чуть. Держись за меня. Пусть врач сделает свою работу, и тогда тебе станет лучше. Почти всё... почти...

Кир стиснул зубы, ради неё он был готов вытерпеть всё. Дрожа от невыносимых мук, он сосредоточился на прикосновениях её мягких пальцев к своему затылку.

Кир почувствовал укол, жжение в правой ягодице, а затем все ощущения слились воедино. Конечности онемели, мысли поплыли. Когда женщина начала отодвигаться, он из последних сил обвил руками её бёдра, чтобы удержать на месте. Он бесцельно плыл в потоке мутных вод, брошенный на произвол судьбы, и только благодаря Меррит Кир не шёл на дно. К его облегчению, она осталась, нежно запуская пальцы в его волосы.

Опасаясь, что она уйдёт, когда он заснёт, Кир сказал, что ему необходимо её присутствие. Или, по крайней мере, именно это он хотел сделать. Слова и их значения смешивались между собой, как краска на мокрой бумаге. Но Меррит всё поняла и что-то нежно проворковала, словно ночная птичка. Кир плотнее к ней прижался и сдался на милость течения, которое уносило его куда-то в тёмные тихие дали.

Глава 17

– Отправляйся в постель, дитя, – раздался тихий голос Кингстона, когда герцог вошёл в комнату больного. – Я присмотрю за ним.

Меррит подняла на него затуманенный взгляд, она сидела у кровати, положив голову и руки на матрас. После визита доктора Кента Меррит не отходила от Кира весь день до поздней ночи.

– Который сейчас час? – хрипло спросила она.

– Три часа утра.

Она застонала и потёрла воспалённые, зудящие глаза.

– Я не могу его оставить. Настал переломный момент. Температура не опускалась ниже сорока градусов.

– Когда ты проверяла в последний раз?

– Думаю, час назад.

Кингстон подошёл к кровати и склонился над неподвижным Киrom. Свет от единственной лампы позолотил профили обоих мужчин. Их сходство явно бросалось в глаза, несмотря на густую бороду, скрывающую нижнюю половину лица Кира. У обоих были длинные, прямые носы, высокие скулы, линия роста волос на лбу образовывала едва заметный треугольник вершиной вниз. Даже рука с длинными пальцами и закруглёнными кончиками ногтей, которую Кингстон положил на лоб Кира... казалась знакомой.

С непроницаемым лицом герцог взял стеклянный термометр с ночного столика, ловко встряхнул его и сунул Киру подмышку. Кир даже не пошевелился.

Подняв один из мешков, в котором раньше был лёд, а теперь талая вода, Кингстон вылил её в таз. Герцог наполнил мешок свежим льдом из серебряного ведёрка с крышкой и вернул на место.

– Тётя Эви знает? – спросила Меррит, слишком уставшая, чтобы следить за языком.

– Что знает? – спросил Кингстон, выуживая часы из кармана жилета.

– Что у тебя есть внебрачный сын.

Герцог продолжал неотрывно смотреть на Кира. После напряжённого молчания он спокойно ответил:

– У меня нет секретов от жены.

– Вы с ней были женаты, когда... – Меррит замолчала, когда Кингстон бросил на неё испепеляющий взгляд. Его глаза сверкнули, как солнечный свет в отражении серебра.

– Боже милостивый, Меррит. Как ты могла подумать...

– Прости, – поспешно извинилась она. – Я только пыталась угадать его возраст.

– Ему тридцать три. Я бы никогда не предал Эви. – Кингстон сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, стараясь взять себя в руки. – Смею надеяться, что никогда не опущусь до такой банальщины. Прелюбодеяние – это всего лишь бегство от одной проблемы к другой. – Он открыл часы, наклонился и прижал два пальца к пульсу Кира на шее. – Зачем ему борода? – раздражённо спросил герцог. – Неужели так сложно побриться?

– А мне нравится, – вступилась Меррит.

– Мужчина должен знать разницу между "приличной" и "неприлично отросшей" бородой. – Герцог с полминуты смотрел на часы, затем решительно захлопнул крышку и, не торопясь, положил их обратно в карман. – Примерно год назад, – внезапно сказал он, – я получил письмо от Корделии, леди Ормонд. Давным-давно, ещё до того, как я встретил Эви, у меня был с ней роман.

– Ормонд, – повторила Меррит, уставившись на его напряжённый профиль. – Мне незнакома эта семья.

– Вполне логично. Насколько мне известно, лорда Ормонда не приглашали в Стоуни-Кросс-парк уже несколько десятилетий. Твой отец его терпеть не может.

– Почему?

– Ормонд самый омерзительный человек на свете. Я бы назвал его свиньёй, но не хочется обижать полезное животное. Корделия была совсем юной, когда они поженились. Её ослепило его бахвальство во время ухаживания, и только после свадьбы она узнала, за кого на самом деле вышла замуж. Несмотря на попытки произвести на свет наследника, спустя четыре года они так и оставались бездетными. Естественно, Ормонд винил во всём Корделию. По этой, и многим другим причинам, она была очень несчастной. – Лёгким, полным отвращения к себе тоном, которого она никогда раньше от него не слышала, Кингстон добавил: – А я как раз предпочитал несчастных жён.

Глядя на него со смесью беспокойства и восхищения, Меррит мягко надавила, желая услышать продолжение:

– Какой она была?

– Очаровательной и благовоспитанной. Она играла на арфе и бегло говорила по-французски. Ройстоны позаботились об образовании дочери. – Кингстон сделал паузу, его взгляд стал отстранённым. – Корделия жаждала внимания, которое я давал в обмен на её благосклонность.

Обеспокоенная горьким выражением, которое не покидало его лицо, Меррит заметила:

– Женатые люди частенько ходят налево, особенно в высшем свете. Это ведь она давала обеты, а не ты.

– Дитя моё. – Кингстон поднял голову и посмотрел на неё с кривой усмешкой. – Давай не будем уподобляться правоведам. Она не смогла бы нарушить их в одиночку.

Он наклонился к Киру, осторожно вынул термометр из-под мышки и критически его изучил.

– Хм. – Снова встряхнув градусник, он сунул тонкий стеклянный цилиндр под другую руку Кира. – Корделия написала мне письмо на смертном одре, – продолжил он, – в котором сообщила, что зачала ребёнка во время нашего романа много лет назад.

– Должно быть, для тебя это стало полной неожиданностью, – тихо проговорила Меррит.

– Как гром среди ясного неба. Мне пришлось перечитывать предложение пять раз. – Взгляд Кингстона стал отстранённым. – Корделия написала, что её муж отказался признать моего внебрачного отпрыска и запретил ей рассказывать мне о беременности. Он отправил её в специализированный госпиталь в Шотландии, чтобы там она тайно выносила ребёнка, а сам собирался решить, что делать дальше, уже после родов. Но Корделия опасалась за жизнь дитя и придумала свой собственный план. Она сказала Ормонду, что ребёнок родился мёртвым. Старшая медсестра родильного отделения устроила так, чтобы мальчика тайно вывезли и отдали на попечение достойной семьи.

– Неужели лорд Ормонд действительно причинил бы вред невинному младенцу?

– У него имелись две убедительные причины. Во-первых, Корделия была богатой наследницей. Её семья учредила трастовый фонд, который перешёл бы к мужу Корделии, если бы она умерла, не оставив после себя потомства. Но если бы

потомство появилось, то всё досталось бы ему. Ормонд никогда бы не допустил возможности, чтобы ребёнок стал наследником.

– Неужели фонд настолько велик, что может кого-то побудить совершить убийство?

– Я уверен, что Ормонд сделал бы это бесплатно, – сухо сказал герцог. – Но да, фонд включает в себя коммерческую и жилую недвижимость в Лондоне. Ежегодная арендная плата приносит целое состояние, а Ормонд отчаянно нуждается в доходах, чтобы поддерживать платёжеспособность своего поместья. – Кингстон сделал короткую паузу, а потом продолжил: – Вторая причина, по которой Ормонд хотел смерти ребёнка, заключается в том, что независимо от того, кто его зачал, Корделия была замужем за Ормондом во время рождения Кира. И поэтому...

– Боже мой, – прошептала Меррит. – Кир – его законный сын.

Кингстон кивнул.

– Даже если Ормонд снова женится и произведёт на свет сына, Кир всё равно останется его прямым наследником. Пока он жив, Ормонд не сможет передать титул и владения своему кровному отпрыску. Всё достанется Киру.

– Он откажется, – сказала Меррит. – О, ему это совсем не понравится, дядя.

– Ему необязательно знать об этих деталях до тех пор, пока он не будет готов их услышать.

– Он никогда не будет готов. – Тихо застонав, Меррит потёрла усталое лицо обеими руками. – Как Ормонд узнал, что Кир жив?

– Боюсь, в этом моя вина. – Рот Кингстона сжался в мрачную линию. – Корделия назначила меня исполнителем завещания и попросила защитить законное наследство Кира в случае, если он ещё жив. Единственным способом утвердить завещание, пока я искал Кира, было предоставить копию письма Корделии в канцлерский суд. С того момента мы с Ормондом сделали всё возможное, чтобы опередить друг друга в поисках. – С лёгким раздражением он добавил: – Я бы нашёл Кира несколько месяцев назад, если бы смог нанять тогда Итана Рэнсома, но он отказался, сославшись на какую-то борьбу с международным заговором.

– Насколько я понимаю, он спас Англию, – мягко заметила Меррит.

Герцог отмахнулся от замечания, как от назойливого комара.

– Против Англии всегда строят заговоры.

– Как оказалось, тебе не нужно было искать Кира. Он сам тебя нашёл.

Кингстон покачал головой со слабой, удивлённой улыбкой.

– Он пришёл в чёртов "Дженнерс", – проговорил герцог. – Я понял, кто он, как только его увидел. Кир похож на Шаллонов, даже с этой неряшливой крохоловкой, которая скрывала нижнюю половину его лица.

– Дядя, – мягко упрекнула она. Как можно так назвать красивую, аккуратно подстриженную бороду.

Герцог осторожно вынул термометр из-под мышки Кира и, прищурившись, посмотрел на показания, отведя его подальше от лица, чтобы чётче видеть цифры. Отложив градусник в сторону, он взглянул на Меррит.

– Моя дорогая, если ты не отдохнешь, как следует, то сама заболеешь.

– Я не могу, пока температура не спадёт и Кир не окажется вне опасности.

– Уже, – обыденным тоном сообщил Кингстон.

Меррит резко на него посмотрела.

– Что?

– Самое худшее уже позади. Температура упала до тридцати девяти градусов, и пульс в норме.

Она подлетела к Киру и пощупала его лоб, который стал прохладнее и покрылся испариной.

- Слава Богу! – сказала Меррит и облегчённо всхлипнула.
- Меррит, – ласково проговорил герцог, – ты превращаешься в плаксу. – Он вытащил из кармана пиджака носовой платок и нежно приподнял её подбородок указательным пальцем. – Отправляйся в постель, – сказал он, вытирая ей глаза, – иначе от тебя не будет никакой пользы.
- Хорошо, но сначала могу я спросить... Тётя Эви сильно расстроилась, когда ты рассказал ей о письме?
- Нет. Она сразу же начала беспокоиться о мальчике, да и обо мне тоже.
- Многие женщины в её положении сочли бы его... ну, обузой.
- Впервые за долгое время Кингстон по-настоящему улыбнулся.
- Ты же знаешь Эви. Он уже стал для неё родным человеком.

Глава 18

От глубокого сна Меррит пробудил звон фарфоровой чашки о блюде. Она потянулась и моргнула, обнаружив, что шторы раздвинуты и в спальню проникают косые лучи послеполуденного солнца. Её внимание привлекли яркие медно-рыжие волосы. Заметив за маленьким чайным столиком в углу женщину, Меррит села.

– Фиби!

Леди Фиби Рэвенел повернулась и подошла к ней с радостным смехом.

Они знали друг друга всю жизнь, росли вместе, делились секретами, радостями и печалью. Фиби была поразительно красивой женщиной, высокой и стройной, в отличие от низенькой коренастой Меррит. Как и Меррит, она овдовела несколько лет назад, хотя в случае Фиби потеря не стала для неё неожиданностью. Её первый муж, Генри, страдал от продолжительной изнуряющей болезни и скончался до рождения их второго сына. Затем в жизни подруги появился Уэст Рэвенел, и после стремительного ухаживания, напоминающего водоворот событий, они вскоре поженились.

– О, сколько лет, сколько зим! – воскликнула Меррит, когда они обнялись. – Я так скучала! В письмах всего не расскажешь.

– Особенно учитывая, как редко ты пишешь, – поддразнила Фиби и рассмеялась над выражением лица Меррит.

– Если бы ты знала, как усердно я работала! У меня не было времени ни на письма, ни на книги, ни на чай с подругами... ни на сон, ни на походы по магазинам... Я жила как средневековый крестьянин.

Фиби усмехнулась.

– Я собиралась приехать раньше, но в поместье творится настоящее безумие. Мы готовимся к уборке урожая, и я была занята дочкой...

– Где она? – нетерпеливо спросила Меррит. Ей ещё не довелось увидеть дочь Фиби, Иден, которая родилась шестью месяцами ранее. – Надеюсь, ты привезла её с собой.

– Пришлось, – иронично ответила Фиби, указывая на растянутый лиф своего платья на пуговицах спереди, который скрывал полную грудь кормящей матери. – Я ещё не отняла её от груди. Сейчас она с няней наверху. Я оставила мальчиков дома с Уэстом, но, возможно, они присоединятся к нам позже, в зависимости от продолжительности моего визита.

– Я так рада тебя видеть.

– Расскажи мне, что случилось, – сказала Фиби, подходя к маленькому столику. – А я налью чаю.

Меррит замялась, растерянно рассмеявшись.

- Слишком много всего. Не могу подобрать слов.
- Ты? У тебя никогда не бывает недостатка в словах.
- Я не знаю, с чего начать.

- Начни с чего угодно. Нет, начни рассказ с мужчины, которого ты сюда привезла. Согласно записке моего отца он – делец, пострадавший при пожаре на складе. О чём, кстати, я очень сожалею.

Меррит повернулась и сложила подушки у изголовья кровати.

- Ты уже видела отца?

- Нет, я только что приехала. У него встреча с парой поверенных из Лондона, и я сказала дворецкому, чтобы он им не мешал, а потом отправилась напрямиком в твою комнату. В любом случае я хотела поговорить именно с тобой.

Фиби принесла Меррит чашку чая и присела на краешек матраса.

- Ты определённо захочешь поговорить и с отцом тоже, дорогая.

- О чём?

- О мистере Макрее, раненом мужчине. – Меррит прервалась, чтобы сделать живительный глоток чая. – Он винокур из Шотландии. С маленького острова у западного побережья. Он обратился в мою компанию, чтобы доставить и разместить своё виски на таможенном складе. Но пока рабочие перевозили груз, одна бочка разбилась о крышу товарного хранилища и окатила Макрея спиртным. Он ворвался в мою контору в мокрой одежде, весь такой мускулистый и горячий. У меня глаза разбежались.

- Я думаю, ты точно знала, на что положить глаз, – сказала Фиби, её светло-серые глаза заискрились весельем. – Он красивый?

- Невероятно. Высокий и широкоплечий, с голубыми глазами и волосами цвета летней пшеницы. А его акцент...

- Неотразим?

- О, да. Есть в шотландской картавости что-то такое, что заставляет думать, будто мужчина собирается либо прочесть стихи, либо перекинуть тебя через плечо и унести прочь.

- А может быть, и то, и другое одновременно, – мечтательно проговорила Фиби, потягивая чай.

Меррит усмехнулась и продолжила рассказывать, ничего не утаивая. Какое невероятное облегчение – довериться подруге, которая всё поймёт. Но, когда речь зашла о ночи, которую Меррит провела с Киром, говорить стало сложнее.

- А потом... – сказала Меррит, старательно отводя взгляд, – я попросила его остаться на ночь. И провести её со мной. В моей спальне.

- Ну, ещё бы, – рассудительно заметила Фиби.

- Я не повергла тебя в шок?

- Вовсе нет. Ты долгое время ни с кем не делила постель и вдруг оказалась в компании сурового красивого холостяка с шотландским акцентом. Я бы удивилась, если бы ты не попросила его остаться. – Фиби сделала паузу. – Боже, я надеюсь, ты не думала, что мы с Уэстом вели себя целомудренно во время нашего ухаживания.

- Нет, но это другое. По крайней мере, ты уже знала Уэста, и ваши семьи были знакомы.

Фиби слегка прикусила нижнюю губу, обдумывая слова Меррит.

- Не так уж хорошо я его знала, – заметила она. – Но многое выяснила о нём за довольно короткий срок. Как ты знаешь, Уэста не назовёшь робким и застенчивым.

Меррит улыбнулась.

- Обожаю мужчин, которые любят поговорить. С молчаливыми совсем не весело.

Фиби выжидающе посмотрела на Меррит.

– Ну?

– Что ну?

– Расскажи мне о ночи, которую вы провели вместе. Как это было?

Меррит почувствовала, как лицо заливают стыдливый румянец. Как же описать те сокровенные часы наедине.

– Я бы не хотела сравнивать его с моим мужем, – нерешительно проговорила она.

– И не нужно. С ним просто по-другому, вот и всё.

– Да. – Меррит замялась. – Это было удивительно. Он был таким уверенным... искусным... но очень нежным. Я просто растворилась в нём, в том, что он делал и перестала вообще думать. Фиби... Как ты считаешь, возможно ли влюбиться всего за неделю?

– Откуда мне знать? – бросила Фиби, забрав у Меррит пустую чашку, чтобы вновь её наполнить.

– О, не уходи от ответа, выскажи своё мнение.

Фиби оглянулась через плечо, приподняв брови.

– Разве не ты всегда говорила, что чужие мнения утомительны?

– Да, когда могла себе это позволить. Но теперь я деловая женщина. – Губы Меррит сжались в угрюмую линию. – Раньше меня заботили цветы, украшения для званных вечеров и музыкальные квартеты. А теперь моя жизнь состоит из заказов на поставку, машинописной ленты и пыльной конторской мебели.

– Уверена, что не пыльной, дорогая. – Фиби принесла ей свежую чашку чая. – Так и быть, вот что я думаю: к человеку можно проникнуться сильными чувствами всего за неделю, но для глубокой, настоящей любви... этого мало. У вас не было периода ухаживания. Вы не провели достаточно времени вместе. Не разговаривали. Любовь приходит с разговорами.

– Чёрт возьми.

Признав правоту подруги, Меррит нахмурилась и отпила чай.

– Кроме того, интимная связь осложняет ситуацию. Раз занявшись любовью, станет невозможно разговаривать без вмешательства чувственных порывов.

– Что, если он ничего не помнит? – спросила Меррит.

Фиби бросила на неё озадаченный взгляд.

– Что?

– Если в лесу упало дерево, но никто этого не видел и не слышал, можно ли считать, что оно вообще упало?

– А это дерево перебрало со спиртным?

– Нет, получило сотрясение мозга. – Меррит рассказала Фиби о взрыве в доках, о том, как нашла раненого Кира без сознания, и о диагнозе доктора Гибсон. – Он не помнит, как минимум, события недельной давности, – закончила она, – и нет гарантии, что память к нему вернётся. Теперь после разговора с тобой я начинаю думать, что, возможно, это и к лучшему.

– Ты не собираешься рассказать ему о совместной ночи?

Она покачала головой.

– Это делу не поможет. Как раз наоборот: он может подумать, что я хочу заманить его в ловушку.

– Меррит, ты – завидная невеста. С твоей внешностью, богатством и связями найдётся бесчисленное множество мужчин, которые с удовольствием попались бы в любую расставленную тобой ловушку.

– Кир другой. Он, мягко говоря, не в восторге от города. Его не впечатляет роскошь или наружность. Он любит свою простую жизнь на острове и времяпрепровождение на природе.

– А ты не любишь природу, – сочувственно сказала Фиби.

– "Не люблю" – слишком громко сказано. У нас с природой взаимопонимание – мы стараемся не мешать друг другу. Мирно сосуществуем.

Фиби скептически посмотрела на Меррит.

– Дорогая, каким бы привлекательным ни был этот мужчина, я не могу представить тебя счастливой на отдалённом шотландском острове.

– Всё возможно, – возразила Меррит. – Я многогранная женщина.

– Вряд ли у тебя найдётся грань, которая склонна жить в хижине.

– Я не говорила, что он живёт в хижине!

– Спорю на пять фунтов, что там каменный пол и нет водопровода.

– Я не делаю ставок, – высокомерно заявила Меррит.

– Это лишь доказывает мою правоту.

Но Меррит не успела ответить. Раздался приглушённый крик, за которым последовала пара глухих ударов, как будто в стену что-то швырнули. Звуки доносились со стороны комнаты Кира. Мгновенно переполошившись, она отставила чашку с блюдцем и вскочила с кровати.

– Во имя всего святого, что это? – спросила Фиби.

– Думаю, это мистер Макрей, – встревожено ответила Меррит.

Глава 19

Надев халат и тапочки, Меррит бросилась по коридору к комнате Кира, а Фиби понеслась за ней. Подбежав к спальне, они увидели Кингстона, который приближался с другой стороны.

– Отец! – воскликнула Фиби.

– Здравствуй, дорогая, – любезно поприветствовал дочь герцог. – Я не знал, что ты приехала.

– Я не хотела прерывать твою встречу с поверенными.

– Мы только что закончили. – Кингстон потянулся к двери. – Что, чёрт возьми, происходит?

– Понятия не имею. – Меррит поспешила в комнату.

Кир сидел в постели и проклинал на чём свет стоит Калпеппера, пожилого камердинера герцога.

– Не смей больше ко мне подходить, проклятый старый пердун!

Сердце Меррит сжалось от волнения, когда она услышала свистящее дыхание Кира.

– В чём дело? – спросила она, быстро подходя к кровати.

– Меня освежевали, как зайца для тушения! – гневно воскликнул Кир, поворачиваясь к ней.

Меррит остолбенела при виде его чисто выбритого лица.

Боже милостивый. Он был невероятно красив. Под окладистой густой бородой скрывалось мужественное красивое лицо падшего ангела. Его черты были резкими, но элегантно утончёнными: высокие скулы, полные соблазнительные губы. Меррит с трудом могла поверить, что переспала с этим ослепительным созданием.

– Мне сбрили бороду, пока я другал, – возмущённо сказал ей Кир, хватая Меррит за юбку, чтобы притянуть поближе к себе.

– Ты должен простить моего камердинера, – мягко проговорил герцог с невинным видом. – Я поручил ему немного освежить и привести тебя в порядок. Похоже, он предположил, что я имел в виду и бритвё. Не так ли, Калпеппер?

– Всё верно, ваша светлость, – покорно ответил старик.

– Калпеппер склонен к импульсивным поступкам, – продолжил Кингстон. – Ему нужно научиться сдерживать свои порывы.

Кир покраснел от возмущения.

– Он же не дерзкий малец, ему сто лет в обед!

– Можешь идти, – сказал герцог камердинеру.

– Да, ваша светлость.

Меррит сосредоточила всё своё внимание на Кире.

– Постарайся расслабиться и глубоко дышать, – склоняясь над ним, настоятельно проговорила она. – Пожалуйста. Посмотри на меня. – Глядя ему в глаза, она медленно вдохнула, показывая, как нужно дышать. Его пристальный взгляд встретился с её, и он последовал примеру Меррит. К счастью, свистящая одышка стала проходить. Осмелев, она протянула руку и откинула густую прядь волос, упавшую ему на лоб. – Я очень сожалею по поводу бороды. Уверена, она скоро снова отрастёт.

– Дело в принципе, – проворчал он. – Я был не в себе и не знал, что происходит.

Меррит сочувственно цокнула языком, её рука на мгновение переместилась на его гладковыбритую щёку.

– Не стоило так поступать с тобой, не спросив разрешения. Если бы я была здесь, то не допустила бы этого. – Почувствовав, как он слегка прильнул к её ладони, Меррит затрепетала.

– В любом случае, – небрежно заметил Кингстон, – нельзя не отметить явное улучшение.

Меррит обернулась и бросила на него грозный взгляд через плечо, призывая больше не раздражать Кира.

– Борода была очень милой, – сказала она.

Герцог выгнул бровь.

– Она походила на какую-то пакость, которую мне пришлось отобрать у собаки на прошлой неделе.

– Дядя Себастьян! – сердито воскликнула Меррит.

Однако внимание Кира было приковано не к Кингстону, а к застывшей женской фигуре у двери.

– Кто это? – спросил он.

Меррит проследила за его взглядом и посмотрела на Фиби, чьё лицо ровным счётом ничего не выражало. Наверняка, для неё стало настоящим потрясением столкнуться с мужчиной, который, как две капли воды, походил на её отца в молодости.

– Дорогая, – извиняющимся тоном обратилась она к Фиби, – тот мой рассказ... был ещё не окончен.

– Думаю, отец должен мне кое-что объяснить, – медленно проговорила подруга, пристально глядя на герцога.

– Объясню, – сказал Кингстон, ободряюще улыбнувшись дочери. – Пойдём со мной. – Он вывел её из комнаты, бросив напоследок: – Оставим Меррит с её женихом.

– Что? – раздался озадаченный голос Фиби перед тем, как дверь закрылась.

В наступившей тишине Меррит заставила себя встретиться с недоумённым, осуждающим взглядом Кира.

– С женихом? – повторил он. – Почему он меня так назвал?

Жалея, что не может задушить Кингстона, Меррит неловко объяснила:

– Видишь ли... Мне пришлось пойти на небольшую уловку.

Несмотря на своё ослабленное состояние, Кир одним уверенным рывком притянул её к себе. Когда Меррит села рядом, его ладонь скользнула ей под руку, чтобы удержать на месте.

– Я не знаю, что это значит, – сказал Кир, – но "уловка" напоминает изящный синоним лжи.

– Так и есть, – робко призналась она. – И я очень сожалею по этому поводу. Но, только сказав, что мы помолвлены, я смогла приехать сюда, чтобы заботиться о тебе.

Кир откинулся на подушки, бросив на неё угрюмый взгляд.

– Почему?

– Ради соблюдения приличий, так как мы оба...

– Нет, я имел в виду, почему ты захотела поехать?

– Я... я полагаю, что чувствовала себя ответственной за случившееся, ведь тебя ранило на складе моей компании.

– Никто не поверит, что я сделал тебе предложение. Глупая идея.

– Ты находишь меня настолько непривлекательной? – оскорблённо спросила Меррит.

Кира, казалось, поразил вопрос.

– Нет, конечно, нет. Ты... – Он замолчал, уставившись на Меррит как загнипнотизированный. Его ладонь под её рукой скользнула чуть ниже, и Кир неосознанно начал поглаживать большим пальцем её грудь. – Ты прекрасна, как дикая роза, – рассеянно проговорил он. Меррит поёжилась от нежного эротического прикосновения, кончик груди затвердел. Внезапно осознав, что делает, Кир отдернул руку. – Но я бы никогда не женился на женщине настолько выше меня по положению.

Сердце Меррит так сильно забилося, что ей стало трудно говорить.

– Мы все сделаны из одного теста, – сказала она. – Так говорит мой отец. Он женился на американке. Моя прабабушка, кстати, была прачкой.

Кир пренебрежительно покачал головой.

– Ты высокородная леди с хорошими манерами.

Меррит нахмурилась.

– Ты так говоришь, будто я какая-то избалованная девчонка, которая едва может оторвать чашку чая от блюдца. Мне пришлось много работать. Я управляю судоходной компанией, очень крупной...

– Да, я знаю...

– И я долгое время управляю людьми, чьё воспитание гораздо хуже твоего. Я могу быть тверда, как камень, когда того требует ситуация. Что касается помолвки... Я возьму на себя вину за её расторжение. Скажу, что передумала.

Кир раздражённо потянулся к подбородку, чтобы погладить бороду и тихо выругался, вспомнив, что его лицо теперь гладко выбрито.

– Мне нужно заняться делами, – пробормотал он. – Мои люди начнут волноваться, когда я не вернусь в срок. Они знают, что произошло?

– Не уверена. Возможно, они направили запрос в контору компании. Спрошу у брата.

– Я уеду завтра, – решительно заявил он, – или послезавтра.

– Но тебе нельзя! – воскликнула Меррит. – Лёгким потребуется, по крайней мере, ещё неделя на восстановление. У меня есть список дыхательных упражнений. Ещё у тебя перелом или сильный ушиб рёбер. По словам врача...

– Я смогу восстановиться дома не хуже, чем здесь. – Кир сделал паузу. – Кстати, где я?

– Мы в поместье герцога в Сассексе. В приморском курортном городке под названием Херон-Пойнт.

При упоминании герцога Кир устремил задумчивый взгляд в окно и глубоко вздохнул.

– Я похож на него, – в конце концов, мрачно проговорил он.

– Очень даже, – мягко ответила Меррит.

– Неужели он думает, что я... – Кир не смог закончить предложение.

– Он почти в этом уверен. Герцог нанял следователя, который искал доказательства.

– Меня не волнует, какие доказательства он найдёт. У меня был отец. Лахлана Макрея никто не заменит.

– Конечно, нет, – согласилась она. – Он был тебе настоящим отцом. – Меррит рассеянно улыбнулась, вспомнив одну из историй, которую он рассказал ей о своих родителях. – Как кто-то может заменить человека, который допоздна зашивал манжету твоей воскресной рубашки?

Кир рассказал ей за ужином, что мать сшила ему в детстве рубашку из синего сукна для походов в церковь и других торжественных случаев. Но Кир ослушался и надел её в субботу, когда отправился подметать и чистить мастерскую медника за шиллинг. Он пытался привлечь внимание дочери хозяина и надеялся, что новая рубашка этому поспособствует. К сожалению, манжета зацепилась за гвоздь во время уборки и практически полностью оторвалась. Опасаясь порицания матери, Кир признался во всём отцу. И Лахлан пришёл на помощь, потому что умел шить.

– Не переживай, сынок, – успокоил его Лахлан. – Я засижусь немного позже обычного, заштопаю манжету, и ты сможешь завтра надеть рубашку в церковь, а мама ничего не узнает.

Блестящий план, но только на следующее утро, когда Кир одевался в церковь, он обнаружил, что Лахлан случайно наглухо зашил рукав и в него невозможно просунуть руку. Пристыженным заговорщикам, отцу и сыну, пришлось во всём сознаться Элспет. Но она не смогла долго сердиться и вскоре уже безудержно хихикала, когда увидела результат их стараний. Элспет так долго смеялась и даже рассказала об этом случае подругам. История надолго стала предметом шуток среди женщин. Но Кир с Лахланом оба признали, что радость Элспет стоила их глупого поведения.

– Откуда ты об этом знаешь? – спросил Кир, сузив глаза.

– Ты рассказал мне во время ужина в Лондоне.

– Мы ужинали вместе?

– Ты пришёл ко мне в гости. Мы ужинали наедине.

Казалось, Кир не знал, как реагировать на её заявление.

– Мы обменивались историями о наших семьях, – продолжила Меррит. – После того, как ты рассказал мне о манжете рубашки, я поведала тебе о том, как пролила чернила на карту в кабинете моего отца.

Он озадаченно покачал головой.

– У нас была редкая карта Британских островов двухсотлетней давности, – объяснила Меррит. – Я зашла в кабинет отца, чтобы поиграть с набором чернилниц, чего мне делать не разрешали. Но эти маленькие стеклянные бутылочки с гравировкой выглядели так заманчиво, а в одной из них были чернила самого яркого оттенка изумрудно-зелёного. Я обмакнула в неё ручку и случайно капнула на карту, которая лежала на письменном столе. Появилось ужасное пятно прямо посреди Германского океана. Я стояла над ней и плакала от стыда, когда вошёл папа и увидел, что произошло.

– Что он сделал? – спросил Кир, заинтересовавшись историей.

– Сначала он ничего не сказал. Я уверена, что внутри него шла настоящая борьба. Но затем его плечи расслабились, и он задумчиво проговорил: "Меррит, сдаётся мне, что если ты пририсуешь к кляксе несколько ног, то получится самое настоящее морское чудовище". И я добавила к ней маленькие щупальца и клыки и нарисовала поблизости трехмачтовый корабль. – Она замолчала, заметив, что на губах Кира сверкнула улыбка, которая никогда не переставала вызывать у Меррит лёгкое головокружение. – Папа вставил карту в рамку и повесил на стену над своим столом. По сей день он утверждает, что это его любимое произведение искусства.

Уголок его рта приподнялся в улыбке.

– Хороший отец, – констатировал Кир.

– Хороший! Оба моих родителя – прекрасные люди. Я хотела бы... Не думаю, что у тебя появится шанс с ними познакомиться.

– Нет.

– Кир, – нерешительно продолжила она, – Я не в том положении, чтобы говорить за герцога, но хорошо его зная... Я уверена, что у него и в мыслях нет заменить твоего отца или что-то у тебя отнять.

Ответа не последовало.

– Что касается его прошлого, – не сдавалась Меррит, – я не знаю, что ты успел о нём услышать. Но было бы справедливо сначала тебе самому поговорить с герцогом, прежде чем выносить суждения... Ты так не думаешь?

Кир покачал головой.

– Пустая трата времени. Я принял решение.

Меррит одарила его укоризненной улыбкой.

– Упрямец, – мягко упрекнула она и забрала у него пустой стакан. – Тебе следует немного отдохнуть. Я подыщу для тебя подходящие вещи и вернусь позже, чтобы помочь одеться.

Он снова нахмурился.

– Мне не нужна помощь.

К счастью, годы работы в суровых условиях южных лондонских доков научили Меррит терпению.

– Ты серьёзно пострадал, – спокойно заметила она, – и восстанавливаешься после сложной травмы. Если не хочешь упасть и причинить себе ещё больший вред, тебе следует принять помощь.

– Не от тебя. Пусть это будет кто-нибудь другой.

Его слова задели Меррит, но она заставила себя этого не показывать.

– Тогда от кого же?

Кир тяжело вздохнул и пробормотал:

– От старого пердуна.

– Калпепера? – озадаченно переспросила Меррит. – Но ты был так на него зол. Почему ты предпочитаешь его помощь моей?

– Это неприлично.

– Дорогой мой, поезд ушёл. Я уже видела тебя всего целиком.

Кир густо покраснел.

– Ни одному мужчине не захочется, чтобы женщина видела его в чём мать родила, пока он болеет и не моется несколько дней.

– Но ты мылся. Во всяком случае, соприкасался с водой. Я постоянно протирала тебя холодной губкой с тех пор, как мы приехали. – Криво улыбнувшись, она подошла к порогу и остановилась, положив ладонь на дверную ручку. – Я позже пришлю Калпепера, если таково твоё желание.

– Да. – Кир сделал паузу, прежде чем пробормотать: – Спасибо, миледи.

– Меррит.

– Меррит, – повторил он... и бросил на неё пристальный взгляд, от которого у Меррит ёкнуло сердце.

Почему он так на неё смотрит? Неужели что-то вспомнил? Она вцепилась в дверную ручку из полированной латуни так сильно, что ладонь начала пульсировать.

– Красивое имя, – наконец отстранённо проговорил он и перевёл взгляд на одно из окон, молча дав понять, что разговор окончен.

Глава 20

Кир проснулся на следующее утро как раз в тот момент, когда из комнаты тихо вышла горничная с деревянным ведёрком. В камине потрескивал слабый огонь, прогоняя ночной холод. Из других частей дома доносились разнообразные звуки. Слуги приступали к повседневным делам: приглушённо переговариваясь между собой, они открывали ставни и подметали ковры. Тихо позвякивал фарфор или стекло. Когда Кир уловил слабый запах какой-то жареной солонатовой пищи, возможно, бекона, и аромат свежего хлеба, его ноздри дёрнулись, а рот наполнился слюной.

"Скоро завтрак", – подумал он, к нему вернулся его обычный аппетит.

Кир осторожно встал с кровати и заковылял к умывальнику. Левая сторона грудной клетки сильно болела, как будто по ней прошёлся плуг. Голова раскалывалась, а в ушах то и дело звенело. Но больше всего его беспокоили лёгкие, они напоминали лопнувшие кузнечные мехи. Кир едва мог вздохнуть и издавал при этом свистящие звуки.

Через несколько минут он подошёл к окну. Утро выдалось морозным, стёкла по бокам покрылись инеем и узорами. Дом был расположен на возвышенности над личной бухтой Шаллонов, безмятежные голубые воды окаймлял бледный полумесяц песчаного пляжа с дюнами, покрытыми травой. Далеко за пределами поместья в мире дымовых труб и железнодорожных станций кипела бурная жизнь, но здесь, во владениях Кингстона, время будто замедлялось. В этом мире...

Пахло определённо беконом.

В этом мире люди могли позволить себе роскошь читать, думать и обсуждать возвышенные темы.

Нужно вернуться домой на Айлей, вдохнуть полной грудью прохладный морской бриз и отоспаться в доме, где он вырос. Пусть Кир пока не в состоянии готовить себе еду, у него было множество друзей и...

Солёный хрустящий бекон. Боже, Кир умирал с голоду.

Множество друзей и соседей с радостью позовут его к себе за стол. Кир вернётся туда, где ему самое место, к своим соплеменникам, туда, где всё знакомо. Конечно, особняк герцога не самое плохое место для восстановления после болезни. Но клетка оставалась клеткой, пусть даже и позолоченной.

В дверь постучали.

– Войдите, – сказал Кир.

В комнате появилась горничная с подносом на маленьких ножках.

– Вы позавтракаете в постели, сэръ?

– Да, спасибо. – Вдруг поняв, что стоит перед ней в одной ночной рубашке, Кир бросился обратно к кровати. Но, когда попытался слишком быстро на неё забраться, резко втянул носом воздух.

Горничная, темноволосая приятная девушка, поставила поднос на стол.

– Попробуйте перекатиться на постель, не сгибая спины, – со знанием дела предложила она. – Брат однажды сломал ребро, возвращаясь с попойки в таверне. Упал с лестницы. После этого, если он забывался и резко поворачивался, говорил, что боль пронзала такая, словно сатана пырнул его пылающими вилами.

– Точно подмечено, – криво усмехнулся Кир. Следуя её совету, он наполовину присел, наполовину перекатился на матрас, стараясь не сместить торс, и натянул одеяло. Когда горничная принесла поднос и осторожно поставила его Киру на колени, рот наполнился слюной в предвкушении.

Еда была красиво сервирована на бело-голубой фарфоровой посуде и кружевной салфетке. На подносе даже присутствовала крошечная хрустальная вазочка с одной жёлтой хризантемой. Но искусная подача не компенсировала скудности завтрака. Киру принесли лишь маленькую порцию заварного крема, немного фруктов и ломтик сухого поджаренного хлеба.

– А где бекон? – в замешательстве спросил Кир.

Горничная встревожилась.

– Бекон?

Может быть, его совсем немного? Вдруг бекон – это особое блюдо?

– Остался ли ещё бекон на завтрак? – осторожно спросил Кир.

– Остался, но... Леди Меррит составила для вас специальное меню, и в нём бекон не значится.

– Мужчина не может пойти на поправку без мяса, – в ярости сказал он.

– Если хотите, сэр, я спрошу разрешения у леди Меррит.

Разрешения?

– Я съем бекон, и будь я проклят, – возмутился Кир.

Бросив лишь взгляд на его лицо, горничная убежала.

Через несколько минут в дверь снова постучали, и в комнату просунула голову леди Меррит.

– Доброе утро, – весело проговорила она. – Можно войти?

Скрестив руки на груди, Кир лишь буркнул в знак согласия.

Невозможно хмуриться, глядя на то, как хороша она в ярко-голубом платье с белыми оборками на лифе и рукавах. От её улыбки словно исходило настоящее тепло, будто Кир вышел из тени на солнечный свет. Когда Меррит подошла ближе, его окутал лёгкий цветочный аромат, как вуаль из крошечных лепестков. Её гладкая кожа слегка поблескивала, словно нежный шёлк. Интересно, она такая повсюду? Его плоть тут же пробудилась к жизни.

– Что-то не так с завтраком? – сочувственно спросила она, глядя на его нетронутую тарелку.

– Это не завтрак, – бросил он. – Ни мяса, ни яиц, ни каши? Это какой-то перекус.

– Доктор Кент рекомендовал в течение следующих нескольких дней только простую еду. Он сказал, что твоему организму будет сложно переварить жирную пищу.

Кир фыркнул.

– Возможно, английскому организму и будет. Но мне нужен добротный шотландский завтрак.

Её тёмные глаза блеснули.

– Из чего он состоит?

Опустив руки, он откинулся на подушки и вздохнул с ностальгией.

– Бекон, котлеты, ветчина, яичница, фасоль, картофель, булочки... а на сладкое, например, клёцки.

Брови Меррит взлетели вверх.

– И всё это умещается на одной тарелке?

– В центре нужно соорудить гору из мяса, – объяснил он, – а гарнир разложить вокруг.

– Понятно. – Меррит задумчиво посмотрела на Кира. – Если уверен, что справишься, я полагаю, ты можешь съесть пару полосок бекона.

– Я хочу полную порцию, – возразил он.

– Три полоски, и это моё последнее слово. – Не дав ему возразить, она добавила: – Я даже добавлю яйцо "в мешочек".

– Что значит "в мешочек"?

– Яйцо, которое варили всего пару минут в маленькой чашечке.

– Пойдёт.

– Чудесно. После завтрака камердинер герцога принесёт тебе одежду, и если ты чувствуешь себя в состоянии, мы можем сделать несколько кругов по верхнему этажу дома. А позже приступим к дыхательным упражнениям.

– А герцог и леди Фиби? – спросил Кир. – Чем они займутся?

– Они собираются пообедать с друзьями и пройтись по местным магазинам. – Леди Меррит сделала паузу. Её взгляд обволакивал Кира, словно бархат. – Я сказала им, что хочу провести день с тобой вдвоём, – продолжила она. – Есть одна щекотливая тема, и я подумала, что лучше тебе услышать новости от меня.

Кир нахмурился.

– Если ты собираешься рассказать мне, что всё виски уничтожено, я и так догадался.

Целое состояние, буквально растворилось в воздухе. Столь необходимая выручка, вся пропала. Потратив пять лет на выплату долгов винокурни, Кир снова оказался в бедственном положении.

– Тебе станет легче, если я скажу, что убытки покрыла складская страховка? – мягко спросила леди Меррит.

– А налоги, которые нужно уплатить?

– Если правительство не освободит тебя от налоговых обязательств, страховая компания заплатит и их. Юридический отдел "Стерлинг Энтерпрайзис" твёрдо уверен, что налоги подпадают под страховку. Они могут решить подать в суд, но мы почти наверняка выиграем.

Кир медленно кивнул, обдумывая её слова.

– Даже если мне придётся заплатить налоги, – сказал он, – я не разорюсь, раз остальные расходы будут покрыты.

– Хорошо. Если у тебя возникнут трудности в финансовом плане, уверена, что смогу найти способ помочь.

Кир напрягся. Независимо от того, насколько благими были её намерения, его корбило принимать помощь от богатой женщины.

– Мне не нужны твои деньги.

Леди Меррит удивлённо моргнула.

– Я не имела в виду, что собираюсь вручить тебе мешок денег. Я деловая женщина, а не фея-крёстная.

Внезапный резкий тон, пусть и вежливый, задел Кира.

Её внутренний свет потух. Кир тут же пожалел о сказанном, и его первой реакцией было извиниться.

Но он сдержался. Лучше не сближаться с ней.

Возглавив винокурню после смерти отца, Кир первым делом решил установить новое оборудование и разработать технику безопасности. В здании, где изготавливали виски, присутствовало слишком много опасных элементов: пыль, пары алкоголя, жар и искры от статического электричества или трения. Чтобы

предотвратить катастрофу, нужно было во что бы то ни стало не позволять им контактировать между собой и контролировать процесс.

Инстинкт самосохранения диктовал ему поступить так же и в этой ситуации: установить дистанцию между ним и леди Меррит... прежде чем развернется настоящий ад.

Глава 21

– Ты дышишь грудью, – позже в тот же день сказала Меррит, глядя на Кира, который лежал на длинном низком диване.

– Да, – сухо ответил он. – Именно там у меня находятся лёгкие.

Меррит стояла над Киром с медицинской книгой в одной руке и секундомером в другой. Он чувствовал себя невероятно глупо, уже не говоря о том, что его расстраивал результат. Дыхательные упражнения, которые в теории были простыми, неожиданно оказались сложными, главным образом потому, что Меррит хотела от Кира невозможного.

Они находились в семейной гостиной наверху, просторной комнате, которую разделяли на отдельные зоны мебель и пальмы в горшках. Две пары французских дверей вели на балкон, тянувшийся почти по всей длине дома.

Ранее Калпеппер принёс Киру одежду, которая принадлежала двум взрослым сыновьям герцога, лорду Сент-Винсенту и мистеру Шаллону. Таких изысканных вещей он никогда не носил. Не вычурных, но отменно скроенных. С помощью камердинера Кир выбрал рубашку из египетского хлопка с перламутровыми пуговицами и жилет на шёлковой подкладке, чей подол был идеально подшит и не загибался вверх, а также брюки свободного кроя, которые не сковывали движений.

– Ты должен дышать животом, – сказала Меррит, сверяясь с "Руководством по лечению грудной клетки и внутренних органов", которое предоставил доктор Кент.

– Живот нужно наполнять едой, а не воздухом, – категорично заявил Кир.

– Это специальная техника под названием "диафрагмальное дыхание".

– У меня есть своя техника. Называется "вдох-выдох".

Она отложила книгу в сторону и повертела в руках секундомер.

– Давай попробуем ещё раз. Вдыхай в течение четырёх секунд и медленно выдыхай в течение восьми. Когда выдыхаешь, контролируй поток воздуха, поджимая губы. Вот так. – Она округлила пухлые губы, и это зрелище повергло Кира в ступор. В его голове пронеслись образы нежных бутонов розы, ягод вишни и сладкого смородинового вина. Он представил, как её рот касается его кожи, скользит вниз, приоткрывается, а сладкий язычок пробует на вкус...

– Твоя очередь, – быстро сказала Меррит. – Притворись, будто ты из-за чего-то дуешься и подожди губы.

– Я никогда не дуюсь, – сообщил он ей. – Я же мужчина.

– Что ты делаешь, когда злишься, но не можешь пожаловаться?

– Я опрокидываю стопку виски.

Меррит усмехнулась.

– Как удивительно. Тогда представь, что задуваешь свечу. – Она подняла секундомер, держа большой палец над кнопкой свержу. – Готов?

– Я бы лучше сел.

– Согласно руководству в положении лёжа проще сосредоточиться на расширении и сокращении живота, одновременно увеличивая функциональную активность грудной клетки. – Последовал решительный щелчок часов. – Начинай.

Кир послушно вдохнул и выдохнул по её счёту.

Щёлк. Меррит оглядела его, как инструктор по строевой подготовке, задавшийся целью обучить неопытного новобранца.

– Рёбра двигались.

– Ничего подобного! – запротестовал он.

Проигнорировав его слова, она снова нажала на кнопку на часах.

– Ещё раз.

Кир повиновался. Он сделал глубокий вдох и медленный выдох.

Щёлк. Стоя над ним, леди Меррит покачала головой.

– Ты даже не пытаешься.

– Я пытаюсь, маленькая задира, – раздражённо пробормотал Кир.

Она тут же изменилась в лице и широко распахнула глаза.

Кира поразило ощущение того, что он уже переживал подобный момент в прошлом, как будто он провалился в люк между настоящим и прошлым.

– Я уже называл тебя так раньше, – хрипло проговорил он.

– Да, – слегка задыхаясь, подтвердила Меррит. – Ты больше ничего не вспомнил?

– Нет, только то, что говорил эти слова тебе раньше и...

Сердце глухо забилося в груди, его удары отдавались по всему телу и сосредотачивались в паху. Кир не на шутку встревожился, когда понял, что начинает возбуждаться, его плоть дёрнулась несколько раз и напряглась. Невнятно выругавшись, он сел. Рёбра пронзила острая боль.

– В чём дело? – обеспокоенно спросила Меррит. – Осторожнее, ты причинишь себе вред... позволь мне...

Одну руку она положила ему на плечо, другую на спину. От нежного, но решительного прикосновения её ладоней, его затопило вождеделение. В голове Кира словно открылся новый шлюз, и на мгновение он представил их с Меррит вдвоём в постели, ощутил её дыхание у своего уха, пульсирующую шелковистую женскую плоть, которая сжимала его член, пока он проникал в её глубины, чувствуя ответный трепет...

– Не прикасайся ко мне, – чересчур грубо бросил он.

Меррит отдёрнула руки.

Кир наклонился вперёд, оперевшись руками о бёдра. Она стояла слишком близко, её нежный аромат лишь сильнее его распял. У него закружилась голова, он стал задыхаться от недостатка кислорода. Кир мрачно сосредоточился на боли в рёбрах, чтобы подавить вспышку вождеделения.

Нет... он никогда с ней не спал. Она бы ему не позволила, и, видит бог, он бы не стал даже пытаться.

Стараясь обуздать неуправляемое желание, Кир услышал пронзительные вопли, которые становились всё более настойчивыми. Детский плач. Подняв голову, он посмотрел на дверной проём, в котором стояла леди Фиби Рэвенел с егозливым младенцем на руках.

"Чёрт меня подери", – мрачно подумал Кир.

После завтрака они с Меррит имели долгий непростой разговор, полный откровений о давнем романе герцога с Корделией, леди Ормонд, и его последствиях, одним из которых, скорее всего, стал сам Кир. А это означало, что рыжеволосая женщина на пороге вполне могла быть его сводной сестрой, а вопящий бесёнок – племянницей.

Родители Кира были уже немолодыми, поэтому он не рассчитывал, что у него может появиться брат или сестра. Шумная компания друзей заменила ему братьев, а мужчины на винокурне считались членами семьи. Странно думать о том, что у него есть сестра. Кира потряс тот факт, что впервые в жизни перед ним стоял человек...

женщина, с которой его, возможно, связывали кровные узы. И не просто женщина, а леди благородных кровей. О чём им говорить, ведь между ними нет ничего общего?

Но, чем дольше он смотрел на леди Фиби, тем сильнее она напоминала ему обычную молодую мать с Айлея, которая не высыпается и не всегда понимает, чего хочет её ребёнок. Она обладала каким-то живым внутренним сиянием, "кэнти", как выразился бы шотландец, обозначая этим словом танцующее пламя свечи.

– Прошу прощения, – извинилась Фиби с забавной гримасой, пытаюсь уговорить беспокойного младенца. – Я подумала, что мы могли бы нанести вам краткий визит, но у дочки, похоже, другие планы. Возможно, мы заглянем к вам попозже.

"Она нервничает, – подумал Кир. – Точно так же, как и я".

Его взгляд переместился на несчастную извивающуюся среди вороха белых оборок малышку, её пухлые ножки в чулках крутились, как паруса ветряной мельницы. Одной маленькой белой пинетки не хватало. При виде большого розового банта на голове девочки, который был повязан на пучке морковно-рыжих волос в безуспешной попытке их укротить, Кир не смог сдержать улыбки.

– Не торопитесь уходить, – сказал он и поднялся на ноги.

Желая помочь, Меррит поспешила к Фиби и малышке.

– Она голодна?

Фиби расстроено покачала головой.

– Нет, я недавно её кормила. Иногда у неё случаются приступы дурного настроения, и с ними ничего нельзя поделать. – И с печальным видом добавила: – По-видимому, я была такой же.

– Дай мне её, – предложила Меррит. – Мы прогуляемся взад и вперёд по коридору, пока вы с мистером Макреем побеседуете.

– Думаю, будет лучше, если я отнесу её в детскую. – Фиби бросила на Кира полный сожаления взгляд, когда он присоединился к ним. – Прошу прощения, мистер Макрей. Ребёнок не в духе, и я не могу...

– Как её зовут? – спросил он.

– Иден.

К удивлению обеих женщин, Кир потянулся к ребёнку. Фиби замешкалась, но потом передала ему младенца.

Кир поудобнее устроил малышку на своём широком плече и принялся размеренно похлопывать её по крошечной спинке.

– Бедная малютка, – пробормотал он. – Ну, ну... Не терзайся... слёз не лей... Сложи крылья, птичка, и прижмись ко мне поскорей...

У Меррит отвисла челюсть, пока она наблюдала за тем, как большой, суровый шотландец бродит по комнате с ребёнком на руках. Меррит и Фиби обменялись удивлёнными взглядами, когда Иден перестала плакать и засопела.

У Меррит побежали мурашки по шее: Кир тихо напевал ребёнку песенку на шотландском. От его низкого ласкового баритона и ненавязчивой мелодии её косточки превратились в желе. Чудо, что она не растеклась лужицей на полу.

Ребёнок затих.

– Боже мой, Меррит, – прошептала Фиби с удивлённой улыбкой. – Он просто чудо.

– Да.

Меррит чуть не стало дурно от пронзившей её тоски.

Именно в эту минуту она наконец смирилась с тем, что им не суждено быть вместе. Последняя глупая надежда, которую она ещё лелеяла, рассеялась, как облако дыма. Даже если они каким-то образом преодолели бы все остальные препятствия...

Кир захочет иметь семью. Увидев его с ребёнком, Меррит это чётко осознала. Он захочет иметь собственных детей, а их она ему дать не могла. И даже если бы он согласился пойти на такую жертву, Меррит бы ему не позволила. Этот мужчина заслуживал идеальной жизни.

Особенно после всего, что у него отняли.

Когда Кир направился обратно к ним, Меррит постаралась скрыть все признаки своего отчаяния, хотя оно всё равно угрожало выплеснуться наружу.

– Спасибо, – горячо поблагодарила его Фиби при виде дремлющей дочери у Кира на плече.

– Иногда просто требуется пара новых рук, – сухо ответил Кир.

– Где вы этому научились? – спросила Фиби.

– У меня есть друзья с детьми. – Кир сделал паузу, и на его лице появилось немного смущённое выражение. – Полагаю, у меня дар усыплять малышей. В этом нет никакой магии. Стоит лишь немного похлопать, попеть и походить.

– Что ты пел? – спросила Меррит. – Колыбельную?

– Старинную островную песню о шелки. – Поняв, что это слово ни о чём им не сказало, он объяснил: – Шелки – это мифологическое существо, которое выглядит как тюлень в воде, но принимает человеческую форму на суше. В песне шелки ухаживает за девушкой, которая рождает ему сына. Семь лет спустя он возвращается, чтобы забрать ребёнка. – Кир помедлил, прежде чем рассеянно добавить: – Но перед тем как уйти, он говорит матери, что даст мальчику золотую цепочку, которую тот станет носить на шее, по ней она сможет узнать сына, если они когда-нибудь встретятся вновь.

– И они встретились? – спросила Меррит.

Кир покачал головой.

– Однажды ей приносят золотую цепочку, и она понимает, что сын мёртв. Застрелен... – Увидев, что Меррит вот-вот заплачет, он замолчал. – Ох! – тихо воскликнул Кир. – Нет... не надо...

– Как грустно, – проговорила она дрожащим голосом, проклиная себя за эмоциональность.

Кир тихо усмехнулся и подошёл ближе.

– Тогда лучше не рассказывать тебе конец. – Он обхватил ладонью её лицо и вытер большим пальцем слезинку. – Это всего лишь песня, милая. У тебя отзывчивое сердце. – Голубые глаза Кира сверкнули. – Предупреждаю, если не прекратишь плакать, мне придётся перекинуть тебя через плечо и похлопывать по спине, пока ты не уснёшь.

Меррит лишилась дара речи, неужели Кир искренне считал, что она воспримет его слова как угрозу.

Фиби издала тихий смешок, подруга точно знала, о чём подумала Меррит.

– Давайте присядем у камина и поболтаем, – весело предложила Фиби, – а я пошлю за чаем. Мне хочется узнать больше о вашем острове, мистер Макрей, и о том, каково было там расти.

Глава 22

На четвёртый день после того, как оправился от лихорадки, Кир почувствовал себя вполне сносно, чтобы вместе с Меррит спуститься в бухту. От дома шла живописная дорожка чуть ниже уровня земли, она вела к тропинке, которая выходила на раскинувшийся под голубым небом мелкопесчаный пляж. По левую сторону берег становился каменистым, а затем переходил в белый меловой утёс.

Пляж выглядел ухоженным: песок будто просеяли и промыли, а края приливных водоёмов обтесали. Даже трава на дюнах росла аккуратно, словно по ней провели гигантским гребнем.

Хотя для Кира родной остров не шёл ни в какое сравнение с любым другим местом на земле, ему пришлось признать, что бухта обладала своей уникальной магией. Воздух был тёплым, светило ласковое солнце, а дымка придавала окружающему пейзажу сверкающий вид. Опустившись на корточки, Кир провёл ладонью по мелкому золотистому песку, который сильно отличался от белого и крупного песка на пляжах Айлея.

Меррит вопросительно на него посмотрела, он отряхнул руки и криво улыбнулся.

– Молчит, – объяснил Кир. – На берегу возле моего дома он поёт.

– Песок поёт? – озадаченно переспросила Меррит.

– Да. Если его пошевелить рукой или ногой, или на него подует ветер, песок издаёт звуки. Некоторые считают, что они больше похоже на писк или свист.

– Почему он издаёт звуки?

– Песок кварцевый, и все песчинки одинакового размера. Ученые наверняка могут объяснить его феномен. Но я предпочитаю считать это настоящей магией.

– Ты веришь в магию?

Кир встал и улыбнулся Меррит.

– Нет, но мне нравятся чудеса жизни. Призрачный огонёк, который сияет на мачте корабля в шторм, или птичий инстинкт, который каждый год приводит стаю к месту зимовки. Я люблю такие вещи, потому что не понимаю их.

– Чудеса, – повторила Меррит, смакуя слово.

Они неспешно прогуливались вдоль берега, мимо них сновали кулики и что-то клевали в приливной волне. Кира переполняли лёгкость и ощущение праздника, которых он не знал с детства. За всю свою взрослую жизнь он никогда так долго не бездельничал. Но ощущение благополучия дарила ему исключительно женщина рядом с ним.

Разговор с Меррит напоминал один из тех уютных и роскошных пиджаков на шёлковой подкладке, позаимствованный у Шаллонов. Она была очень умна, зрила в корень и читала между строк. Проявляла участие к переживаниям и герцога, и молодого помощника садовника. Благодаря её природному очарованию люди в компании Меррит чувствовали себя остроумнее, привлекательнее и интереснее. Кир делал всё возможное, чтобы устоять перед её чарами.

Но она кружила ему голову, и его неуклонно к ней тянуло.

Он обожал её красивые словечки: "уклончивость", "блистательный". Обожал непринуждённые улыбки, надушенные запястья и шею... Она была похожа на прекрасный подарок, который умолял его развернуть. От одной её близости в жилах закипала кровь. Прошлой ночью стоило ему лишь представить Меррит обнажённой и несколько раз коснуться своего мужского органа рукой, как Кира накрыла умопомрачительная разрядка, пронизывающая до мозга костей. О чём он тут же пожалел, когда рёбра мгновенно пронзила такая острая боль, будто по ним ударили кувалдой. И всё же сегодня Кир жаждал Меррит сильнее, чем вчера.

Чтобы защитить себя, он пытался отгородиться от Меррит. Кир изо всех сил старался не поощрять откровенных разговоров. Он вёл себя дружелюбно, но подчёркнуто вежливо, окружая своё сердце стальной бронёй в надежде, что этого будет достаточно, чтобы его сберечь. А если нет... то на других женщинах придётся поставить крест.

Нужно поскорее уехать, иначе станет слишком поздно. Если уже не стало.

День Кир провёл с Фиби в семейной гостиной. Она играла с дочерью на одеяле, расстеленном на полу, а он занимал удобное кресло рядом. Ему сразу же понравилась Фиби, она была дружелюбной, прямолинейной и остроумной женщиной. Вместе с мужем управляла поместьем в Эссексе и могла с такой лёгкостью обсуждать сельское хозяйство и земледелие, что Кир почти забывал о её происхождении.

– Я подумала, что, возможно, ты захочешь полистать, – сказала Фиби, пододвинув увесистую книгу в кожаном переплёте на низком столике перед Киrom.

– Что это? Альбом для вырезок?

– Альбом с фотографиями моей семьи. – Она осеклась: – Нашей семьи.

Кир покачал головой, отказываясь прикасаться к альбому.

– Не вижу в этом необходимости.

Фиби вскинула брови.

– Неужели тебе ни капельки не любопытно узнать о своих родственниках? У тебя нет никаких вопросов? Ты даже не хочешь на них взглянуть?

– Возможно, мы и не родственники. У нас нет неопровержимых доказательств.

– Чепуха. – Фиби бросила на него сардонический взгляд. – Наличие веских косвенных доказательств отвечает правовым стандартам доказывания, и в твоём случае их более чем достаточно, чтобы отбросить все разумные сомнения. – Она сделала паузу, а потом мягко добавила: – И ты бы уже сам обо всём знал, если бы просто поговорил с отцом.

Кир нахмурился и принялся поигрывать с бахромой из бисера на абажуре лампы, стоявшей на столе рядом с его креслом. С Кингстоном он общался мало и только в общей компании, и слава богу! Кир пока не был готов к неприятному и неизбежному разговору.

К счастью, герцог не настаивал на нём, вероятно, потому, что и так был чертовски занят. Каждое утро он штудировал гору отчётов и корреспонденции, надиктовывал сообщения личному секретарю и посылал лакея отправлять письма и телеграммы. Во второй половине дня Кингстон проводил встречи с арендаторами, торговцами или управляющими, а иногда принимал гостей из Лондона или других мест.

Однако в конце дня он откладывал все дела, и наступало время для отдыха. Все собирались за обеденным столом, уставленным серебром и хрусталём и освещённым множеством свечей. Лакеи в белых перчатках приносили изумительные блюда: сочные, приготовленные на гриле красно-белые креветки, пандлы, как называли их местные жители, овощной суп-пюре, приправленный нежными кусочками омара из Чичестера, форель из Эмберли прямо со сковороды, украшенную поджаренными ломтиками миндаля. На ужин подавали бесконечное разнообразие свежих овощей и мелко нашинкованных салатов, хлеб с только что взбитым маслом и тарелки с местными сырами и тепличными фруктами на десерт. Кир никогда в жизни так хорошо не ел.

Он тут же позабыл о своём диетическом меню. Кир демонстративно щедро наполнил свою тарелку и его взгляд метнулся к Меррит в ожидании возражений, но она лишь усмехнулась, позволяя ему поступать по-своему. Как же она ему нравилась. В определённых вопросах Меррит могла вести себя как маленькая задира, но никогда не превращалась в сварливую каргу.

– Ты собираешься поговорить с отцом? – настойчиво спросила Фиби, возвращая его мысли в настоящее.

– Он не предлагал, – пробормотал Кир.

– Он ждёт, когда ты это сделаешь.

– Я не знаю, чего он хочет. У него предостаточно сыновей. Мне нечего ему дать, да и от него ничего не нужно.

– Неужели это обязательно должна быть какая-то сделка? Разве ты не можешь принять ваши отношения и просто наслаждаться ими?

– О, да, – саркастически ответил он, – буду наслаждаться ими как охмурённая форель.

– Охмурённая?

– Это такой метод ловли форели в ручье возле валуна или крутого берега. Опускаешь голую руку в воду под форель. Через некоторое время начинаешь щекотать ей живот и подбородок кончиками пальцев. Когда завоюешь её доверие, и она ослабит бдительность, засовываешь пальцы в жабры и вытаскиваешь рыбу. И вот она уже шкварчит на горячей сковороде с маслом и солью.

Фиби рассмеялась.

– Отец... – начала она, но замолчала. – В некотором роде это похоже на него. Но ты не попадёшь на сковороду. Семья для него – всё. В детстве он потерял мать и четырёх сестёр из-за скарлатины, а потом его отправили в школу-интернат. Он рос очень одиноким. Поэтому отец свернёт горы ради любимых.

Она положила альбом Киру на колени и стала наблюдать за тем, как он послушно его листает.

Взгляд Кира упал на фотографию Шаллонов, отдыхающих на пляже. На ней присутствовала юная Фиби, она устроилась на коленях стройной, смеющейся матери с вьющимися волосами. Рядом сидели двое светловолосых мальчиков и держали в руках маленькие лопатки, а между ними находились развалины замка из песка. Прямо на вершине сидел ухмыляющийся светловолосый малыш, который только что его раздавил. Все они были одеты в одинаковые купальные костюмы, как команда маленьких моряков.

Присев на подлокотник кресла, Фиби переворачивала страницы с фотографиями своих братьев и сестёр, запечатлённых в разных возрастах. Габриэль был ответственным старшим сыном, Рафаэль – беззаботным и непокорным, младшая сестра Серафина – милой и мечтательной. Появление на свет самого маленького члена семьи, рыжеволосого мальчика Айво, стало для герцогини в то время полной неожиданностью, ведь она считала, что её детородный возраст уже прошёл.

Фиби остановилась на фотографии с изображением герцога и герцогини, сидящих вместе. Надпись внизу гласила: “Лорд и леди Сент-Винсент”.

– Её сделали до того, как отец унаследовал герцогство, – объяснила она.

Кингстон, в то время ещё лорд Сент-Винсент, сидел, положив руку на спинку дивана, повернувшись лицом к жене. Она была красивой женщиной с милой россыпью веснушек на лице и улыбкой, такой же беззащитной, как пульс на обнажённом запястье.

Кир перевёл взгляд на красивое лицо Фиби с чёткими классическими чертами, которые она явно унаследовала от отца.

– Ты больше похожа на него, чем на неё, – сказал он.

– Больше всех на него похож ты, – мягко ответила она. – Такое сходство не может быть простым совпадением. Ты же не станешь это отрицать.

Кир тихо застонал.

– Я не похож ни на него, ни на кого-то из вас. Наши миры слишком отличаются друг от друга.

Губы Фиби скривились.

– Можно подумать, что ты вырос на пиратском корабле или на другой планете, а не в Шотландии. Это всего лишь в нескольких широтах к северу отсюда. – Она сделала паузу. – Я даже не уверена, что формально тебя можно считать шотландцем.

Кир бросил на неё бессмысленный взгляд.

– Единственные кельтские предки со стороны Шаллонов – валлийцы, – объяснила она. – Я проследила родословную семьи твоей матери, согласно Справочнику пэров Дебрета ни в Ройстонах, ни в Пласкитах не течёт шотландская кровь.

– Я не шотландец? – потрясённо спросил он.

– Я изучила только два предыдущих поколения, – поспешно добавила Фиби, увидев выражение его лица.

Кир уронил голову на руки.

– Что-то с лёгкими? – Теперь в её голосе звучало беспокойство. – У тебя одышка.

Он покачал головой, дыша сквозь пальцы.

– Я подробно изучу твоё генеалогическое древо, – твёрдо заявила Фиби. – И отыщу шотландского предка. Не сомневаюсь, что ты такой же шотландец, как... как лепрекон в килте, скачущий на единороге по полю чертополоха.

– Лепреканы – ирландцы, – подняв глаза, мрачно заявил Кир.

И вновь уронил голову.

Глава 23

К концу второй недели в Херон-Пойнт Киру не терпелось вернуться домой. Он устал отдыхать, устал от умиротворяющих пейзажей, роскошных покоев и бесконечной сексуальной неудовлетворённости. Ему хотелось, чтобы в лицо ударил порыв холодного морского ветра, хотелось почувствовать запах торфяного дыма, услышать знакомый говор, увидеть скалистые холмы, задевающие верхушками облака. Кир скучал по винокурне, по работе, по друзьям. Скучал по себе прежнему, по человеку, который точно знал, кто он и чего хочет. Теперь же его одолевала неуверенность, он разрывался между родственными чувствами, и его терзало желание к женщине, которой он никогда не сможет обладать.

Вчера доктор Кент во время очередного объезда констатировал, что Кир выздоравливает на удивление хорошо. Рана на спине почти затянулась, объём лёгких вернулся к норме, а рёбра, по словам врача, должны полностью зажить в течение шести-восьми недель.

Но прежде, чем Кир успел сообщить Шаллонам о своём намерении уехать, его опередила Фиби.

– Мне пора возвращаться в Эссекс, – объявила она однажды утром за завтраком. Фиби взглянула сначала на Меррит, затем на Кира, и её губы тронула печальная улыбка. – Мне было приятно всех вас навестить. Жаль, что нужно уезжать, но меня уже заждались дома.

Услышав объявление дочери, Кингстон замер с газетой в руках и хмурым выражением на лице.

– Твоя мама возвращается из Парижа через несколько дней. Может быть, останешься до тех пор?

– Я скучаю по мужу и сыновьям.

– Скажи им, чтобы приезжали сюда.

Фиби подпёрла рукой подбородок и улыбнулась отцу.

– А кто будет управлять поместьем? Нет, я уезжаю сегодня днём трёхчасовым экспрессом в Лондон, а оттуда в Эссекс на пятичасовом. Я уже велела горничной начинать паковать вещи.

– Я поеду с тобой до Лондона, если не возражаешь, – внезапно проговорил Кир. В столовой повисла тишина.

– Я остановлюсь там на ночь и отправлюсь в Глазго следующим утром, – добавил Кир, поняв, что все взгляды устремлены на него. Он стиснул зубы, молча бросая вызов любому, кто посмеет возразить.

– Возможно, у тебя совсем вылетело из головы, – едко заметил Кингстон, – но злоумышленник, благодаря которому тебя чуть не раскидало по докам Южного Лондона, как рыбные потроха, всё ещё не найден.

– Никто не знает, что я выжил в пожаре на складе, – отметил Кир. – Теперь они не будут меня преследовать.

– А ты не думал, – спросил Кингстон, – что, вернувшись на Айлей и возобновив работу винокурни, ты выдашь себя?

Кир нахмурился.

– Я не могу торчать здесь месяцами, носить шёлковые брюки и есть из дорогой посуды, пока моя жизнь разваливается на куски. У меня есть обязанности: дело, которым нужно управлять, люди, которым нужно платить. Собака, которую я оставил на попечение друга. Я не спрашиваю вашего разрешения.

– Дядя, – с непроницаемым лицом вмешалась Меррит, – мы вряд ли можем винить его за то, что ему не хочется оставаться заложником обстоятельств.

– Не можем, – согласился Кингстон, откинувшись на спинку стула и бросив холодный взгляд на Кира. – Но боюсь, что тебе придётся набраться терпения и остаться здесь ещё на некоторое время. На следующий же день после того, как ты появишься на своей винокурне живым и здоровым, объявится новый убийца и попытается тебя прикончить.

– Пусть только попробует, – парировал Кир. – Я в состоянии постоять за себя.

Герцог насмешливо выгнул бровь.

– Впечатляет. Всего несколько дней назад мы радовались тому, что ты смог пить через соломинку. А теперь, очевидно, ты поправился окончательно и сможешь пережить драку в переулке.

Кир мгновенно ожесточился.

– Я умею защищаться.

– Это не имеет значения, – ответил Кингстон. – Как только мышцы на руках устанут, то локти выгнутся, и нападающий найдёт лазейку.

– Вам-то откуда знать о драках? Даже несмотря на мои сломанные рёбра, вы бы не смогли меня одолеть.

Герцог посмотрел на него взглядом опытного льва, которому бросил вызов дерзкий детёныш.

Он спокойно взял со стола маленькую перочницу и высыпал горсть молотого чёрного перца Киру в тарелку.

Кир озадаченно опустил глаза, над тарелкой поднялось серое облачко. В носу защипало, и он чихнул. Грудную клетку тут же пронзила жгучая боль. Он отвернулся от тарелки и согнулся пополам.

– Чёрт бы вас побрал! – с трудом выдохнул Кир.

Вскочив, Меррит бросилась к нему и осторожно положила руку на спину Кира, пока он пытался прийти в себя.

– Принести обезболивающее? – спросила она голосом, полным беспокойства.

Кир покачал головой. Схватившись за край стола для опоры, он выпрямился и бросил на Кингстона злобный взгляд.

Наглядно продемонстрировав свою мысль, герцог беспардонно посмотрел на Кира и отодвинулся от стола.

– Пойдём со мной.

– Зачем? – опасно спросил Кир.

– Выйдем прогуляться. – Кир ничего не ответил, Кингстон нетерпеливо скривил рот. – Это такой древний способ передвижения: поочерёдно поднимаешь и опускаешь ноги, наклоняясь вперёд. – Его взгляд скользнул по повседневной одежде Кира, по свободному шерстяному пиджаку и брюкам из плотной ткани. – Тебе придётся сменить кожаные ботинки на парусиновые. Встретимся в задней части дома, у двери, ведущей к утопленной дорожке.

Мерзавец хотел прогуляться к бухте.

Хотя Кира так и подмывало послать герцога к чёрту, он придержал язык, провожая его взглядом. Прижав руку к больным рёбрам, он поднялся и посмотрел на Меррит, которая так и стояла рядом. Он сожалел о столь порывистом прощании, должно быть, для неё оно прозвучало, как гром среди ясного неба.

Но в её спокойных тёмных глазах не было ни намёка на обвинение или огорчение. Она демонстрировала железное самообладание.

"Королевское достоинство", – с восхищением подумал Кир.

– Я больше не могу здесь оставаться, – проговорил он.

– Понимаю. Но я беспокоюсь о твоей безопасности.

– В родных пенатах я буду в безопасности, – заверил Кир. – Друзья меня прикроют, а сторожевой пёс даст знать, если незнакомец приблизится хоть на милю к моей земле.

– Уоллес, – сказала Меррит, порядком изумив Кира.

Он удивлённо моргнул.

– Да, это его кличка. Я рассказывал тебе о нём?

– За ужином. Уоллес любит нападать на метлу, когда ты подметаешь. И может отыскать монетку на кукурузном поле.

От раздражения не осталась и следа. Кир посмотрел на Меррит, и на его лице расплылась улыбка.

– Бедняжка, – хрипло проговорил он. – Должно быть, я утомил тебя своей болтовнёй тем вечером.

Меррит слабо улыбнулась. Её пухлые изящные губы напоминали лепестки орхидеи.

– Я тоже внесла свою лепту в разговор.

– Жаль, я ничего не помню.

Она рассмеялась приятным, хотя и резким смехом.

– А я этому рада.

Не дав Киру спросить, что она имела в виду, Меррит уговорила его уйти переобуться для прогулки в бухту.

Она вернулась за стол и села рядом с Фиби, которая молча взяла её за руку, словно бросив спасательный круг.

Меррит первая нарушила молчание.

– Ты сейчас скажешь, что ещё слишком рано для серьёзных чувств, – хрипло проговорила она, – и после того, как мы проведём с ним некоторое время врозь, моя точка зрения изменится, и я перестану страдать. Я встречу кого-нибудь ещё.

Фиби кивнула, ласково глядя на неё с беспокойством.

– Конечно, это правильные слова. – Меррит сжала руку подруги, а потом отпустила и попыталась выдавить улыбку. – Но даже через десять лет, Фиби, я всё равно скажу, что я его любила. С самого начала.

Встретив Кингстона в задней части дома, Кир с радостью обнаружил, что к ним присоединится домашний любимец Аякс. Шумный чёрно-рыжеватый ретривер помог снять напряжение, пока они шли по узкой утопленной в земле дороге, которая когда-то была древней конно-тележной тропой. По обе стороны над ними возвышались стройные деревья, искусно образуя полог над головой.

– Ты упомянул, что у тебя есть собака. Какой породы? – небрежно спросил Кингстон.

– Вислоухий скайтерьер. Прекрасный охотник на кроликов.

Аякс обогнал их и выбежал на пляж. Прилив превратил мелководье в бело-коричневую пену. Чем дальше вглубь, тем темнее становилась вода: от синезелёного оттенка до иссиня-чёрного там, где на горизонте медленно проплывали очертания парохода. В песчаном тростнике и вьюнке на дюнах шелестел холодный утренний бриз.

С радостным лаем Аякс бросился в погоню за кормящимися на берегу птицами. Кингстон покачал головой и улыбнулся, наблюдая за весело резвящимся ретривером.

– Безмозглое создание, – с нежностью проговорил он и направился к крашеному сараю возле дюн. Достав кое-какие припасы, герцог жестом пригласил Кира следовать за ним к яме в песке, окружённой большими камнями.

Поняв, что Кингстон намеревается развести костёр, Кир спросил:

– Собрать прибитые к берегу сучки?

– Парочку для растопки. Я предпочитаю берёзовые дрова, с другой стороны сарая есть поленница.

Они сложили костёр за несколько минут, начав с сухой травы и морских водорослей, потом добавили сучки, собранные на пляже, и в конце подкинули стопку берёзовых дров. Кир часто жёг костры с друзьями на острове, знакомое занятие помогло ослабить напряжение в шее и спине. Он чиркнул спичкой, удовлетворённо наблюдая за тем, как сначала огнём занялась трава, а после синевато-фиолетовым пламенем вспыхнули сучки.

Кингстон не торопился заводить разговор. Он снял ботинки и носки, закатал штанины до лодыжек и уселся на одном из шерстяных одеял, которые принёс из сарая. Кир последовал его примеру, устроившись на своём одеяле, и протянув босые ноги к жаркому пламени. Через несколько минут к герцогу подбежал мокрый перепачканный в песке Аякс, держа в пасти что-то похожее на круглый камень.

– Господи, что это? – горестно спросил Кингстон, протягивая руку.

Ретривер осторожно положил ему на ладонь предмет, которым оказался рассерженный рак-отшельник, надёжно спрятавшийся в своём панцире. Через мгновение рак решил исследовать новую местность, и из раковины показалась пара крошечных ножек и глаза на стебельках.

Губы герцога тронула слабая улыбка. Он ловко поднялся на ноги и направился к ближайшей приливной заводи. Кингстон осторожно посадил рака на край поближе к расщелине в скале, куда он мог легко нырнуть в укрытие.

Вернувшись к костру, герцог иронично проговорил:

– Стоять, Аякс. Достаточно изводить местную фауну.

Ретривер плюхнулся рядом и положил голову Кингстону на бедро. Герцог погладил собаку по голове и принялся рассеянно поигрывать висячими ушами.

Кир наблюдал за ним с возрастающим интересом, он думал, что Кингстон отбросит несчастного рака в сторону, возможно, швырнёт в море. Любой из друзей Кира не задумываясь кинул бы его чайкам, которые искали пропитание. Но герцог проявил внимание к ничтожной зверушке, взял на себя труд отнести её в безопасное

место. Какая совершенно неожиданная черта характера. Уважение к хрупким и уязвимым существам.

Теперь Кир не знал, что и думать. С одной стороны, Кингстон был аристократом с невероятным богатством и положением в обществе, печально известный своим развратным прошлым, а с другой – преданным отцом и верным мужем. Неужели в человеке может уживаться две такие разные личности? А теперь Кир стал свидетелем ещё одной: небрежно развалившись у костра, перед ним предстал обычный человек, чьи ноги были в песке, а рядом сидела любимая собака.

Размышления Кира прервал лакей, который вышел на пляж с небольшим сундуком из полированного дерева.

Герцог забрал ящичек.

– Спасибо, Джеймс.

– Ваша светлость, мне...

– Нет, я сам, – любезно ответил герцог.

– Как вам будет угодно, ваша светлость. – Лакей изящно поклонился и пошёл обратно к утопленной дорожке в ботинках полных песка.

Кингстон открыл замок сундучка и вытащил маленький графин с виски, вопросительно приподняв брови.

– Слишком рано?

Кир улыбнулся, подумав, что утро становится всё лучше и лучше.

– Не для шотландца.

Он в предвкушении проследил за тем как Кингстон разливает виски по хрустальным бокалам.

Кир одобрительно оценил янтарный цвет напитка. Ощувив в руке приятную тяжесть бокала, он покрутил жидкость, наклонил голову и вдохнул аромат.

У Кира перехватило дыхание, а пальцы вцепились в бокал. Он с удивлением отметил, что приятный запах напитка будто проник в ту часть мозга, где жила память.

Это был виски из особой партии сорокалетней выдержки, которую изготовил отец.

– Ты принёс образцы в "Дженнерс", – проговорил герцог. – Я случайно оказался там в тот день, и мы перекинулись парой слов. Не помнишь?

Кир покачал головой. К своему ужасу, он почувствовал, что в горле застрял ком, а в уголках глаз защипало.

– Мой управляющий сделал заказ на все двести девяносто девять бутылок "Сокровища Лахлана", – продолжил Кингстон. – К моему сожалению, их уничтожило во время пожара на складе. Но у нас остались образцы.

Последовало долгое молчание. Кир изо всех сил пытался взять под контроль свои эмоции. Вдыхая сухой, древесный аромат отцовского виски, он ощущал присутствие Лахлана. Он чуть ли не видел грубое лицо и карие глаза, искрящиеся юмором. Чуть ли не чувствовал сильные, натруженные руки, которые когда-то обнимали его так крепко.

Когда Кир наконец поднял голову, герцог взмахнул бокалом.

– За Лахлана Макрея, – просто сказал он.

"Чёрт возьми, – подумал Кир. – Меня охмурили, как форель".

Он с трудом проглотил мягкий тёплый виски и заметил в глазах Кингстона то, чего не замечал раньше. Понимание и участие. Отеческую заботу. Оказалось, что быть объектом этого взгляда... приятно.

Сделав глоток, Кингстон осторожно заговорил:

– Если бы я знал о твоём существовании, Кир, то забрал бы тебя к себе и воспитал со всей заботой и преданностью, которые отец только способен дать сыну.

Ты стал бы для меня радостью. С того момента, как я получил письмо от твоей матери, я пережил всю гамму эмоций от ярости до страха, задаваясь вопросом, на что похожа твоя жизнь. И единственным утешением мне служило лишь то, что Макрей был любящим отцом. За это, если бы он не почил, я бы целовал ему ноги.

Кир криво улыбнулся, уставившись в содержимое своего бокала.

– Ты бы так не говорил, если бы увидел его ноги.

Кингстон усмехнулся, и Кир почувствовал, что напряжение уходит. И пока они сидели на пляже, слушая бесконечный шелест волн, ощущая на губах привкус виски Лахлана Макрея... между ними наконец завязался разговор.

Глава 24

Меррит не питала иллюзий насчёт того, что у дяди Себастьяна получится убедить Кира остаться в Херон-Пойнт. Она видела напряжение в его позе и упрямо сцепленные руки. Так выглядит человек, чьи нервы дошли до предела. Чтобы удержать Кира в поместье, придётся приковать его цепью к массивной мебели. Ему было абсолютно плевать на опасность.

Пришло время ей самой подумать о возвращении домой. Она уедет завтра утром.

Словно грозовые тучи, на Меррит накатило беспросветное уныние. Она не могла позволить, чтобы это чувство полностью её поглотило.

Прежде чем вернуться в Лондон, она отправится в Гэмпшир. Ей просто необходимо повидаться с семьёй, особенно с мамой, которая окружит Меррит теплом и поделится жизненной силой. Она крепко обнимет свою дочь и потребует рассказать всё без утайки. Потом пойдёт на кухню за сладостями и попросит дворецкого принести вина. Они проболтают несколько часов, и после разговора жизнь снова покажется сносной. Да, завтра утром Меррит отправится домой в Стоуни-Кросс-парк.

Уцепившись за эту идею, она написала телеграмму и отослала с ней лакея на почту. Затем Меррит отправилась на поиски тихого места, чтобы разобрать корреспонденцию, и остановила свой выбор на уютной, отделанной деревянными панелями комнате, увешанной сверкающими французскими гобеленами. Устроившись за небольшим столом из позолоченного дерева перед окном, она прочитала подробный отчёт Люка о встрече с руководством страховой компании. Ещё брат писал, что поставил судно в сухой док для ремонта и получил строительную смету на возведение нового склада временного хранения.

Меррит с гордостью отметила, что Люк проявил себя превосходным управляющим. Надёжным, внимательным к деталям, уверенно следующим по трудному пути. Прирождённым лидером. Лучшего руководителя ей не найти, когда она решит двигаться по жизни дальше... куда бы ни завёл её этот новый этап.

Меррит может остаться в Лондоне и окружить себя людьми, ходить на обеды и званые вечера, заняться благотворительностью. Но это будет слишком похоже на жизнь с Джошуа. Она переросла всё это. Теперь ей хотелось чего-то нового, хотелось бросить себе вызов.

Перед тем как принять окончательное решение, возможно, ей следует уехать за границу. В Италию, Германию, Испанию, Грецию, Китай, Египет... Посетить семь чудес света и завести дневник путешественника. Что это были за семь чудес света? Меррит попыталась выудить из памяти стихотворение, которому когда-то научила её гувернантка, чтобы помочь их запомнить. Как же оно звучало?

*Как с давних пор известны всей планете
Висячие сады Семирамиды,
Так знают все – и взрослые, и дети,
Что главное в Египте – пирамиды.*

Хотя, если подумать, кто составил этот список? В мире, полном чудес, семь казалось несправедливо малым количеством.

Снова накатило уныние.

"Составлю свой собственный список чудес, – решила она, – их будет гораздо больше, чем семь".

Меррит станет искательницей приключений. Возможно, даже займётся альпинизмом. Не по высоким и опасным для жизни горам, а по безобидным, возле которых будет расположен курортный отель, где подают послеобеденный чай. В конце концов, искать приключения не означает страдать.

Внимание Меррит привлёк шорох на пороге, и она повернулась на стуле.

В дверях стоял Кир. Он прислонился широким плечом к косяку, засунув руки в карманы брюк. Одежда на его атлетическом теле была помята и вся в песке. Блестящие светло-голубые глаза поразительно контрастировали с лицом, покрасневшим на свежем воздухе. Растрёпанные золотисто-пшеничные волосы умоляли, чтобы их пригладили. Не выразить словами, насколько он был красив.

Пока Кир пристально смотрел на неё, Меррит казалось, что её внутренности превращаются в тяжёлые гремящие столовые приборы, сваленные в кучу в ящике. Она поняла, что момент настал. Сейчас Кир покинет её навсегда. Снова.

Она надела на лицо вежливую маску. Меррит была слишком хорошо воспитана, чтобы показать, как ей плохо на самом деле.

– Как всё прошло? – спросила она.

– Лучше, чем я ожидал, – признал Кир и сделал паузу. – Он разозлился после того, как я сказал, что не передумаю уезжать. Но сказал, что не будет стоять у меня на пути, если я соглашусь остановиться на ночь в его клубе. Говорит, там безопаснее.

– Так и есть, – заверила его Меррит. – "Дженнерс" хорошо охраняется.

– Ещё мне пришлось пообещать, что позволю одному из ночных портье отправиться со мной на Айлей, – нахмурившись, добавил Кир. – И ему придётся оставаться поблизости, пока Итан Рэнсом не скажет, что опасность миновала.

– Обзавестись телохранителем – отличная идея.

– Но ведь портье – это не телохранитель. Он кто-то вроде официанта?

– Не совсем, – ответила Меррит. – В Сент-Джеймсе есть очень опасные закоулки, и поэтому портье в "Дженнерсе", в частности ночные, знают, что делать в непредвиденных ситуациях. Многие из них – бывшие констебли или сотрудники службы безопасности.

Кира не впечатлила эта информация.

– Куда мне его девать, – пробормотал он. – Ему придётся спать в коровнике.

Меррит встала и разгладила юбки.

– Разговор закончился на приятной ноте? – с надеждой спросила она. – Вы с дядей Себастьяном нашли общий язык?

Кир неловко пожал плечами и прошёл в комнату, разглядывая гобелены.

– Не знаю, – признался он. – Кингстон хочет наверстать упущенное время. Мне кажется, он задался целью придать огранку необработанному алмазу.

– Но тебе претит огранка? – мягко спросила Меррит.

– Начнём с того, что никакой я не алмаз.

Она улыбнулась и подошла к нему поближе.

– С этим я бы поспорила.

От него исходила насыщенная, но приятная смесь ароматов: дым от костра, морской воздух, мокрой собачьей шерсти, а в дыхании чувствовался привкус виски.

– Я не из низшей касты, – сказал Кир, – просто другой. Меня устраивает моя жизнь, зачем её менять? – Засунув руки поглубже в карманы, он нахмурился и принялся расхаживать по комнате. – Я попросил Кингстона прекратить наследственное дело, – пробормотал Кир. – Если я откажусь от трастового фонда, который мне никогда не был нужен, у Ормонда не останется причин меня убивать.

– Но он принадлежит тебе по праву рождения, – запротестовала Меррит. – Твоя мать хотела, чтобы ты его получил...

– Кингстон сказал то же самое.

– А лорд Ормонд всё равно может попытаться тебя убить.

– И это он тоже сказал. – С угрюмым видом Кир наклонил голову и провёл пальцами по коротким волосам на затылке. – Но я сказал герцогу, что если вернусь на Айлей и порву с Шаллонами все связи, скорее всего, на этом всё и закончится.

– О, Кир, – тихо проговорила она. Должно быть, дядю Себастьяна сильно задела слова Кира.

– Потом он достал из кармана жилета маленький замок на цепочке от часов.

– Который прислала ему твоя мать?

– Да. Он спросил, не хочу ли я попробовать открыть его своим ключом.

– И ты согласился? – осторожно спросила Меррит.

Покраснев, Кир покачал головой, а его взгляд стал встревоженным и виноватым.

Меррит охватила нежность. Не по собственной воле Кир оказался перед очень трудным выбором.

– Тем ключиком можно открыть настоящий ящик Пандоры. Уверена, тебя это сильно беспокоит, – сказала она. – Как иначе? С тех пор как ты приехал в Англию, ты пережил больше потрясений и боли, чем любой из нас. Тебе нужно время, чтобы прийти в себя и обо всём поразмыслить. В конце концов, ты примешь правильное решение.

Его плечи расслабились, и он повернулся к ней лицом.

– А ты чем займёшься?

Меррит улыбнулась через силу.

– Обо мне не беспокойся. Я подумываю о поездке за границу. Мой брат Люк позаботится обо всех вопросах, связанных со страховкой склада, и проследит, чтобы тебе возместили убытки.

Кир мотнул головой, дав понять, что его это не волнует.

Настольные часы отметили полчаса, их мелодичный перезвон изящно проплыл по комнате, словно мыльный пузырь. Сердце Меррит оборвалось. Она так болезненно воспринимала отъезд Кира, что, казалось, никогда больше не придёт в себя.

– Тебе нужно скоро выезжать, – сказала Меррит, – если хочешь добраться до станции вовремя.

– Герцог сказал, что Калпеппер соберёт мои вещи. Мне нужно только умыться.

Она бездумно улыбнулась.

– Давай прощаться. Настоящим я освобождаю тебя от нашей помолвки. Ты был очень милым женихом. – Меррит сделала паузу и бросила на него притворный укоризненный взгляд. – Хотя ты и мог бы попытаться украсть у меня поцелуй.

– Я просто знаю, чего нельзя делать. – Кир слегка улыбнулся, окинув Меррит пронзительным взглядом. – Знаешь, Шотландия имеет долгую историю пограничных войн. Есть много способов атаковать укреплённую крепость: тараны, осадные башни, пушки... но лучшая стратегия – выждать нужный момент. – Он

нежно коснулся выбившегося локона из её причёски и осторожно заправил его Меррит за ухо. – Рано или поздно, – продолжил Кир, – подъёмный мост придётся опустить. И вот тогда захватчики прорвутся внутрь. – Он не спускал с неё жаркого взгляда своих серебристых глаз. – Если я позволю тебе проскользнуть мимо моих защитных барьеров, Меррит... мне придёт конец.

– Тогда нам повезло, что этого не произошло, – выдавила она.

Он взял обе её руки в свои и поднёс к губам.

– Леди Меррит Стерлинг... – немного хрипло проговорил Кир. – Я рад, что встретил вас. Я обязан вам жизнью. И хотя я не должен этого говорить... Ты – всё, что я мечтал найти в женщине, и даже больше. – Его пальцы на мгновение сжали её руки, а потом отпустили. – И в этом "больше" вся проблема.

– Думаю, мы все согласимся, что визит оказался весьма любопытным, – сухо сказала Фиби Киру, пока экипаж катился по дороге, ведущей от поместья в Херон-Пойнт. За ними следовала ещё одна карета, в которой находились няня, горничная и лакей. Фиби держала Иден на коленях, осторожно помахивая перед ней резной деревянной погремушкой. Взгляд малышки пристально следил за игрушкой. – Жаль, что мамы не было, – продолжила Фиби. – Она бы тебе очень понравилась. Но я полагаю, тебе ещё рано знакомиться с остальными членами семьи.

– Возможно, я никогда не захочу с ними познакомиться, – сказал Кир. – По крайней мере, не в ближайшее время.

Фиби задумчиво на него посмотрела.

– Меррит сказала, что любой на твоём месте испытал бы потрясение, и мы не должны на тебя давить. – Она улыбнулась. – Но надеюсь, ты не думаешь, что я позволю тебе раствориться в пресловутом шотландском тумане и больше с тобой не видеться. Тебе нужна сестра, и так уж вышло, у меня отлично получается ею быть.

Кир рассеянно кивнул. От одного упоминания имени Меррит его охватила тщетная жажда действий.

Попрощавшись с ней, Кир принял ванну и переделался в дорожный костюм, который для него приготовил Калпеппер. Камердинер подчеркнул, что эта одежда предназначена исключительно для путешествий, так как сшита из более плотной и тёмной ткани, чтобы не пачкаться и не доставлять дискомфорта в дороге.

Когда пришло время отправиться на железнодорожную станцию, Кингстон вышел на подъездную дорожку всех проводить. Он помог Фиби и Иден забраться в экипаж, а затем повернулся к Киру.

– Я скоро навещу тебя на Айлее, – сказал Кингстон тоном, не терпящим возражений. – И, естественно, передам тебе сведения от Итана Рэнсома, как только их получу. А пока не рискуй понапрасну и придержишься нашего соглашения насчёт портье. Я уже телеграфировал одному из управляющих клуба, он всё организует. – К удивлению Кира герцог протянул ему знакомый бумажник. – Полагаю, он твой.

В нём лежала толстая пачка банкнот.

– Это ещё зачем? – в недоумении спросил Кир.

– Тебе понадобятся наличные в дороге. Нет, ради бога, не спорь, на сегодня уже достаточно. – На радость герцогу Кир послушно засунул пухлый бумажник в карман пальто. – Береги себя, мальчик мой. Смотри в оба и не теряй бдительности.

– Хорошо. Спасибо. – Они обменялись крепким рукопожатием, которое на удивление придало уверенности.

Кир выглянул в окно кареты, пока упряжка лошадей увозила их по усыпанной гравием дорожке, набирая скорость. Он чувствовал себя неуютно в собственном теле. Кир безнадежно запутался, словно нерадивый пловец у берегов Айлея,

угодивший в ловушку коварных водорослей. Мышцы на руках и ногах сводило от желания встать и пойти пешком или побежать, но приходилось сидеть.

– Как ты поступишь с Меррит? – спросила Фиби.

– Никак, – хрипло ответил он. – А что я должен делать?

– Не собираешься ей написать? Или навестить?

– Мы с ней простились, и на этом история закончилась.

– Наверное, это и к лучшему. Хотя мне показалось между вами возникла... как бы лучше выразиться... симпатия?

Кир бросил на неё мрачный взгляд.

– Некоторые птицы умеют плавать, а некоторые рыбы – летать. Но им всё равно не суждено быть вместе.

– Ещё одна аналогия с рыбой, – изумилась Фиби.

Набитый банкнотами бумажник мешался в кармане. Кир достал его и начал задумчиво перебирать купюры номиналом один фунт, пять, десять... их было столько, что бумажник не закрывался до конца. Решив отдать часть денег лакеям и кучерам, Кир начал вынимать пачку банкнот.

Из бокового кармана выпал клочок бумаги и медленно приземлился на пол кареты, как грациозный рябиновый лист. Кир прижал руку к рёбрам и с трудом наклонился, чтобы его поднять, затем выпрямился и с любопытством его разглядел.

Мистер Кир Макрей Леди Меррит Стерлинг

Имена были напечатаны... Но зачем и для чего?

В голове пронеслись обрывки воспоминаний. Мысли разбежались. Пытаясь сосредоточиться хотя бы на одной из них, Кир услышал голос Меррит: "Останься на одну ночь. Всего лишь одну". Он вспомнил запах дождя, и прохладную тёмную ночь, и тёплую постель... округлые формы женской груди, как сладострастно потаённая плоть сжимала его мужское естество и мучительную кульминацию, во время которой Меррит выкрикивала имя Кира. Перед глазами встал её образ в свете свечей, языки пламени, танцующие в лужицах воска, отражались в её глазах, поблескивали в волосах и на коже... Кир словно опять почувствовал ту свободу, в которую окунулся, доверившись во всём Меррит, и неиссякаемый восторг, который их с ней переполнял. А потом отчаяние от расставания, физическую боль от нахождения вдали друг от друга, будто погружаешься в море и смотришь из бездушных глубин в недостижимое небо. Щёлк. Он увидел, как леди Меррит нажимает кончиком пальца на клавишу пишущей машинки. Щёлк-щёлк. Крошечные металлические стержни ударяли по катушке с чернильной лентой, и появлялись буквы.

Кир тяжело задышал, сжимая в руке листок бумаги. В голове будто отчаянно вращались шестерёнки, пока наконец не замерли в правильном положении, открыв доступ к воспоминаниям.

– Мерри, – произнёс он вслух, дрожащим голосом. – Боже мой... Мерри.

Фиби с беспокойством посмотрела на него, о чём-то спрашивая, но он не слышал ни единого слова из-за бешеного стука сердца в ушах.

Слишком быстро повернувшись, Кир ощутил внезапную боль в рёбрах, но проигнорировал её и забарабанил кулаком по стенке, отделявшей их от кучера. Как только карета остановилась на подъездной дорожке, он резко бросил Фиби:

– Езжай без меня.

Не дав ей ответить, он вылез из кареты и во весь опор помчался к дому.

Глава 25

После того как Фиби и Кир отбыли на железнодорожную станцию, Себастьян вернулся в дом, намереваясь закончить чтение отчётов от управляющих. Но замешкался на пороге кабинета, не желая возвращаться за письменный стол. Какая досада! Он не мог смириться с тем, что позволил сыну, который толком не успел оправиться от ранения, покинуть поместье, где находился под защитой Себастьяна. Кир был мишенью, и если сейчас за ним никто не охотится, то это не надолго. Лорд Ормонд так просто не успокоится.

Себастьяна охватила холодная ярость. Этот эгоистичный ублюдок с продолговатым лицом превратил жизнь Корделии в настоящий ад, и что самое ужасное, чуть не убил Кира. Какое же дьявольское искушение найти Ормонда и лично избить до полусмерти. Однако убийство Ормонда, хоть и принесёт удовольствие, приведёт к последствиям, которые Себастьяну были не по душе.

Почему Итан Рэнсом так чертовски долго тянет с отчётом? Почему наёмного убийцу до сих пор не поймали и не допросили? Не мог же он раствориться в воздухе.

Погружённый в невесёлые раздумья, Себастьян размял напряжённые мышцы плеч и потёр рукой затёкшую шею.

"Проклятье, – устало подумал он, – я скучаю по Эви".

Когда она уезжала, что, к счастью, случалось редко, земля переставала вращаться, солнце потухало и жизнь превращалась в мрачное упражнение на выносливость до самого её возвращения.

В начале их брака Себастьян и представить себе не мог, что застенчивая, неуклюжая тихоня, которая с детства заикалась, возымеет над ним такую огромную власть. Но Эви сразу же превратилась в хозяйку положения, ясно дав понять, что её любовь, доступ к телу и даже к мыслям нужно заслужить. Ни одна женщина до Эви не бросала ему вызов стать её достойным. Это взбудоражило и восхитило Себастьяна. И, в итоге, заставило её полюбить.

Теперь ему оставалось только считать ночи до её приезда, четыре, если быть точным, в течение которых он будет просыпаться глубоко за полночь, пытаясь наощупь отыскать её рядом с собой. И часы, примерно девяносто шесть, по прошествии которых она снова окажется в его объятиях.

Господи, как же унижительно томиться по собственной жене.

Но он же сам убедил Эви принять приглашение от их друзей сэра Джорджа и леди Сильвии Стивенсон, недавно назначенного британского посла и его жены. Стивенсоны и их дети только-только поселились в роскошном посольстве на улице Фобур Сент-Оноре, всего в нескольких домах от Елисейского дворца.

"Обязательно возьми с собой Серафину и Айво, – писала леди Сильвия. – Мои дети будут так счастливы, если в новом доме их навещат друзья, а осенний Париж не поддаётся никакому описанию".

Хотя за последние три недели от Эви пришло множество радостных открыток и писем, они вряд ли могли сравниться со звуком её голоса, утренними поцелуями и причудами, о которых мог знать только муж. Как умирительно она шевелит пальчиками во сне всякий раз, когда Себастьян касается её ступни. Как слегка раскачивается на каблуках, когда счастлива или взволнована.

Боже, ему просто необходимо, чтобы она вернулась в его постель. И как можно скорее. А пока Себастьян постарается вымотать себя до предела, чтобы не думать об Эви.

И он отправился плавать.

После того как экипажи уехали, Меррит удалилась в свою комнаты и устроилась в уютном угловом кресле, чтобы, как называла это мама, предаться “платковому настроению”. Она всплакнула, промокнула слезящиеся глаза и шумно высморкалась. Через несколько минут печаль немного отступила, и на Меррит снизошёл хрупкий покой, она расслабилась в кресле.

– Ну вот, – вслух сказала Меррит, сжимая промокший носовой платок. – Всё закончилось. Теперь нужно найти себе занятие.

Возможно, она расширит свой список чудес. Добавит туда Великую Китайскую стену. К сожалению, к горлу опять подкатило рыдание, и по лицу скатилась ещё одна слезинка. Грусть была готова поглотить Меррит с новой силой.

Боже милостивый! Нужно немедленно это прекратить.

Меррит встала, подошла к комоду за свежим носовым платком и замерла, услышав в глубине дома шум. Господи, неужели кто-то поранился? Подрался? Раздался грохот двери о стену... Топот ног по лестнице... Хриплый возглас, похожий на её имя.

К ней в комнату ворвались без стука, и она испуганно обернулась.

Это был Кир. Огромный и взъерошенный. Он тяжело дышал, как будто бежал сюда что есть мочи. Он остановился как вкопанный и уставился на Меррит пристальным взглядом, от которого у неё зашевелились волоски по всему телу.

– Что случилось? – спросила Меррит, совершенно сбитая с толку. – Почему ты здесь? Ты... ты опоздаешь на поезд.

– Мерри.

По спине побежали мурашки. Не в силах издать ни звука, она лишь наблюдала с широко распахнутыми глазами за тем, как он идёт к ней.

Прерывисто дыша, Кир потянулся к руке Меррит и вложил что-то в её ладонь. Она опустила взгляд на трепещущий обрывок бумаги и прочитала их напечатанные имена.

Обрывок выпал из её онемевших пальцев. Она посмотрела в светлые горящие, как две яркие звёзды, глаза Кира. Боже, он всё вспомнил.

– Кир, – стараясь говорить очень спокойно, начала Меррит, – теперь это не имеет значения. Всё уже решено. Та ночь была отвлечением для нас обоих, прекрасным отвлечением, но... нет смысла делать из мухи тевяка. – Она сделала паузу, подумав, что могла неправильно произнести фразеологизм. – Кир...

Не дав ей договорить, он притянул Меррит к себе и завладел её ртом.

За стенами комнаты жизнь проносилась мимо, словно пейзаж за окном поезда, сливаясь в одно расплывчатое акварельное пятно. Но здесь, в кольце рук Кира, время останавливалось. Минуты воспламенялись и сгорали дотла. Существовали только крепкие объятия Кира, грубые, живительные поцелуи и сила, которую он источал. Она уже и не надеялась когда-нибудь почувствовать их вновь.

Меррит обвила руками его шею, запутавшись пальцами в густых коротко остриженных локонах на затылке. Наощупь чисто выбритое лицо Кира разительно отличалось от того, когда он носил колючую бороду. Но полные губы оставались всё такими же эротичными и обжигающе горячими. Он медленно вкушал поцелуй, глубоко исследуя языком её рот. По телу Меррит пробежала сильная дрожь, колени подогнулись, и ей пришлось опереться о него, чтобы не упасть. Когда её голова откинулась назад, из внешнего уголка глаза к виску скатилась позабытая слезинка. Кир провёл губами вслед за ней, пробуя её на вкус.

Кир обхватил её щеку ладонью.

– Мерри, любимая... Сияние моего сердца, драгоценная капля крови моей... ты должна была мне рассказать, – горячо прошептал он у самых губ Меррит.

– Я подумала... что, возможно, где-то в глубине души... ты хотел забыть, – слабо ответила Меррит, будто слыша свой голос со стороны.

– Нет. – Кир с силой прижал её к себе, уткнувшись носом в волосы Меррит и растрепав заколотые локоны. – Ни в коем случае, любимая. Просто память меня временно подвела, вот и всё. – Его рука медленно скользила вверх-вниз по её спине. – Я чертовски сожалею о том, что пытался держаться от тебя на расстоянии. Я не знал, что ты уже давно живёшь в моём сердце. – Он сделал паузу, а потом иронично добавил: – Не забывай, мне пришлось выпрыгнуть из окна трёхэтажного дома, смягчить удар было нечему, кроме моей же собственной твёрдой головы. – Взяв Меррит за руку, он прижал её ладонь к своему колотящемуся сердцу. – Но ты всё равно осталась здесь. Твоё имя так глубоко вырезано на моём сердце, что и через миллион лет не сотрётся.

Полностью поверженная, Меррит уткнулась лицом ему в грудь.

– Это невозможно, – в отчаянии проговорила она. – Не нужно было тебе возвращаться. У нас нет будущего. Я не смогу стать счастливой, поселившись на острове, а ты – здесь.

Хотя его рубашка заглушала слова Меррит, Киру удалось их расслышать.

– Ты сможешь стать счастливой без меня? – тихо спросил он.

Меррит с трудом сглотнула.

– Нет, – в ужасе призналась она. – Мы обречены, вместе или порознь.

Кир обхватил её голову рукой и крепче прижал к себе. Меррит почувствовала, как по его телу пробежала дрожь, и на мгновение ей показалось, что он плачет. Но, оказалось, он смеётся.

– Ты находишь это забавным? – возмущённо спросила она.

Он покачал головой, подавив смешок и прочистив горло.

– Я просто подумал, что если мы в любом случае обречены... тогда ведь можно остаться вместе?

Не дав Меррит ответить, Кир наклонился и поймал её губы своими, добиваясь отклика. Конечно, она не смогла устоять. Меррит потеряла голову, и вела себя безрассудно, словно совсем юная девушка, переполненная новыми эмоциями и готовая бросить всё ради любви.

Вот только даже будучи совсем юной девушкой, она не чувствовала ничего подобного.

Поцелуй стал настойчивее. Медленно терзая её губы, Кир давал Меррит понять, насколько сильны его голод и нужда.

Он осыпал её невероятно долгими, чувственными поцелуями, иногда томными, иногда яростными, полными невыполнимых обещаний.

Его губы оторвались от её рта, и Кир принялся нежно водить ими по лицу Меррит, опаляя его своим дыханием.

– Мерри, милая. Ты должна знать, что та ночь очень много для меня значила. Как была прекрасна... той ночью ты утолила жажду моей души.

– Кир, – с трудом проговорила она, – мы не должны путать физическую близость с более глубокими чувствами.

Он отстранился и, нахмурившись, посмотрел на Меррит.

– Я не имел в виду ту часть ночи, когда мы трахались.

Меррит вздрогнула, как будто Кир плеснул ей в лицо холодной водой.

– Ради всего святого, пожалуйста, не называй это так.

Её горячность заставила его слегка приподнять брови.

– Тогда как мне это называть?

– Когда мы переспали, – перебрав в голове различные варианты, предложила она.

Кир бросил на неё ироничный взгляд.

– Той ночью мы ни на секунду не сомкнули глаз.

– Тогда... "когда между нами случилась связь".

Кир фыркнул, предложение пришлось ему явно не по душе.

– Моё слово означает то же самое, но звучит короче.

– Так, что ты хотел сказать? – напомнила Меррит.

– Ах да! Та ночь была замечательной, потому что мы проговорили наедине несколько часов к ряду. Мы не прилагали никаких усилий... словно дрейфовали в море. – Его взгляд стал слегка отстранённым. – Мы оказались в нашем собственном мире. Я никогда раньше ни с кем такого не испытывал, но не сомневался, что могу рассказать тебе что угодно. А когда мы переспали... разговор продолжился, только без слов.

Меррит потеряла дар речи.

Как женщина может мыслить здраво, когда перед ней стоит мужчина и говорит такие замечательные, трогательные слова с шотландским акцентом, а на глаза ему падает выбившаяся прядь золотистых волос?

Меррит подошла к нему, притянула его голову к себе и заставила замолчать поцелуем. Только ради того, чтобы он перестал говорить. А не потому, что хотела его. И не потому, что его горячему, восхитительному рту было невозможно сопротивляться.

Кир машинально её обнял и завладел губами. Он жадно набросился на Меррит, лаская и дразня. Пробуждая в ней мучительное наслаждение. Кир скользнул рукой вниз по её спине и прижал к себе. Его тело было таким крепким. Она хорошо чувствовала воинственный напор возбуждённой плоти. Меррит вспыхнула, вспомнив то ощущение, когда Кир находился внутри неё.

Почувствовав между ног влагу и пульсацию, она пришла в ужас и вырвалась из его объятий.

Кир отпустил её с тихим смешком.

– Осторожнее, милая. Случайно толкнёшь меня своим маленьким локотком и отправишь в нокаут.

Она подошла к окну и прижалась пылающей стороной лица к прохладному стеклу.

– Это безумие, – проговорила Меррит. – Так и разрушаются жизни. Люди выбирают сиюминутные удовольствия, не задумываясь о последствиях. Мы не можем быть вместе по множеству причин, и цепляемся за одну единственную, по которой можем, но она даже не самая веская.

– Только она и имеет значение.

– Ты сам знаешь, что это не так, иначе не пытался бы избежать привязанности ко мне.

– Это не привязанность, – резко бросил он. – Ты у меня в крови.

Кир подошёл к окну и прислонился плечом к раме. Мягкий осенний свет позолотил его нечеловечески прекрасные черты лица.

– Я бы не сел сегодня на поезд, Мерри. Я бы вернулся, даже если бы не вспомнил ту ночь. Всего через минуту после того, как экипаж тронулся в путь, я был готов из него выпрыгнуть. Мне казалось неправильным покидать тебя. Противоестественным. Моё тело физически не в состоянии находиться вдали от твоего.

Меррит заставила себя отвернуться от Кира и подойти к умывальнику. Она неуклюже вылила холодную воду на льняное полотенце для рук.

– Я всегда гордилась своей рассудительностью, – пробормотала Меррит. – У меня всегда были определённые взгляды на брак, и я ждала годами, пока не нашла мужчину, который соответствовал требованиям из моего списка.

– У тебя был список?

– Да, в нём были перечислены качества, которые я желала видеть в избраннике.

– Как в списке покупок? – По его тону было очевидно, что он находит эту идею забавной и бестолковой.

– Я наводила порядок в голове, – объяснила Меррит, прижав компресс к воспалённым, опухшим глазам. – Ты бы ведь не стал устраивать званый ужин, не составив предварительно меню?

Кир подошёл к ней сзади и опёрся руками об умывальник по обе стороны от Меррит.

– Я никогда не был на званом ужине, – сказал он и наклонился, чтобы поцеловать её в шею. Меррит почувствовала, что его губы растянулись в улыбке. – Я отвечаю хоть каким-то критериям из твоего списка? – спросил Кир, пошевелив дыханием крошечные волоски на её шее. – Держу пари, что нет.

Меррит отложила компресс и развернулась, прислонившись спиной к умывальнику.

– Ни в коей мере. Я себе и представить не могла производителя виски с отдалённого шотландского острова.

Он ухмыльнулся.

– Но ты ничего не могла с собой поделаться.

– Нет, – призналась она. – Ты прекрасен, как есть. Я бы не хотела ничего в тебе менять.

– Жизнь всех меняет, – заметил он. – И я не исключение. Никто не знает, что нас ждёт.

Это напомнило Меррит об одной теме, которую необходимо было обсудить. Она скрестила руки на груди, внезапно озябнув.

– Кир, – спросила Меррит, – к тебе полностью вернулась память или только частично?

– Она возвращается по кусочкам, как будто складывается головоломка. А что?

– В тот день, когда я показывала тебе квартиру на складе, мы говорили о том, почему у нас с Джошуа не было детей. Ты помнишь, что я тебе рассказала?

Кир покачал головой.

– Я бесплодна, – решительно сказала она, вцепившись пальцами в свои руки чуть выше локтя. – Незадолго до смерти мужа я посетила лондонского специалиста, чтобы выяснить, почему я не могу забеременеть. – Она сделала паузу, вспоминая диагноз, который поставил доктор – миома матки. Но в данный момент не было необходимости вдаваться в такие подробности. – После обследования он сказал, что у меня проблемы с маткой, моему здоровью это не угрожает, но ребёнка зачать не получится почти наверняка. Если я хотела стать матерью, сказал он, мне следовало задуматься об этом гораздо раньше, тогда, возможно, шанс ещё был. Однако к тому времени, когда я наконец вышла замуж, стало уже слишком поздно.

Лицо Кира оставалось беспристрастным. После долгого молчания он осторожно спросил:

– Что сказал твой муж?

– Джошуа сильно расстроился. Ему было трудно смириться с тем, что у него никогда не появятся собственные дети. Не родится сын, который унаследует компанию. Джошуа ни в малейшей степени не винил меня, но для него это стало величайшим разочарованием. Он погрузился в глубокую меланхолию. Я пыталась его утешить, но безрезультатно, ведь именно я и была причиной его горя. Вот

почему он отправился в ту последнюю поездку, решил, что, возможно, если проведёт немного времени вдали от меня, в кругу семьи и старых друзей в Бостоне, сможет поднять себе настроение. Так что в некотором смысле его смерть...

Меррит замолчала, удивившись словам, которые едва не сорвались с языка.

"На моей совести".

В первые несколько недель после кончины мужа она обнаружила, что горе – это не однообразное чувство, оно было многогранным и пропитано сплошными "если бы". Если бы только она не оказалась бесплодной. Если бы лучше утешала Джошуа и сумела поднять его дух, он бы не отправился в путешествие. Если бы она не вышла за него замуж, он женился бы на другой женщине и остался бы жив.

Логически Меррит понимала, что ни в чём не виновата, это был просто несчастный случай.

Корабль Джошуа затонул не первым и не последним. Но в глубине души засела гадкая мысль, похожая на одну из тех крошечных заноз, которые могли годами оставаться в пальце.

Кир внимательным взглядом следил за малейшим изменением выражения её лица. Вдруг он глубоко вздохнул, внезапно оттолкнулся от умывальника и принялся расхаживать по комнате, но не задумчиво, а как лев в клетке.

Меррит наблюдала за ним с возрастающим замешательством. Он расстроился за неё? Или, как Джошуа, глубоко разочаровался?

Нет... Судя по тому, как яростно Кир провёл рукой по волосам, по усилившемуся румянцу, хмурому взгляду и дёргающейся мышце на стиснутой челюсти...

– Ты сердишься? – озадаченно спросила она. – На меня?

Глава 26

В течение многих лет утро Себастьяна начиналось с водных процедур, которые не только поддерживали его тело в хорошей форме, но и придавали спокойствия и бодрости духа в самом начале дня. Летом он предпочитал плавать в бухте, но в холодные месяцы единственным вариантом оставался бассейн. В курортном городке, славившемся своими лечебными и оздоровительными ваннами, не составило труда найти подрядчиков, которые установили бассейн с морской водой в одном из крыльев особняка Шаллонов.

Сама чаша была размером тридцать на шестьдесят футов, по периметру её окружали платформа из сосны и пол, выложенный замысловатой мозаичной плиткой. Для подогрева воды под бассейном проходили трубы из кухни, а регулируемые отверстия в стеклянной крыше использовались для вентиляции. Вдоль стен тянулись ряды витражных окон из белого, зелёного и синего стекла, которые пропускали свет, сохраняя при этом уединение. Для удобства семьи и гостей, помимо всего прочего, здесь располагались уборные, душевые кабины и зоны отдыха с обитой плетёной мебелью.

Себастьян разделся и бросил вещи на ближайший шезлонг. Он нырнул без брызг и принялся технично плавать кролем от одного бортика до противоположного. Монотонные действия прояснили разум, и вскоре Себастьян сосредоточился только на постоянном движении сквозь водную гладь.

После двадцати минут напряжённого плавания мышцы горели огнём. Он вылез из воды, тяжело дыша, и пошёл к стопке полотенец на столе. Энергично вытираясь, он мельком заметил кого-то на другом конце бассейна. Себастьян замер при виде светло-рыжих волос, розовых щёк, округлившихся голубых глаз... и роскошной

женской фигуры в модном шерстяном платье в полоску. Каждая клеточка тела заискрилась от прилива радости.

– Эви? – хрипло спросил он, испугавшись, что она ему привиделась.

Она взглянула на воду и невинно заметила:

– Ты так усердно плавал, я решила, что за тобой гонится ак-кула.

С трудом сосредоточившись, Себастьян небрежно ответил:

– Ты же прекрасно знаешь, милая, – он обернул полотенце вокруг талии и заткнул за пояс свободный край, – я и есть акула.

Он направился к жене без видимой спешки, но постепенно ускорил шаг. Себастьян так пылко схватил Эви в объятия, что её ноги едва не оторвались от пола. Она ахнула, вцепилась в плечи Себастьяна и, улыбаясь, потянулась к его губам.

Он крепко расцеловал жену, упиваясь её вкусом и близостью, а в конце вызывающе укусил за нижнюю губу.

– Эви, красавица моя, ты не забыла привезти с собой наших детей?

– Не забыла. Айво отправился на поиски Аякса.

Себастьян выгнул бровь.

– Меня затмила собака?

Губы Эви дрогнули.

– Я сказала детям, что сначала хочу увидеться с тобой наедине. Серафина обрадовалась, что сможет переодеться и прилечь вздремнуть. – Она обхватила ладонями бугрящиеся бицепсы и одобрительно проворковала: – Если ты продолжишь тренироваться в том же духе, придётся перешивать рубашки.

– Что ещё мне оставалось делать, – мрачно проговорил Себастьян. – С тех пор, как ты меня бросила, я мучился в аду воздержания.

– Бросила? – удивлённо переспросила она.

Он сурово глянул на Эви.

– Ты исчезла посреди ночи.

– Было утро, – запротестовала она.

– Не сказав ни слова о том, куда направляешься.

– Ты же сам занимался б-билетами!

– У меня даже не было возможности попрощаться.

– Была, – возразила Эви. – Ты прощался два часа, я чуть не опоздала на поезд.

Себастьян заглушил смех, уткнувшись в её блестящие локоны.

– О, да. Это я помню. – Он откинул с лица жены несколько рыжих прядей и поцеловал Эви в лоб, но вдруг резко отстранился. Нахмурившись, Себастьян провёл по её лбу и носу пальцем и осмотрел его на предмет остатков косметики. Чисто.

– Что случилось с твоими веснушками? – резко спросил он. – Где они?

Жена выглядела чрезвычайно довольной собой.

– Мы с Сильвией были на приёме у знаменитого парижского косметолога. Она дала мне с-специальный крем для лица.

Её слова потрясли Себастьяна до глубины души.

– Ты же знаешь, как я любил твои веснушки.

– К лету они появятся снова.

– Это международное оскорбление. Я подам официальную жалобу в посольство. Может начаться война, Эви. – Он взял её лицо в ладони и осторожно наклонил под разными углами, кожа на нём была ровного кремового оттенка. – Посмотри, что они с тобой сделали, – проворчал Себастьян.

Голубые глаза Эви весело сверкнули.

– Возможно, парочка всё-таки осталась, – призналась она.

– Где?

– Позже можешь сам их поискать, – чопорно заявила она.

– Мне нужны доказательства. Покажи сейчас. – Он потянул её к обитому шезлонгу, Эви, сопротивляясь, захихикала.

– Не здесь! – воскликнула она и отвлекла его, прижавшись губами к его рту. После долгого, сладостного поцелуя Эви отстранилась и посмотрела Себастьяну в глаза. – Расскажи, что произошло, пока меня не было, – мягко попросила она. – Я решила вернуться на несколько дней пораньше, прочитав твоё последнее письмо. Мне показалось, что-то случилось.

– Я же так тщательно подбирал слова, чёрт возьми.

– Поэтому я и догадалась.

На его лице появилась печальная усмешка. Он притянул жену поближе и уткнулся носом в её волосы.

– Эви, – тихо проговорил он ей на ухо, – я нашёл его.

Кого Себастьян имел в виду, объяснить не требовалось. Эви посмотрела на него в изумлении.

– Точнее, – продолжил Себастьян, – он сам меня нашёл. Прожил здесь две недели и уехал сегодня, как раз перед вашим приездом. Не удивлюсь, если ваши кареты проехали мимо друг друга.

– Как чудесно! – лучезарно улыбаясь, воскликнула Эви. – Я так... – Она замолчала, на её лице появилось странное выражение. – Подожди. Его зовут Макрей?

– Да. – Себастьян вопросительно посмотрел на жену.

– Когда наш экипаж добрался до дома, – объяснила она, – мы увидели несущегося по подъездной аллее мужчину. Он подбежал к входной двери и исчез внутри. К тому моменту, как мы вошли в главный холл, его уже и след простыл. Но дворецкий сказал, что это твой гость – шотландский джентльмен по имени Макрей.

– Кир Макрей, – рассеянно проговорил Себастьян, обдумывая услышанное. – Должно быть, он вернулся. Полагаю, он отправился на поиски Меррит.

– Нашей Меррит? – пришла в замешательство Эви. – Она здесь? Откуда она знает мистера Макрея?

Себастьян улыбнулся.

– Нам многое предстоит обсудить, любимая. – Он намеренно потянул за концы кружевной шали, которая была заправлена в корсаж платья. – Но сначала, вернёмся к веснушкам...

Глава 27

Кир продолжал молча мерить комнату шагами.

– Прекрати, пожалуйста, расхаживать туда-сюда, – смущённо проговорила Меррит. – Давай присядем и поговорим...

– Не сейчас, у меня вся бирса стоит дыбом, – пробормотал Кир.

– Бирса?

– Типа жёсткого ворса дикого кабана, из которого делают щётки.

– А, щетина. Ты имеешь в виду, что ошетинился. Но... ты же не винишь меня за бесплодие, правда? – Она потрясённо на него уставилась. – Это несправедливо, Кир.

Он в гневе подскочил к Меррит и схватил за плечи, словно намереваясь её встряхнуть. Но сдержался. Кир открыл рот, собираясь что-то сказать, закрыл и попытался снова.

– Почему меня должно волновать твоё бесплодие? – взорвался Кир. – Ты, чёрт возьми, разве не знаешь, с кем говоришь? Родители любили меня как родного. Они гордились мной, несмотря на то, что я был незаконнорожденным. С того момента,

как они взяли меня к себе, я стал их сыном, а они моими отцом и матерью. Хочешь сказать, что это всё не по-настоящему? Что у нас была ненастоящая семья?

– Нет. Конечно, нет. Ты же знаешь, я так не думаю! Но большинство мужчин хотят, чтобы сыновья продолжили их род.

– Я не из их числа, – рявкнул Кир.

Нельзя сказать, что он кричал на неё, но его горячность порядком нервировала. Она замялась, не зная, что сказать.

– Мне очень жаль, – робко проговорила Меррит. – Я думала, что для тебя важно иметь родных детей по крови, а я никогда не смогу тебе их дать.

– Мне нужна не племенная кобыла, а жена.

При виде скорбного лица Меррит Кир перестал злиться. С тихим стоном он заключил её в крепкие божественные объятия, пригладил её локоны и прижал голову к своему плечу.

– Семейю объединяет не кровное родство. А любовь. – Его тёплое дыхание коснулось её волос. – Сколько детей ты хочешь? Мы можем завести хоть дюжину, если тебе угодно. Нет разницы, какого ребёнка любить. Ты станешь прекрасной матерью, сердцем семьи. – Он приподнял пальцами её подбородок. – Что касается твоего покойного мужа, – продолжил Кир, – мне он нравился, и я не хочу плохо отзываться о человеке, который не может себя защитить. Но скажу тебе то, что сказал бы ему, будь Стерлинг жив: он поступил неправильно, оставив тебя одну в такой момент. Его утрата была не больше твоей. И именно ты нуждалась в утешении.

– Джошуа знал, что родственники и друзья помогут мне справиться с потрясением.

– Помочь тебе справиться с потрясением – это обязанность мужа.

– Ты не знаешь, как бы поступил на его месте.

– Знаю, – твёрдо сказал Кир. – Я бы остался со своей женой.

– Даже понимая, что ничем не можешь помочь?

Он посмотрел на неё пристальным взглядом.

– Быть рядом и ничего не делать – уже помощь.

Меррит изо всех сил пыталась держать себя в руках, но её лицо исказилось от нахлынувших эмоций.

– Иногда... – Прежде чем продолжить, ей пришлось замолчать и прочистить горло. – Я ловлю себя на мысли, что жалею о том, что он не женился на другой женщине, которая смогла бы родить ему детей. Тогда Джошуа остался бы жив.

– Милая, ты этого не знаешь. Он мог бы сесть на тот же корабль, в тот же день, по другой причине. Или мог бы жениться на женщине, которая родила бы ему детей, но превратила жизнь в ад. – Кир обхватил её щеку ладонью. – Если бы Стерлинг мог, думаю, он сказал бы тебе, что ты была его счастьем, и попросил бы ни в чём себя не винить. – Его голубые глаза, самого светлого оттенка неба, не отрывались от её слезящихся глаз. – Ах, любимая, – мягко сказал он, – я бы умер вместо него, если бы тогда ты перестала корить себя.

От этой мысли она застыла в ужасе.

– Не говори так.

Кир нежно водил большим пальцем по напряжённым мышцам на её челюсти.

– Тише, – пробормотал он. – Ты ни в чём не виновата. Пообещай мне, что будешь относиться к себе с той же добротой, что и к окружающим.

Закрыв глаза, она прижалась щекой к его ладони и кивнула.

– Скажи вслух, – не унимался Кир.

– Обещаю попытаться, – сказала Меррит, у неё вырвался дрожащий вздох. – Но что же теперь делать?

– Нам? Мы с тобой придём к правильному решению. Позже. А пока... давай отправимся в постель.

Широко распахнув глаза, она бросила на него ошарашенный взгляд.

– Здесь? Сейчас?

– Жду не дождусь, когда ты окажешься в моих объятиях, – сказал он. – Не на пару минут. А надолго.

– О, я не думаю... – Замявшись, Меррит уткнулась лбом ему в плечо. – Проблемы таким образом не решаются.

Он издал горловой смешок.

– Одна из моих решится. – Кир обвёл губами её ухо. – Я готов умолять, если это поможет.

– Кир, это и в первый раз было ошибкой.

– И я готов её повторить.

Она отстранилась и бросила на него возмущённый взгляд.

– Посреди дня?

В его глазах заплясали озорные огоньки.

– Нас никто не услышит. По четвергам слуги полируют серебро внизу, в столовой.

– Они всё равно узнают, – возразила Меррит, поморщившись при этой мысли. – Из-за переполоха, который мы подняли, ни для кого не останется секретом, чем мы вдвоём заняты в моей спальне.

– Мерри, сладкая моя... Я так хочу тебя, мне плевать на остальных. – Кир очаровательно улыбнулся, и у неё перед глазами заплясали тёмные пятна. – Пойдём в постель, сердце моё. Это не самый плохой способ провести день.

Ну как можно перед ним устоять?

Меррит пошла запереть дверь, а когда обернулась, то увидела, что Кир уже раздевается рядом с постелью. Сердце в груди перевернулось. Она зачарованно наблюдала за тем, как он расстёгивает рубашку, снимает её через голову, обнажая гладкий мускулистый торс, покрытый светлой блестящей порослью. Красота Кира поражала. Но заметив, как он поморщился, опуская руки, Меррит озабоченно нахмурилась.

– Ты всё ещё не выздоровел, – сказала она. – Не слишком ли рано для такой активности?

– Нет.

– Я думаю, тебе ещё рано.

Его глаза насмешливо блеснули.

– Сходи за книгой доктора Кента. Может быть, там что-то сказано по данному вопросу?

Меррит неохотно усмехнулась.

– Не помню, чтобы там была глава на данную тему.

– Вот и прекрасно. – Кир протянул руку и прижал Меррит к мускулистой груди. – Ты могла бы принести и секундомер, но я не хочу, чтобы меня торопили.

Кир заглушил её смешок, крепко поцеловав. В одних лишь брюках, он босиком направился к стулу, на котором оставил одежду. К удивлению Меррит, Кир бережно сложил рубашку и положил её поверх аккуратной стопки вещей.

– Калпеппер злится, если я мну одежду после того, как он усердно её выгладит, – объяснил он, увидев её насмешливый взгляд.

– Вы с ним подружились?

– Да. Мы с ним перекидываемся парой слов каждое утро, пока он меня бреет. – Кир подошёл к ней, отвернул от себя и принялся расстёгивать платье. По спине Меррит пробежал трепет предвкушения.

– Почему ты позволяешь ему себя брить? – спросила она. – Я думала, ты решил немедленно отрастить бороду опять.

– Борода растёт неравномерно, в одних местах волоски появляются быстро, в других остаются прорехи. Она напоминает пастбище после того, как по нему прошло стадо козлов, – немного застенчиво ответил Кир.

– И ты не хотел выслушивать насмешки от дяди Себастьяна?

– Нет, мне нет до них дела, ему не переплюнуть парней с Айлея. Когда кто-то из нас отращивает бороду, нет ему пощады. Мы зовём его линяющей уткой или... нет, остальное не для твоих ушей.

– Если тебя не волнует мнение дяди Себастьяна, тогда в чём же дело?

– Я не хочу, чтобы ты запомнила меня с бородой, которая выглядит так, будто её подстригли ручной косилкой.

– Ты брился ради меня? – Меррит улыбнулась и повернулась к нему лицом. – Ты неотразим с любой бородой. – Она наклонилась и провела носом, губами и подбородком по курчавым волосам на его груди.

Его рука скользнула в расстёгнутое сзади платье и легла на обнажённое плечо.

– Теперь мне придётся бриться постоянно, – сказал он. – Твоя кожа нежна, как лепесток. После ночи со мной, ты покроешься пятнами с головы до пят.

– Не покроюсь, – краснея, заверила его Меррит. – Ты не должен отказываться от бороды ради меня.

– Я планирую очень часто спать с вами, миледи, поэтому лучше мне бриться.

Она кинула на него кокетливый взгляд.

– Довольно самонадеянное заявление, ты не находишь?

Кир с улыбкой покачал головой.

– Я всего лишь питаю надежду.

К тому времени, как Кир раздел их обоих, сквозь частично закрытые деревянные жалюзи уже начал пробиваться желтоватый послеполуденный свет и падать на кровать золотым серпантинном. Кир растянулся на боку, держа Меррит на сгибе руки. Он неспешно целовал её губы. Пробовал их на вкус, слегка потягивал, затем запечатывал вновь и проникал языком вглубь рта.

– У меня идея, – задыхаясь, проговорила Меррит, когда он стал покрывать поцелуями шею. – Давай займёмся любовью посредственно. Тогда мы излечимся друг от друга. Будем скучными, неуклюжими и невнимательными, и тогда больше не захотим этого повторять. Что думаешь?

Его тихий смех потонул в ложбинке между её грудями.

– Думаю, ты не сможешь излечить меня от себя.

Меррит провела пальцами по его густым волосам, наслаждаясь роскошными прядями.

– Я буду просто лежать и вести себя очень скучно, – сказала она. – Тогда точно испорчу тебе веселье.

– Его может испортить только одно, – послышался его приглушённый голос, – если я чихну.

С губ Меррит сорвался смешок, но когда его рука принялась ласкать её тут и там, нежно разминая, поглаживая, любовно дразня, Меррит умолкла. Она оказалась абсолютно беззащитной перед ним. Теперь он знал о ней слишком много. Рот Кира сомкнулся на кончике её груди и начал его посасывать и покусывать. Меррит пронзила волна удовольствия. От одного прикосновения бедра распахнулись сами собой, как будто тело больше ей не принадлежало и подчинялось только Киру.

Сквозь бешеный стук сердца в ушах она услышала его тихое бормотание, пока он покрывал поцелуями и ласкал её языком.

– На вкус... ты такая сладкая ... Я не хочу останавливаться... Хочу ощущать его каждую ночь.

Прохладный воздух коснулся разгорячённой интимной плоти Меррит. Как неловко, Кир ещё не успел до неё дотронуться, а она уже источала влагу и набухла. Его руки были такими сильными, но кончики пальцев обводили замысловатые контуры с невероятной осторожностью. Меррит всхлипнула. Дразня её, он раздвинул тёмные кудряшки, а затем нежные лепестки. Если Кир лишь слегка коснётся вершины, Меррит достигнет самой мощной разрядки в своей жизни.

Но он этого не сделал. Его пальцы проворно блуждали между влажными створками, опускались вниз, обводили вход в тело, а потом, щекоча, прокладывали путь к тугой маленькой жемчужине, но лишь кружили вокруг, не прикасаясь к ней. О боже, Меррит вспомнила, как Киру нравилось оттягивать кульминацию. Но только не сегодня. Ей попросту этого не вынести. Она вся горела огнём и скоро умрёт, если сладкие муки не прекратятся.

– Кир... давай поторопимся. Ради твоих рёбер... Ты перенапряжёшься... И навредишь себе.

Он поднял голову, его голубые глаза искрились смехом.

– Мы начали всего пять минут назад.

– Прошло уже больше, – извиваясь, проговорила она, – Я просто уверена.

– Не беспокойся о моих рёбрах. Мы попробуем разные способы и выясним, какой лучше.

Он наклонился и поцеловал её в живот, задев подбородком треугольник кудрей. Кончик его языка коснулся её кожи, рисуя изящный узор. Бёдра Меррит колыхнулись, тщетно пытаясь уговорить его опуститься ниже. Всё тело будто молило: "Пожалуйста, вниз, вниз". Она чувствовала себя беспомощной, как кукла на шарнирах.

Меррит изнемогала, трепетала и дрожала, в то время как внутренние мышцы отчаянно сжимались вокруг пустоты.

С тихим болезненным мычанием Кир поменял их позы. Теперь они оба лежали на боку, а его голова была обращена к её ступням. Он приподнял её ногу и положил поперёк себя, а затем расслабился, издав звук похожий на мурлыканье. Почувствовав его дыхание между бёдер, Меррит застонала. Тяжело дыша, она облизнула пересохшие губы, собираясь произнести имя Кира, но испугалась, что может его прокричать. Когда он принялся осторожно поглаживать влажный вход в её тело, Меррит напряглась.

Она сосредоточилась на кончике его пальца, который сначала едва погрузился в пульсирующие глубины, а затем скользнул полностью внутрь и задвигался в очень медленном, очень ласковом ритме. Интимные мышцы сокращались при каждом вторжении, а живот приятно сжимался. Дыхание Кира слегка щекотало набухший, нежный бутон клитора. Божественно! Мучительно! Она хотела убить его. Какой же он подлый, порочный человек, сам дьявол во плоти. Меррит сообщила бы ему об этом, если бы могла говорить.

Он вставил ещё один палец, и где-то глубоко внутри загорелось пламя. Оно распространилось по всему телу, поднялось вверх, и опалило лицо, шею, даже мочки ушей. Испепеляющий жар обжигал под мышками, между пальцев ног, тыльную сторону коленей. Пальцы Кира осторожно изогнулись и замерли, а затем он наконец-то коснулся языком её лона и по-кошачьи быстро им задвигал. На Меррит обрушилось доселе невиданное удовольствие, настоящий экстаз без начала и конца. Блаженный долгий спазм, который всё не заканчивался.

Когда он вынул пальцы, её лона ещё больше увлажнилось. Одержимый её вкусом, он неустанно работал языком, вынуждая Меррит извиваться в муках

страсти. Она опустила голову рядом с пахом Кира, коснувшись щекой шелковистой кожи возбуждённой плоти. Меррит томно провела приоткрытыми губами по его длинному стержню. Кир вздрогнул, будто от удара током.

Воодушевлённая его ответной реакцией, она взялась за член рукой и провела по нему языком. Добравшись до головки, Меррит прижалась к ней губами и слегка пососала, пробуя солоноватый вкус. Кир охнул между её бёдер. Он раздвинул пальцами интимные створки шире, слегка прикусил набухшую напряжённую сердцевину и щёлкнул по ней языком. Меррит застонала, не выпуская член изо рта.

Кир внезапно отстранился, и задыхаясь издал нервный смешок.

– Ещё рано... Мерри, подожди ... Я не хочу заканчивать.

Он выбрался из постели и притянул Меррит к краю матраса. Под его руководством она склонилась над кроватью, опустив ноги на пол. Широко раздвинув её бёдра, Кир встал между ними.

Меррит покраснела, вцепившись в постельное бельё. Представ перед Киром в такой открытой позе, которая напоминала сцену со скотного двора, она чувствовала себя неудобно, даже немного нелепо. Меррит с тревогой задумалась, зачем ему предлагать такую позу, и, если она согласится, какое это будет иметь значение.

Он нежно погладил её напряжённую спину ладонью.

– Спокойно, сердце моё. Тебе не нравится?

– Я... никогда так не пробовала.

– А хочешь?

Меррит задумалась, слегка расслабившись под его успокаивающей рукой. Тот факт, что Кир чувствовал её дискомфорт и полностью оставлял выбор за ней немного успокаивал.

– Да, – ответила она и нервно рассмеялась. – Хотя я никогда не чувствовала себя так неприлично.

Кир склонился над ней, поставив руки по обе стороны от её рук. Тёплая поросль на его груди коснулась чувствительной кожи на её спине. Как приятно, как будто Кир защищал Меррит от опасности.

– Здесь нет ничего неприличного, – с улыбкой в голосе сказал он, – ни для одного из нас. В этом-то и вся забава.

Меррит поняла, что он прав. С этим мужчиной, который стал её любовником, она могла испытать настоящую близость и без стыда разделить самые интимные моменты. Она расслабилась ещё сильнее.

Кир поцеловал её сзади в плечо.

– Если тебе не понравится, – сказал он, – сразу говори, хорошо?

– Хорошо.

Он приподнялся, и его рука скользнула между её бёдер, поглаживая и раздвигая створки. Меррит почувствовала лёгкий толчок, Кир чуть изменил угол проникновения, а затем медленно, но настойчиво надавил на вход в её тело. Его член был твёрдым как сталь, но действовал осторожно и терпеливо. Она ахнула, её интимные мышцы расслабились, и широкий кончик проник внутрь, растягивая их дальше. Кир замер, поглаживая ладонями её бёдра и ягодицы.

Меррит сгорала от нетерпения, зная, какое последует блаженство. Она подалась назад, и Кир медленно погрузился внутрь неё, проникнув невероятно глубоко. Ничего подобного она прежде не испытывала. Он вошёл под нужным углом, коснувшись всех желанных местечек. Её плоть попыталась вцепиться в него, но он был таким большим, что потаённые мышцы лишь слабо пульсировали вместо того, чтобы полноценно сжиматься. К своему удивлению, она поняла, что находится на грани разрядки. Меррит была готова погрузиться в море одурманивающего удовольствия.

– Не спеши, – послышался голос Кира сквозь бешенный стук сердца. Его руки мёртвой хваткой вцепились в бёдра Меррит. По какой-то невероятной причине его попытка отсрочить пик её блаженства невыносимо возбуждала. Меррит попыталась пошевелиться, не в силах насытиться его твёрдым членом, хотя он и так заполнял её до предела. Приподнявшись на локтях, она изогнулась, отчаянно толкая бёдра назад.

Кир склонился над Меррит и усмехнулся у самого её уха. Он плотно прижимал её бёдра к своим, создавая лишь видимость движения, которого было совсем недостаточно. Очень нежно Кир укусил Меррит в шею и прошёлся по нежному местечку языком.

– Скажи, что тебе нравится, – прошептал он.

Меррит с трудом перевела дыхание и ответила:

– Очень нравится. Я хочу кончить... хочу иссякнуть... о, Кир, пожалуйста...

– Иссякнуть, – повторил он и улыбнулся, целуя её в плечо. – Мне нравится, как ты это называешь. – Кир отстранился на дюйм и приподнял бёдра. – Я хочу почувствовать, как тебе хорошо. Иссякни от удовольствия.

Она всхлипнула и изогнулась, наконец-то он начал двигаться, но всё равно этого было недостаточно.

– Ещё. Пожалуйста.

Ритмичные движения становились всё продолжительнее и решительнее.

– Мне ни с кем не было так хорошо, – проговорил он. – Ни с одной женщиной в мире. Только с тобой.

Кир обхватил ладонями её полные груди, и принялся пощипывать и тереть соски. Не грубо, но и не нежно. Немного неприятные ощущения каким-то образом только усиливали удовольствие. Его рука опустилась ниже и нащупала тугую вершинку, где сосредоточилось удовольствие. Ласкающие пальцы и ритмичные движения внутри довели Меррит до пика блаженства. Наслаждение затопило каждую клеточку тела и продолжило нарастать и обогащаться новыми красками. Разрядка оказалась настолько мощной, что лишила её разума и сил. Она лишь смутно осознавала, что Кир тоже достиг кульминации. Он тихо зарычал, прижавшись к ней губами, и по его телу пробежала сильная дрожь.

Его ласки после понравились ей чуть ли не больше, чем само занятие любовью. Кир расцеловал Меррит с ног до головы, шепча похвалы и нежности. В конце концов, он зажёл лампу у кровати и подошёл к умывальнику. Он вернулся со стаканом прохладной воды и влажным отрезом ткани. Меррит жадно осушила стакан и легла на спину, а Кир тем временем смыл с неё следы их интимной близости. Она могла бы и сама это сделать, но ей уж очень нравилось проявление такой заботы с его стороны. Её тело обмякло, как будто все кости пропитались мёдом.

Умывшись сам, Кир лёг в постель и прижал Меррит к своему здоровому боку. Она уютно устроилась на сгибе его руки и недоумённо нахмурилась, увидев маленький конверт в его руке.

– Что это? – спросила она.

– Кто-то подсунул его под дверь.

– Нас раскрыли, – сказала Меррит, заметив на конверте имя Кира, хотя письмо принесли в её комнату. Она смущённо усмехнулась и спрятала лицо у него на груди.

– Но как? Мы же вели себя тихо.

Весело хмыкнув, Кир вскрыл конверт.

– Оно от Кингстона, – сообщил он и, замолкнув, углубился в чтение.

Меррит подняла голову.

– Что там написано? – спросила она, не в силах понять выражение его лица.

– Герцогиня, Серафина и Айво вернулись из Парижа сегодня днём.

– Раньше срока? Интересно почему?

– Здесь не сказано. Но, похоже, они устали с дороги и устроят неформальный ужин в семейной гостиной, предоставив нас самим себе.

– Хвала небесам! – благодарно воскликнула Меррит. – Я просто не смогу спуститься к ужину. Попрошу принести поднос сюда. – Она слегка поморщилась, но заставила себя задать вопрос: – Дядя Себастьян упомянул что-нибудь об... этом?

– Нет, только просит, чтобы я завтра с ними позавтракал. Хочет представить меня герцогине.

Меррит бесцельно провела рукой по его груди и принялась тереть стальную цепочку.

– Ты страшишься встречи? – решила спросить она.

– Отчасти, – признал он. – С другой стороны, мне любопытно. Что бы ни говорили о Кингстоне, очевидно, он очень дорожит мнением жены.

– Так и есть. И она милая, добрая женщина. Герцогиня не поставит тебя в неловкое положение, обещаю.

Он сделал глубокий вдох и выдохнул.

– Ты переживаешь о том, что ждёт впереди, – догадалась Меррит.

Кир взял её руку, поцеловал тыльную сторону пальцев и провёл ими по своей щеке.

– Я не собираюсь думать об этом сегодня ночью, – ответил он и отложил письмо в сторону. – Сейчас ты в моих объятиях. И только это имеет значение.

– Кир. Кир, просыпайся. – Меррит села, нависая над ним и легонько встряхнула, настойчиво похлопав по щеке. – Мы проспали. Солнце взошло, и... О боже, должно быть, уже почти десять утра. Никто не пришёл, чтобы разжечь огонь в камине или принести чай. Я полагаю, они не знали, что делать, раз ты... и я не...

– погоди, – сонно пробормотал он, протягивая руку и касаясь пальцами её губ. – Слишком много слов в столь ранний час.

– Не такой уж он и ранний. Именно это я и пытаюсь донести. Тебе пора спускаться к завтраку. Наверняка, Каллеппер приходил, чтобы тебя побрить, но никого не нашёл в твоей спальне. Какой кошмар! Даже не знаю, что и... что ты делаешь?

Его длинная рука обвилась вокруг Меррит, Кир притянул её к своему мускулистому волосатому телу и заключил в тёплые объятия.

– Ты такая хорошенькая, взъерошенная и уютная со сна.

– Ты хоть что-нибудь услышал из того, что я сказала?

– Какая выдалась ночка, – пробормотал он, целуя её в шею и обхватывая ладонью обнажённую грудь. – Ты меня не пощадила, милая. Чудо, что я выжил.

– Это же ты не давал мне заснуть, – напомнила ему Меррит и ахнула, почувствовав прикосновение его утренней щетины к соску.

– Бедный мой цветочек, – покаянно проговорил Кир и накрыл раздражённый кончик бархатным поцелуем. По телу Меррит прокатилась волна удовольствия. – Не надо меня искушать.

Меррит осторожно провела пальцами по его ушибленным рёбрам.

– Тебе не больно?

– Самую малость, – признался он, покрывая лёгкими поцелуями её грудь. – Этого и следовало ожидать, после твоего дикарского поведения.

– Моего дикарского поведения?

– Ты скакала на мне, как на украденном коне, – заявил он и ухмыльнулся, когда она заёрзала под ним.

– Выпусти меня! – воскликнула она, стараясь не рассмеяться. – Твоя вариация утренней беседы ужасает.

Кир прижал Меррит к постели и устроился между её бёдер.

– Милая, я производитель виски. Если тебе важны красивые слова, нужно было переспать с поэтом.

Когда она почувствовала упирающуюся в живот горячую, возбуждённую плоть, её глаза удивлённо расширились.

– Опять?

– Это очень навязчивый недуг, – сообщил ей Кир.

– И, очевидно, неизлечимый. – Она обняла его и поцеловала в плечо. – Кир... нам пора вставать. Уже очень поздно.

Он опустил голову на подушку и прошептал ей на ухо:

– Как же может быть поздно, если восход – это ты? Твоё появление озаряет утреннее небо. Завидев тебя, жаворонки начинают петь. Бабочки расправляют крылышки. Новый день ждёт тебя, сердце моё, как урожай ждёт жнеца.

Пока она подумывала пересмотреть своё мнение о его умении вести утренние беседы, Кир раздвинул ноги Меррит шире и застыл у самого входа в её тело. Где-то глубоко внутри приятно заныло.

– Давай ещё разок, – уговаривал он.

– Даже не начинай, – запротестовала она. – У нас совсем нет времени.

– Дай мне пятнадцать минут.

Зная о том, как Киру нравится заниматься любовью неспеша, она бросила на него скептический взгляд.

– Тебе нужно побриться, умыться и одеться... – Пока она извивалась под ним, её пульс участился, а кровь закипела. Как можно устоять перед очарованием страстного голого мужчины в расцвете сил, который оказался с ней в одной постели. – Это действительно займёт всего пятнадцать минут? – слабо спросила она. На его лице промелькнула усмешка.

– Где твой секундомер? Можешь засекаешь. – Он опустил руку между их телами, и провёл вверх-вниз гладкой головкой члена по её возбуждённой плоти, раздвигая интимные створки, в то время как жёсткие волоски на его торсе дразнили грудь. Внезапно мир вокруг перестал существовать. Только бы Кир не останавливался! Она хотела, чтобы его обнажённое тело всегда прижималось к её, хотела вечно ощущать его аромат и искусные движения.

Держась за плечи Кира, Меррит издала тихий удовлетворённый стон. Он начал входить в неё, осторожно проникая внутрь и медленно растягивая потаённые мышцы. Её чувства были полностью поглощены Киrom, поэтому она не сразу обратила внимание на резкий стук.

Дверь с пугающим грохотом распахнулась. Не теряя ни секунды, Кир подмял Меррит под себя и прижал её лицо к своей груди. Резкое движение заставило его фыркнуть от боли.

– Меррит, дорогая, – услышался знакомый голос. – Я знаю, что это неожиданно, но... Ох.

Недоумённо моргая, Меррит выглянула из-за плеча Кира.

– Мама?

Глава 28

– Какого чёрта ты здесь делаешь? – спросил Себастьян, когда Маркус, лорд Уэстклиф, вошёл в утреннюю гостиную. Он отложил газету на сервированный к завтраку стол и кинул на старого друга озадаченный, раздражённый взгляд. – Не мог дожидаться, когда тебя объявят?

Едва ли существовал другой такой человек, которого боялись или уважали больше, чем Маркуса Марсдена, лорда Уэстклифа, унаследовавшего один из старейших титулов в Англии. Его графский титул считался настолько древним и почитаемым, что Уэстклиф превосходил даже Себастьяна по рангу, хотя Себастьян и был герцогом.

Их дружба зародилась во времена учёбы в школе-интернате, и хотя с тех пор много воды утекло, она всё ещё оставалась крепкой. Даже они сами не могли объяснить почему, ведь их характеры отличались как день и ночь. Уэстклиф был благородным и надёжным человеком, он мог разрешить любую проблему и придерживался твёрдых моральных принципов. А бывший повеса Себастьян частенько ими пренебрегал.

За эти годы их семьи провели столько праздников и летних месяцев вместе, что их дети считали друг друга кузенами. В результате между отпрысками Марсденов или Шаллонов не возникло романтических отношений, и все они в один голос утверждали, что идея кажется им в некотором роде кровосмесительной.

Теперь же брачный союз между Марсденами и Шаллонами мог стать возможным. Но вряд ли Уэстклиф придёт в восторг от перспективы союза между его любимой дочерью и незаконнорожденным сыном Себастьяна.

С хмурым видом граф подошёл к столу. Хотя прошедшие годы посеребрили сединой некогда чёрные волосы и углубили морщины вокруг носа и рта, Уэстклиф оставался здоровым и крепким мужчиной. Он не был высоким, всего на дюйм или два выше среднего роста, но мощные плечи и ноги в сочетании с природным упорством делали его противником, с которым не хотел связываться ни один здравомыслящий человек. Однажды вполне заслуженно попав под горячую руку Уэстклифа, Себастьян не испытывал ни малейшего желания повторять этот опыт.

– Где моя дочь? – спросил Уэстклиф.

– Здесь.

– В целостности и сохранности?

– Она в полном порядке, – ответил Себастьян. – Что ты так переполошился?

– Вчера утром я получил от Меррит телеграмму, в которой говорилось, что она прибудет в Стоуни-Кросс вечерним поездом. На поезд она не села и весточку не послала. – Уэстклиф подошёл к буфету, который был уставлен горячими блюдами под серебряными крышками, хрустальными вазами с нарезанными фруктами и тарелками с хлебом и выпечкой. Он взял из аккуратной стопки фарфоровую чашку и наполнил её кофе из серебряного чайника. – Почему она изменила планы?

Себастьян задумался, как бы лучше ответить.

– Она... решила пораньше отправиться в постель.

И, насколько ему было известно, Меррит оставалась в ней с Киром весь остаток дня и всю ночь. Себастьян решил не вмешиваться, зная, что некоторые проблемы лучше всего решать уединившись на время в спальне. Он мог лишь надеяться, что Кир проснулся пораньше и вернулся в свою комнату.

– Ты уже видел Меррит сегодня утром? – спросил Уэстклиф.

Себастьян покачал головой.

– Вероятно, она всё ещё в постели.

– Ненадолго. Лилиан отправилась на её поиски. Она пошла выяснить у слуг, в какой комнате находится Меррит.

В голове Себастьяна прозвенел опасный звоночек.

– Лилиан здесь? Одна бежит по дому? Боже милостивый, Уэстклиф, тебе не кажется, что вы немного погорячились, примчавшись сюда всего-навсего из-за того, что Меррит не села на поезд.

– Если бы дело было только в этом, я бы согласился. Однако мы с Лилиан обеспокоены слухами, которые дошли до нас два дня назад. – Размешав сливки и сахар, Уэстклиф повернулся с чашкой в руке и прислонился к буфету. – Я не имел ничего против, когда Меррит написала, что остановится здесь, чтобы помочь ухаживать за мистером Макреем. Хотя ситуация показалась мне неординарной, я решил довериться её суждению. Из всех моих детей Меррит самая уравновешенная и... Кингстон, почему ты устался на потолок?

– Интересно, в какой части дома сейчас находится Лилиан, – рассеянно проговорил Себастьян. Это её шаги наверху? Нет, сейчас всё тихо. Где же она? Что делает? Боже, ситуация крайне нервировала. – Так что за слухи?

– Что этот Макрей – не просто деловой клиент. Слухи намекали на романтические отношения и даже помолвку, что является абсолютной чушью. Никто из моих детей не совершит такую глупость, согласившись выйти замуж за практически незнакомого человека.

– Всякое бывает... – вступился было Себастьян, но резко замолчал, когда ему в голову пришёл другой вопрос. – Как, чёрт возьми, слухи успели так быстро долететь из Сассекса в Гэмпшир?

– Мы живём в век технологий, Кингстон, – сардонически заметил Уэстклиф. – Благодаря железным дорогам и оперативной почтовой связи слух в мгновение ока может охватить всю Англию. Один из твоих слуг, возможно, обмолвился словом с доставщиком, который рассказал владельцу магазина и так далее. Ближе к делу, это правда?

– Ты только что сам сказал, что это бред, – уклончиво ответил Себастьян, снова взглянув на потолок. Мысль о том, что Лилиан рыщет у него над головой никак не давала покоя. – Как я могу с тобой не согласиться.

– Раньше у тебя лучше получалось врать, – огрызнулся Уэстклиф, теперь уже забеспокоившись не на шутку. – Кто этот человек и что делает с моей дочерью? Он всё ещё здесь?

К счастью, их прервала Эви.

– Доброе утро, милорд.

Когда в комнату вошла Эви, лицо Уэстклифа смягчилось. Она выглядела свежо и прекрасно в платье цвета жёлтых нарциссов.

– Какой приятный сюрприз! – с лучезарной улыбкой воскликнула Эви. Она приподнялась на цыпочки и прижалась щекой к щеке графа.

– Прости за вторжение, моя дорогая, – ласково глядя на неё, сказал Уэстклиф.

– О чём речь, ты же член семьи.

– Не ожидал тебя здесь встретить, – заметил Уэстклиф. – Ты вернулась из Парижа раньше срока, или мне изменяет память?

Эви рассмеялась.

– Ваша память никогда не подводит, милорд. Я действительно вернулась раньше.

– Как поживают сэр Джордж и леди Сильвия? – спросил Уэстклиф.

– Благополучно устраиваются на новом месте. – Эви хотела развить тему, но Себастьян легонько коснулся её локтя. Она повернулась и вопросительно на него посмотрела.

– Лилиан здесь, дорогая, – сообщил он ей. – Бегает по дому без присмотра. – И многозначительно добавил: – В поисках Меррит.

По слегка округлившемся глазам жены он понял, что Эви обо всём догадалась.

– Пойду поищу её, – весело предложила она. – А потом мы вместе позавтракаем.

– Отличная идея! Я умираю с голоду, – донёсся с порога голос Лилиан.

Она выглядела потрясающе в алом дорожном платье и чёрном плаще. На её голове красовалась, чуть сдвинутая на бок, кокетливая красная шляпка с плюмажем. Даже родив шестерых детей, Лилиан оставалась стройной и шумной, как в молодости и не утратила бодрости духа и уверенной походки.

Эви и Лилиан горячо обнялись. Между ними, сестрой Лилиан Дейзи Свифт и жизнерадостной Аннабель Хант завязалась дружба больше трёх десятилетий назад. В то время они были отверженными обществом желтофиолями, обречёнными подпирать стены бального зала, пока все остальные танцуют. Но вместо того, чтобы соперничать за мужское внимание, они договорились помогать друг другу. И на протяжении многих лет ни разу не нарушили обещания.

– Ты нашла Меррит? – спросил Уэстклиф, когда Лилиан подошла к столу для завтрака вместе с Эви.

– Да, она ещё в постели. Спит. Очень крепко. Естественно в одиночестве. Но скоро спустится, – чересчур жизнерадостно ответила Лилиан. На её скулах загорелись два предательских ярко-розовых пятна.

"Чёрт побери", – мрачно подумал Себастьян. Наверняка, Лилиан застучала Кира в постели Меррит. И, без сомнения, посреди компрометирующей ситуации.

Однако, как преданная и любящая мать, Лилиан и словом не обмолвится. Наедине она может отчитывать детей сколько угодно, но на людях никогда себе такого не позволит. Она пойдёт на всё, чтобы их защитить.

– Я расспрашивал Кингстона, – сказал Уэстклиф Лилиан, – о клиенте Меррит, мистере Макрее.

– Он всё ещё здесь? – с наигранной невинностью спросила Лилиан.

– Собственно говоря, да, – без запинки ответил Себастьян. Он помог сестре за стол Эви, а Уэстклиф – своей жене.

Устроившись на стуле, Лилиан бросила на Себастьяна взгляд, который говорил, что жить ему осталось недолго. Он притворился, что ничего не заметил.

Уэстклиф сел рядом с Лилиан и забарабанил пальцами по столу.

– Почему Меррит привезла Макрея сюда? – спросил он Себастьяна. – Не лучше ли было ему восстанавливаться после ранения в Стоуни-Кросс-парке.

– Она сделала это по моей просьбе.

– Да? – Уэстклиф внимательно посмотрел на Себастьяна. – Какое отношение ты имеешь к Макрею?

Себастьян слабо улыбнулся. Из всего того, что он утратил за свою жизнь по собственной вине или по стечению обстоятельств, слава богу, дружбу с графом он всё же умудрился сохранить. В присутствии надёжного и логичного Уэстклифа любая проблема казалась разрешимой.

– Маркус, – тихо проговорил он. Обычно они никогда не обращались друг к другу по имени, но по какой-то причине сейчас оно вырвалось у Себастьяна изо рта само собой. – Это имеет отношение к тому делу, о котором я рассказывал тебе в прошлом году. В нём ещё замешана леди Ормонд.

Уэстклиф удивлённо моргнул.

– Это он?

Лилиан в замешательстве покачала головой.

– О чём речь?

– Я всё объясню, – сказал Себастьян. Пока он пытался придумать, с чего начать, Эви протянула изящную руку и переплела свои пальцы с его. Он опустил взгляд на их соединённые руки и провёл большим пальцем по золотистой веснушке на запястье жены. – Во-первых, – начал он, – позвольте всем напомнить, что в юности я не отличался примерным поведением.

Губы Лилиан скривились.

– Поверь, Кингстон... такое не забывается.

Глава 29

Себастьян объяснил, как он узнал о существовании внебрачного сына, и рассказал о событиях, которые приключились после прибытия Кира в Лондон. Он опустил лишь личные отношения между Киrom и Меррит, посчитав, что они касаются лишь их двоих.

– Подожди минутку, – где-то в середине рассказа прервала его Лилиан. – Вы все трое знали об этом целый год, но никто ничего мне не сказал? – Прочитав ответ на их лицах, она нахмурилась. – Эви, как ты могла утаить от меня такое? Ты предала кодекс желтофиолей!

– Я хотела тебе рассказать, – извиняющимся тоном проговорила Эви. – Но чем м-меньше людей знало, тем лучше.

Уэстклиф вопросительно посмотрел на жену.

– Что за кодекс желтофиолей?

Лилиан сердито глянула на мужа.

– Неважно, нет никакого кодекса желтофиолей. Почему ты не сказал мне, что у Кингстона есть внебрачный сын?

– Он попросил меня сохранить это в секрете.

– Но я же твоя жена!

Себастьян решил вмешаться.

– Я решил не делиться ни с кем, кроме Эви и Уэстклифа, – невозмутимо проговорил он. – Я знал, что если расскажу тебе, то ты только укоренишься в своём отрицательном мнении обо мне.

– И ты думал, что я использую это против тебя? – изумилась Лилиан. – Ты решил, что я буду бросаться обвинениями в столь трудное и волнительное для тебя время?

– Я предполагал, что всё возможно.

– После всего, через что мы прошли... после всех тех лет, которые наши семьи провели вместе... ты видел во мне противника?

– Я бы не стал так выражаться...

– Я бы отнеслась к тебе с пониманием, – огрызнулась Лилиан. – Ты должен был дать мне шанс. Я ведь дала тебе шанс тридцать лет назад, и... нет, не хочу слышать больше ни одного чёртового извинения. Попрошу заметить, что я простила прошлые обиды ради твоей дружбы с моим мужем. Если после всего этого я так и не заслужила твоего доверия, будь я проклята, если продолжу попытки.

– Какие попытки? – озадаченно переспросил Себастьян. Посмотрев в разъярённое лицо Лилиан, он увидел боль в её глазах и медленно произнёс: – Лилиан, ты хочешь со мной дружить?

– Да, эгоцентричный, тупоголовый придурок! – Лилиан вскочила на ноги, вынуждая мужчин тоже подняться. – Нет, не вставайте, – бросила она. – Я иду на прогулку. Вы трое можете закончить дискуссию без меня. Очевидно, вас это вполне устроит.

Она покинула комнату. Уэстклиф направился вслед за ней.

– Подожди, – остановил его Себастьян. – Это моя вина. Позволь мне её загладить. Пожалуйста.

Уэстклиф тихо выругался и уступил.

– Если ты расстроишь её ещё сильнее...

– Не расстрою. Доверься мне.

Друг неохотно кивнул. Себастьян вышел из утренней столовой и увидел, что Лилиан направляется к чёрному входу.

– Лилиан. Подожди.

Он быстро догнал её, но она отвернулась, и скрестив на груди руки подошла к ряду окон, выходящих в небольшой сад.

– Прости, – сказал Себастьян. – Я повёл себя как осёл. Ты не заслуживаешь такого обращения с моей стороны.

– Извинения приняты, – не глядя на него, пробормотала Лилиан.

– Я ещё не закончил. Нужно было разрешить Уэстклифу тебе обо всём рассказать. Мне и в голову не пришло, что я ставлю его в чертовски трудное положение, попросив хранить тайну от жены. Такой вот я эгоистичный ублюдок. За это я прошу у тебя прощения. Ты, без сомнения, достойна моего доверия, и я бы не возражал, если бы Уэстклиф поведал тебе мою тайну.

Плечи Лилиан расслабились. Она повернулась и иронично посмотрела на Себастьяна.

– Маркус никогда бы не обманул доверия, – сказала Лилиан. – Он всегда говорит правду и держит слово. Ты даже не представляешь, как это иногда утомительно.

Губы Себастьяна дрогнули.

– Представляю. С Эви тоже бывает нелегко. Она настаивает на добром отношении ко всем и пытаться всегда видеть в людях хорошее. Мне приходится жить с этим вот уже несколько десятилетий.

К счастью, Лилиан нехотя усмехнулась. Через мгновение Себастьян подошёл и встал рядом с ней у окна. Они вместе стали разглядывать цветник пурпурного гелиотропа и свисающие с ограждений для клумб каскады розовой плетущейся герани.

После неловкого, но не враждебного молчания Лилиан первая завела разговор:

– Должно быть, ужасно вдруг выяснить, что у тебя есть взрослый ребёнок. Знаешь, ведь это могло случиться и с Маркусом.

– С трудом могу себе такое представить.

– Не так уж это и удивительно. Можно соблюдать все меры предосторожности, но риск всегда остаётся. Как матери шестерых детей, мне это хорошо известно.

Себастьян бросил на неё унылый взгляд.

– Я всегда знал, что в будущем меня обязательно ждёт жестокая расплата за грехи. Но в своём высокомерии я не понимал, что за свои грехи ты никогда не расплачиваешься в одиночку. Люди, окружающие Кира, особенно те, кто его любят, тоже платят. Это самое плохое в данной ситуации.

Он ещё никогда настолько не открывал перед Лилиан душу.

– Не будь излишне к себе строг, – с нежностью ответила она. – С тех пор как ты женился на Эви, ты старался быть тем мужчиной, которого она заслуживает. По сути, ты так долго играл роль хорошего человека, что, мне кажется, уже в неё вжился. В конце концов, мы сами выбираем, кем становиться.

Себастьян посмотрел на неё с лёгким удивлением.

– Лилиан... это, возможно, самые обнадеживающие слова, которые мне довелось услышать с того момента, как всё полетело в тартарары.

– Вот видишь? Нужно было сразу мне всё рассказать, – заявила Лилиан с самодовольным видом.

Его губы дрогнули, а взгляд вернулся к окну.

– Уверен, что пожалею о своём вопросе, – сказал он, – но Кир был с Меррит, когда ты её нашла?

– Да, – мрачно ответила Лилиан.

– И они...

– Да.

Себастьян поморщился.

– Должно быть, увиденное поразило тебя в самое сердце.

– Меня поразило не столько увиденное, сколько безрассудство Меррит. Лечь с мужчиной в постель среди бела дня? Это совсем на неё не похоже. Она ведёт себя так, будто скандал не может её коснуться, хотя должна прекрасно понимать последствия.

– Как и Кир. Но они оба помешались. Ты же помнишь, как это бывает в начале романа.

Она поморщилась.

– Да, находит временное помешательство и губы вечно обветренные. – Скрестив руки на груди, Лилиан тяжело вздохнула. – Расскажи мне об этом молодом человеке. Он шёлковый кошелёк или свиное ухо⁵?

– Он золото. Большой, бесстрашный парень... привлекательный и сообразительный. Надо признать, манеры немного простоваты, и гигиена хромает: потребовались коллективные усилия, чтобы привести его в порядок. Но в целом, прекрасный молодой человек.

– Как он относится к Меррит?

Себастьян помедлил с ответом.

– Что творится между двумя влюблёнными, известно только им двоим. Но из того, что я видел, у их романа есть задатки многообещающего продолжения. Они ладят без труда. И вместе противостоят невзгодам. Многие браки начинались с гораздо меньшего, в том числе и мой.

Лилиан кивнула и погрузилась в размышления.

– Как насчёт брака? Готов ли он поступить с Меррит по чести?

– Он ради неё отрубит руку.

– Хорошо. Ей придётся выйти замуж за него. Или за кого-то другого. Меррит слишком часто нарушала светские условности с тех пор, как стала вдовой. Слухи об этих отношениях станут последней каплей. Как нам всем известно, высшее общество хлебом не корми, дай только разнести в пух и прах репутацию уважаемой женщины, нарушившей правила. – Она замешкалась. – Я беспокоюсь за неё.

За все годы их знакомства Себастьян ни разу не слышал, чтобы Лилиан признавалась в своих страхах.

– Меррит ничто не угрожает, – сказал он. – Десятки достойных мужчин завтра же сделали бы ей предложение, если бы она только пожелала. Но сдаётся мне, что ей нужен только этот.

Лилиан рассеянно покачала головой.

– Боже мой, Себастьян. Она с такой тщательностью выбрала себе первого мужа, а теперь связалась с мужчиной, которого едва знает и с которым у неё нет ничего общего.

– Общие интересы со временем появятся, – отметил он. – Куда важнее иметь схожие ценности.

– Да? И какие же у вас с Эви общие ценности? – беззлобно поддразнила Лилиан.

Себастьян на мгновение задумался.

– Мы с ней оба всегда хотели, чтобы я был счастлив. – Когда Лилиан от души рассмеялась, он предложил ей руку. – Не присоединиться ли нам к остальным?

⁵ Из свиного уха шёлкового кошелька не сошьёшь – старинная английская поговорка

– Нет, пойду прогуляюсь до бухты и немного поразмышляю. Можешь сказать остальным, что я снова обрела свой милый нрав и больше не пишу гневом. И не беспокойся о том, чего не в состоянии изменить. "Жить нужно, глядя вперёд". Маркус в последнее время часто повторяет эту фразу, но я никак не могу запомнить имя философа, который её сказал.

– Кьеркегор, – подсказал Себастьян. – "Жить нужно, глядя вперёд, но понять жизнь можно, только оглянувшись назад".

– Да, точно.

– Буду иметь в виду.

Лилиан импульсивно протянула ему руку, и он благодарно сжал её на мгновение.

– Заключим перемирие, старый друг? – мягко спросил Себастьян.

Губы Лилиан изогнулись в улыбке.

– По прошествии тридцати лет мы вполне можем попробовать.

Глава 30

Кир сидел у костра в песчаной бухте, наблюдая за тем, как кормятся прибрежные птицы. Чернозобики, ржанки и кулики семенили по мокрому песку, выискивая в нём моллюсков. Пернатые жалобно посвистывали и настороженно следили за чайкой, которая выкапывала зарывшихся ракообразных.

"Совсем скоро, – иронично подумал он, – мне самому придётся добывать пропитание вместе с птицами".

Кир умирал от голода. С утра ему удалось выпить лишь чашку чаю, которую подал Калпеппер перед тем, как его побрить.

Камердинер сказал, что лорд и леди Уэстклиф завтракают с герцогом и герцогиней. Предположив, что Кир к ним присоединится, камердинер принёс элегантный утренний пиджак, жилет и полосатые брюки из серой шерсти. Кир решительно отказался спускаться к столу. Он сообщил, что собирается в бухту, поэтому ему понадобится повседневная одежда и парусиновая обувь. Хотя старому слуге явно не понравилась эта идея, он повиновался.

Кир чувствовал себя трусом, который, вместо того чтобы встретиться лицом к лицу с Уэстклифами, тайком выскользнул из дома. Но ему не хотелось встречаться одновременно и с ними, и с герцогиней.

– Возможно, тебе стоит пока отсидеться здесь, – предложила Меррит Киру, – а я спущусь вниз и разузнаю обстановку.

Кир согласился особенно в свете того факта, что мать Меррит недавно застала их вместе в постели. Он ответил Меррит, что, скорее всего, прогуляется в бухту, где побудет в одиночестве, да и погода для этого располагала.

Если бы его ещё не съедал голод.

Вздохнув, Кир ткнул берёзовое полено. Оно погрузилось в бушующее пламя костра, и в воздух взмыло облако дыма и искр. Сквозь танцующие сверкающие блики он заметил выходявшего с тропинки на пляж человека.

Женщину в чёрном плаще. При виде Кира она остановилась, явно смутившись, что в бухте находился кто-то ещё.

Кир поднялся на ноги и неловко потянулся к шляпе, но вдруг вспомнил, что не надел её.

Женщина направилась к нему лёгким, бодрым шагом. Когда она приблизилась, он смог хорошо её разглядеть. Она была красива, с густыми тёмными волосами,

овальным лицом и весёлыми карими глазами. Женщина чем-то напоминала Меррит, но с менее пышными формами и удлинённой фигурой, будто её осторожно растянули примерно дюймов на пять вверх и вниз.

"Леди Уэстклиф", – догадался Кир, и в нём вспыхнуло смущение.

– Сигнальный огонь? – непринуждённо прокричала она с отчётливым американским акцентом. – Пытаешься спастись?

Она улыбнулась точь-в-точь как Меррит. Её нос едва заметно сморщился, а внешние уголки глаз слегка приподнялись.

Тревога Кира понемногу рассеялась.

– Да, – ответил он, – но только не уверен, от чего.

Она хотела что-то сказать, но вдруг остановилась как вкопанная. Её изумлённый взгляд скользнул вниз к его ногам и снова вверх.

– Твою мать, – пробормотала она себе под нос.

Кир беспомощно на неё уставился. Он никогда прежде не слышал подобных выражений от женщины.

Леди Уэстклиф закрыла рот.

– Прошу прощения. Просто ты выглядишь как...

– Знаю, – проговорил он с долей досады.

– Ты просто вылитый он в молодости, – всё ещё в замешательстве сказала она, – в те не самые лучшие для него времена, до женитьбы на Эви. – Она нахмурилась. – Но к тебе это, конечно, не имеет никакого отношения.

Кир кивнул, не зная, что на это ответить.

Разговор сдулся, как проколотый воздушный шарик. И они оба не знали, как вдохнуть в него жизнь.

– Миледи... Вы хотели со мной поговорить? – спросил Кир.

– Вообще-то, я пришла сюда, чтобы предаться размышлениям. Я не ожидала здесь кого-то встретить.

– Тогда я вас оставлю, – предложил он. – Разведу для вас огонь посильнее...

– Нет, пожалуйста, останься. – Она сделала паузу. – Что ты здесь делаешь?

– Прячусь.

Ответ её позабавил.

– Надеюсь, не от меня.

Её смех так сильно напоминал смех Меррит, что сердце Кира потянулось навстречу к леди Уэстклиф, как цветы навстречу солнцу.

– Я избегаю не только вас.

– Я тоже избегаю остальных.

– Хотите посидеть со мной у огня?

– Да, – сказала она. – Давай притворимся, что мы закончили вести светскую беседу, и сразу перейдём к нормальному разговору.

– Не так давно ты решила никогда больше не выходить замуж, – напомнил Меррит отец, пока они шли по утопленной тропинке к бухте. После завтрака они проговорили за чаем около часа, оставшись наедине в утренней столовой. От беседы с папой всегда становилось легче, он был прагматичным, отзывчивым человеком и обладал сверхъестественной способностью быстро улавливать детали и видеть последствия.

Меррит отправилась на поиски Кира, прихватив с собой маленькую корзинку для пикника, в которую сложила лёгкие закуски с буфета. Отец присоединился к Меррит, подозревая, что жена встретила в бухте Кира.

– Так и есть, – признала Меррит. – Я не представляла, зачем мне снова выходить замуж после смерти Джошуа. Не видела никаких причин. Но потом я встретила его,

и... мой мир перевернулся с ног на голову. Никто и никогда раньше на меня так не действовал. Я чувствую себя в десять раз живее. – Она смущённо рассмеялась. – Глупо звучит, правда?

– Все нет. Я тебя понимаю. Твоя мама действует на меня так же.

– Неужели?

Граф хрипло рассмеялся, вспоминая давние дни.

– Она была бесстрашной, беззаботной красавицей, необузданной, как необъезженная лошадка. Я знал, что единственная возможная жизнь, которую могу предложить твоей маме, ей не подойдёт. Но я просто потерял голову. Мне нравились энтузиазм и сердечность Лилиан, всё, что отличало её от меня. И решил, что если мы оба готовы рискнуть, у нас может получиться неплохой брак. Он оказался выдающимся.

– И ты никогда не сожалел об этом? – с опаской спросила Меррит. – Даже в глубине души?

– Никогда, – не раздумывая ответил он. – Без Лилиан я бы никогда не познал настоящего счастья. Я не разделяю общепринятого мнения, что у пары должны быть одинаковые вкусы и происхождение. Супружеская жизнь стала бы поистине скучной в отсутствие определённых трудностей, ведь без них не выловишь и рыбку из пруда.

Меррит улыбнулась.

– Я обожаю тебя, папа. Почти все мужчины меркнут по сравнению с тобой.

Они добрались до бухты и увидели, что мама и Кир сидят на пляже у потрескивающего костра. К радости Меррит, они вели дружескую беседу. Когда он бросил расколотое берёзовое полено в огонь, пламя вспыхнуло с новой силой и озарило Кира. От его вида захватывало дух: залитое золотистым светом сильное чувственное тело могло вполне принадлежать божеству. Кир находился в своей стихии: солнца, моря и ветра, который трепал его златокудрые волосы.

– Всё-таки мне думается, – сухо проговорил отец, – этому парню удастся не померкнуть в сравнении со мной. – Он сделал паузу, а потом добавил себе под нос: – Боже милостивый. В том, кто его отец, не может быть и тени сомнения.

Лилиан сидела на пляжном шерстяном одеяле и улыбалась им.

– Здравствуйте, мои дорогие. Милорд, это Кир Макрей. Мы с ним только что замечательно поболтали.

– Приятно познакомиться, Макрей, – поздоровался граф и отвесил безупречный поклон, Кир ответил тем же. – Похоже, нам нужно кое-что обсудить в свете последних слухов.

– Сэр? – осторожно проговорил Кир.

– Кингстон упомянул, что ты любитель рыбалки.

Кир заметно расслабился.

– Да, время от времени ловлю радужную форель в одном из озёр на Айлее.

– Я иногда ловлю на сухую мушку в меловом ручье в Гэмпшире. – Граф взглянул на Меррит и улыбнулся воспоминаниям. – Дочь пару раз меня сопровождала. У неё отличные способности, но вот интерес отсутствует.

– Мне не хватает терпения, – сказала Меррит. – Рыбе требуется слишком много времени, чтобы принять решение. Я предпочитаю ходить с тобой на охоту, это занятие требует гораздо меньше усилий.

– Ты хороший стрелок? – спросил Кир.

– Неплохой, – скромно ответила она.

– Лучший стрелок в семье, – добавила Лилиан. – Это сводит с ума её братьев.

Граф подошёл к жене и опустил на корточки так, что их лица оказались на одном уровне.

– Миледи, – сказал он, в его голосе появилась тёплая, нежная нотка, – Я пришёл спросить, не согласитесь ли вы послушать мольбы о прощении?

– Долгие? – заинтересованно спросила Лилиан.

– Симфония для одного мужчины. "Мольбы в ре-миноре".

Лилиан фыркнула от смеха. Она протянула мужу руки и с его помощью поднялась на ноги.

– Меня устроит короткая увертюра, – сказала Лилиан и, привстав на цыпочки, порывисто поцеловала графа.

Невзирая на приличия, он крепко поцеловал её в ответ. Не выпуская жену из объятий, граф сказал:

– Мы продолжим разговор позже, Макрей.

– Жду с нетерпением, – ответил Кир.

Когда родители ушли, Меррит села на одеяло. Жар от пламени костра вызвал у неё приятную дрожь.

– Надеюсь, мама тебя не шокировала, – сказала она, наблюдая за тем, как родители рука об руку идут к тропинке.

– Она очаровательная женщина, – ответил Кир, присаживаясь рядом. – И очень мне понравилась. Твоя мама меня не шокировала, хотя... ругается она как шотландский игрок в гольф.

– Боже. Неужели шотландские игроки такие богохульники?

– Да, ты нигде не услышишь такого сквернословия, как на поле для игры в гольф в Шотландии.

– На Айлее тоже играют?

Кир кивнул.

– Мой сосед Гордон Катах построил на своей земле поле для гольфа с девятью лунками.

– Гольф – цивилизованный вид спорта, – сказала она. Возможно, Меррит просто хваталась за соломинку, но её радовало любое упоминание о культуре, которая присутствовала на острове. – Звучит обнадеживающе.

Он рассмеялся.

– Я не хочу создавать у тебя ложное впечатление. Поле неровное и местами усеяно камнями, и нам обычно приходится убирать оттуда скот перед началом игры.

– Всё равно приятно узнать, что у вас есть поле для гольфа. – Меррит полезла в корзину для пикника и достала эмалированную жестяную фляжку с крышкой.

– Что это? – спросил Кир, когда она протянула её ему.

– Чай с мёдом. – Меррит снова засунула руку в корзину и вытащила свёрток. – Я подумала, что тебе понравится.

Развернув салфетку, Кир обнаружил внутри три пирожка с колбасками и миниатюрные запеканки с начинкой из колбасы. Его лицо озарила ослепительная улыбка.

– Мерри... – Он обхватил ладонью Меррит за шею, притянул к себе и страстно поцеловал, заглушая её смех.

После того как Кир съел выпечку и осушил фляжку с чаем, он обвил Меррит руками, вынудив её прислониться к нему спиной.

– Тебе удобно? – обеспокоенно спросила она.

– Удобно, если ты не будешь вертеться, – ответил он. – Обожаю держать тебя в объятиях, милая.

Она улыбнулась. Наполовину прикрыв глаза, Меррит смотрела на пламя, которое дрожало и трепетало на ветру. Кир нежно погладил её по шее и накрутил на палец выбившуюся прядь.

Прервав умиротворённое молчание, Кир лениво проговорил:

– Когда дела с лордом Ормондом будут улажены и опасность минует... поедем со мной на Айлей? Посмотришь на остров, чтобы понять, сможешь ли там жить.

– Думаешь, я была бы счастлива на Айлее?

– Не мне решать, что тебе необходимо для счастья. Ты мне расскажи, а я послушаю.

– Во-первых, мне нужен ты.

Он улыбнулся, прижимаясь губами к её волосам.

– Я у тебя уже есть, – сказал Кир. – Что ещё?

– Мне нужен уютный дом с просторными комнатами, чтобы моя семья и друзья могли меня навещать.

– Мой дом слишком мал, – с сожалением сказал Кир. – И хотя меня он устраивает, вряд ли понравится тебе.

Её пальцы скользнули в манжету его рукава и принялись поигрывать с блестящими волосками на руке.

– А что, если я захочу построить для нас дом на острове на свои деньги? Твоя гордость сильно пострадает?

Кир издал тихий смешок.

– Мне не впервой ею жертвовать. Я буду жить там, где ты захочешь, сердце моё. Но, возможно, нам и не придётся тратить твои деньги. Думаю, что смогу построить дом на свои.

Меррит осторожно повернула голову и вопросительно на него посмотрела.

Кир поцеловал её в висок и объяснил:

– Я уже говорил тебе, что хотел отказаться от наследства и уступить его лорду Ормонду. Но в то время я считал, что покидаю тебя навсегда. А теперь передумал. Я заберу всё, что завещала мне мать и извлеку из этого пользу. Мы можем начать с постройки дома.

– Прекрасная идея, – согласилась Меррит.

– Только наследство выражается в недвижимости для сдачи в аренду, которой нужно управлять. Я не собираюсь бросать свою винокурню, чтобы собирать арендную плату и проводить дни напролёт с работниками, – добавил Кир уже с меньшим энтузиазмом.

– Конечно, нет, – согласилась Меррит, повернувшись к нему лицом. Она погладила ладонью грудь Кира, словно пытаясь развеять его опасения.

– Мы можем нанять управляющих и пристально следить за их деятельностью. – Наклонившись ближе, она провела ртом по его рту. На губах остался горячий след, будто Кир её заклеил. – Мы найдём решение вместе.

Он поймал её запястье и посмотрел на Меррит с порочным блеском в глазах.

– Милая, если ты думаешь, что успокаиваешь меня лаской своей маленькой ладошки... то эффект прямо противоположный. Лучше прекрати, если не хочешь, чтобы я набросился на тебя прямо на пляже.

Меррит сморщила нос и рассмеялась.

– Ты не посмеешь, – сказала она. – Только не у всех на виду.

Кир потянул её руку вниз и положил на свой возбуждённый орган, выпирающий под брюками.

– Ты кое-что не знаешь о шотландцах, – сказал он. – Мы никогда не отступаем перед вызовом.

Кир, наверное, пошутил. Не иначе. Вот только его поцелуи говорили об обратном. Сначала он лишь дразнил Меррит, но вскоре принялся медленно и страстно терзать её губы. Она закрыла глаза и сосредоточенно нахмурилась от наплыва чувств. Кир обхватил ладонью щеку Меррит и осторожно наклонил её голову, завладев ртом под новым углом. На вкус поцелуи Кира были как чай с мёдом с лёгкой примесью его собственного уникального аромата.

Она обняла его за плечи, но поза была нелепой. Меррит неуклюже сидела между его бёдрами, прогулочная юбка перекрутилась и сбилась вокруг неё. А нижний край корсета, который немного загибался внутрь, впился в живот. Заметив, что ей неудобно, Кир изменил их положение и задрал юбки. Когда он подтянул её колени к своим, разводя их в стороны, Меррит поняла: Кир хочет, чтобы она его оседлала.

– Кир, – запротестовала она, беспокойно оглядываясь вокруг.

– Сядь мне на колени, – принялся уговаривать он. – Всего на несколько минут.

– Что, если кто-нибудь увидит?

– Никто не придёт.

– А вдруг, – настаивала на своём Меррит.

– Тогда нам лучше поторопиться.

Он слегка прикусил мочку её уха.

– Кир... – Меррит поёжилась и захихикала. – Здесь не место... Нет, правда...

– Здесь идеальное место, – возразил он, уткнувшись носом в её шею. – Поцелуй меня.

Она поддавалась искушению и прижалась губами к его губам, Кир с воодушевлением ответил. Под юбками его руки неугомонно расстёгивали и сдёргивали нижнее бельё, пока пояс панталон не опустился до бёдер, а шов на уровне промежности не распахнулся.

Меррит откинула голову назад и посмотрела на Кира. С её губ уже был готов сорваться протест. Но его глаза сверкали мальчишеским озорством, он выглядел так соблазнительно, что устоять оказалось попросту невозможно.

– Здесь до нас нет никому дела, – сказал он. – Я увижу, если кто-то будет выходить с тропинки. – Его рука скользнула между её бедер. – Ты никогда не делала этого на улице?

От нежных ласк по телу разлилось тепло. Говорить стало совсем трудно.

– Мне это даже в голову не приходило.

– На природе другие ощущения. Ветер и солнце ласкают кожу.

– А в панталоны набивается песок.

Кир тихо рассмеялся.

– Не будем покидать одеяло.

Он погладил и пощекотал края сомкнутых интимных створок. К её паху прилила кровь, в венах забурлило предвкушение. Палец Кира медленно проник внутрь. Извиваясь и ненадолго останавливаясь, он будто пытался пролезть в перчатку. Плоть Меррит смыкалась вокруг него, каждый раз, когда она расслаблялась, он продвигался всё глубже, пока наконец ладонь Кира не накрыла треугольник тёмных кудрей. Он принялся их массировать, а палец, тем временем, не прекращал томно скользить внутри.

Взгляд Меррит слегка затуманился.

– Нас поймут, – простонала она, корчась в муках страсти у него на коленях.

Кир медленно вынул палец.

– Тогда не будем медлить, – хрипло сказал он. – Расстегни мне брюки.

– Давай подождём.

– Я жду уже целую вечность, – сказал он, уткнувшись носом в её щёку. – С самого утра.

Меррит замешкалась и застенчиво оглянулась через плечо на пустой пляж.

Кир усмехнулся её нерешительности.

– Будь храброй, Мерри, – слегка поддразнил он. – Всего пять пуговиц и ты получишь желаемое. Просто протяни руку и... – Он резко вздохнул, почувствовав, как она схватила его возбуждённый член и расположила у входа в своё тело. – Да, – хрипло проговорил Кир, – это всё... только для тебя. Получай удовольствие.

Он придержал её за бёдра, пока она вбирала в себя его плоть. Меррит постаралась расслабиться и уступила напору крепкого твёрдого члена. Когда он полностью её заполнил, она дрожа остановилась. Лицо Меррит оказалось на одном уровне с лицом Кира. Все пульсации и вибрации, ощущения и их отголоски сосредоточились в том единственном месте, где под ворохом одежды соединялись их тела. Кир просунул руку под её ягодицы и уставился на Меррит своими необыкновенными глазами, светло-голубого оттенка. Они были такими яркими, что, казалось, будто из них летели искры.

Меррит легонько коснулась его лица кончиками пальцев и провела ими по высоким скулам, элегантным впалым щекам и квадратной челюсти. Она наклонилась и поцеловала красивые твёрдые губы. Нижняя имела более изогнутую форму, чем верхняя. От перемены положения тела Меррит пронзила вспышка удовольствия, а Кира, по-видимому, боль, он тихо охнул.

– О... прости, – начала она, но он покачал головой и весело выдохнул.

– Нет, любимая... Ты не сделала мне больно... – Он прижался лбом к её плечу, тяжело дыша. – Ты чуть не лишила меня последнего самообладания.

Она начала отстраняться, но он схватил её за бёдра и удержал на месте.

– Мерри, – отчаянно взмолился он, но в его голосе слышался смех, – ради всего святого, не двигайся.

Меррит прижалась лицом к густым золотистым волосам и послушно замерла. Что было весьма трудно, ведь ей так хотелось почувствовать его толчки внутри себя. Она старалась не напрягаться, но время от времени внутренние мышцы сильно сжимались вокруг его мужского органа, заставляя Кира тихо постанывать. Как странно и восхитительно сидеть вот так: слившись в объятиях и соединившись телами, а в это время морской бриз шелестит в траве на дюнах, и тихие волны плещутся о берег.

В конце концов, Кир поднял голову. На фоне раскрасневшегося лица его глаза показались ей совсем светлыми.

– Обхвати меня ногами за талию, – сказал он.

Кир помог ей сменить положение, и теперь Меррит тесно прижималась к нему, сидя на его согнутых коленях. Поза была на удивление удобной, но сковывала движения. Они могли лишь слегка покачиваться взад-вперёд, что не позволяло его члену выходить больше, чем на пару дюймов.

– Не думаю, что у нас получится, – сказала Меррит, обвивая руками его шею.

– Не спеши.

Он одарил её тёплым кокетливым поцелуем. Его рука скользнула ей под юбки и опустилась на обнажённые ягодицы. При каждом движении бёдер Кир прижимал Меррит ещё ближе к себе.

Испытывая неловкость, но в то же время получая удовольствие, Меррит упёрлась ногами в песок и оттолкнулась, чтобы увеличить темп. Давление в нужных местечках в сочетании с ритмичными покачиваниями производили ошеломляющий эффект. Всякий раз, когда она подавалась вперёд, полностью перенося вес на него, по телу пробегали волны невероятного блаженства. Напряжение нарастало,

приближалась мощнейшая кульминация. Меррит не могла опуститься на его член в полную силу, внутренние мышцы с жадностью поглощали каждый его дюйм, отчаянно сжимаясь, когда он выходил, словно пытаюсь удержать внутри. Единственное, что сейчас имело значение, это размеренные движения, которые с каждым разом усиливали наслаждение.

Почувствовав ответную реакцию её тела, Кир со свистом выдохнул сквозь зубы. Он вцепился в её ягодицы, беспрестанно притягивая к себе Меррит, пока наконец не довел её до разрядки, которая была сродни потере сознания. Из глаз посыпались искры, а в голове не осталось ни одной связной мысли. Когда она вернулась с небес на землю, то обнаружила, что всё ещё находится в его крепких объятиях, а его плоть так и оставалась возбуждённой. Меррит положила голову ему на плечо, жалея, что не может почувствовать вместо ткани пиджака разгорячённую кожу и поросль на груди Кира. Он погладил её бёдра и ягодицы ладонью, медленно прогоняя последний блаженный трепет. Кир поцеловал Меррит в шею, слегка прикусил и провёл по ней языком. А затем вновь принялся раскачивать свои мощные бёдра.

Меррит застонала. Для того чтобы пошевелиться, просто не осталось сил.

– Кир, я не могу...

– Я всё сделаю сам, – пробормотал он около её шеи. – Просто держись за меня, дорогая.

– Только ради тебя, – с трудом произнесла она. –

Я не смогу... ещё раз... я слишком устала.

– Я знаю.

Но Кир не сбавил темп. При каждом покачивании взад-вперёд его твёрдая плоть надавливала на чувствительные местечки, и Меррит вновь ощутила прилив желания. Она начала двигаться вместе с Киром. Он упёрся одной рукой в землю, а другой обхватил её зад, с каждым толчком прижимая Меррит к себе. Она дёрнулась, почувствовав, как его палец случайно скользнул в расщелину между ягодицами. Когда она крепко сжала его член внутри себя, изо рта Кира вырвался гортанный звук. Палец проник глубже, Меррит негромко вскрикнула в знак протеста, но её интимные мышцы снова крепко сжали его плоть. Кир застонал от удовольствия, продолжая вонзаться в неё, а она взвизгивала и извивалась в попытке уклониться от его наглого ласкающего пальца. Внезапно Меррит замерла и достигла пика, от которой у неё перехватило дыхание. В одурманивающем полузабытьи она почувствовала, что Кир напрягся под ней всем телом и его тоже захлестнула волна блаженства. Она обмякла на нём, тяжело дыша. Оказалось, что Кир лежит на спине. Он негромко посмеивался, от чего её голова слегка подпрыгивала у него на груди. Кир явно остался доволен собой.

– Рёбра не пострадали? – спросила она.

– Пострадали, – ответил он, не прекращая ухмыляться.

– Так тебе и надо, – едко парировала она. – Кир, если ты не уберёшь руку с моей пятой точки через три секунды...

Он подчинился и, подняв голову, улыбнулся ей.

– Мерри, моя милая, ненаглядная красавица. Ты моя джо, так есть и будет всегда.

– Твоя "джо"?

– Моя радость... моя возлюбленная... мой верный спутник и искра моей души. "Джо" – маленькое словечко с большим значением... оно идеально подходит для женщины, которая значит для меня всё в этом мире.

Глава 32

В течение следующих двух дней Кир пребывал в незнакомом для него состоянии острого счастья с эпизодическими приступами тревоги. "Глими", так шотландцы называли солнечный день, омрачённый редкими облаками или короткими ливнями. Прежнюю и новую жизнь Кира ничего не связывало. У него не возникало никаких трудностей. Его окружали сплошь незнакомые лица и голоса. Даже вещи, которые он носил, оказались новыми и странными. Но всё, что его окружало, было таким красивым и уютным. Киру безмерно это нравилось.

В некотором смысле было бы проще, если бы Шаллоны и Марсдены напустили на себя важность или притворились, что он недостоин их внимания. Тогда Кир смог бы держаться особняком и оставаться чужим среди чужих. Но не тут-то было, они оказались интересными людьми и вели себя дружелюбно и отличались душевной теплотой. Его просто очаровали двое младших Шаллонов, Айво и Серафина. Оба приветливые и обаятельные, но с врождённой способностью, унаследованной от отца, изрекать колкие замечания. "Бонмо", как называла эти остроты Меррит.

Они забросали его вопросами об Айлее, друзьях, собаке, винокурне и развлекли собственными историями. К счастью, Айво и Серафина с лёгкостью признали в Кире сводного брата несмотря на большую разницу в возрасте. Они выросли в достатке и никогда ни в чём не нуждались, им и в голову не приходило, что другой человек может представлять угрозу.

Шаллоны совсем не походили на те благородные семьи, в которых детей воспитывали в основном слуги, а родители редко проявляли интерес к своим отпрыскам. Члены этой семьи были близки между собой и в открытую проявляли любовь без малейшего налёта аристократической чопорности. Кир счёл, что в немалой степени это заслуга герцогини, которая не скрывала того факта, что её отец начинал как профессиональный боксёр. Эви не давала детям зазнаваться из-за их высокого социального статуса. Именно по её настоянию они познакомились с обыденной жизнью. Например, в обязанности Айво входило мыть собаку, а Серафина иногда сопровождала повара на рынок, чтобы пообщаться с местными торговцами.

Хотя Эви вела себя намного тише остальных членов семьи, когда она начинала говорить, все внимательно её слушали. Несмотря на мягкость, она обладала внутренней силой, благодаря чему стала центром мира Шаллонов. И она оказалась такой доброй, что просто не могла не понравиться Киру. Когда они впервые встретились, герцогиня сначала удивлённо на него посмотрела, а потом улыбнулась и обняла. Глаза Эви заблестели от слёз, как будто он был её давно потерянным ребёнком, а не Кингстона.

Через день после приезда Уэстклифов Кир в компании остальных мужчин сидел в утренней гостиной за ранним завтраком. За время знакомства с отцом Меррит Кир обнаружил в нём множество качеств, достойных восхищения. Как настоящий мужчина, граф любил охоту, езду верхом, рыбалку и стрельбу. Как и Кингстон, Уэстклиф загодя предвидел необходимость привлечения других источников дохода, помимо арендной платы за землю под фермерство в своём поместье. Он вложил деньги в промышленность и торговлю и сколотил приличное состояние, пока другие благородные семьи прозябали в нужде.

Посреди завтрака появился дворецкий и передал Кингстону послание на серебряном подносе. Кир никогда не видел телеграмму с печатью, поэтому настороженно наблюдал за тем, как Кингстон вскрывает её и читает.

Герцог слегка нахмурился.

– Итан Рэнсом приедет сегодня днём.

Уэстклиф допил кофе и проговорил:

– Чёрт возьми, самое время.

Кир взглянул на телеграмму в руке Кингстона.

– Рэнсом сообщает, что поймали человека из переулка? Или того, кто устроил пожар на складе?

Герцог покачал головой и протянул листок бумаги Киру.

– Предполагается, что оба преступления совершил один и тот же человек? – спросил Уэстклиф.

– Не обязательно, – ответил Кингстон. – Хотя, если намереваешься кого-то убить, лучше нанимать на это дело одного человека.

Тёмные глаза Уэстклифа сверкнули весельем.

– Такая осведомлённость пугает, – вежливо заметил он.

Губы Кингстона дрогнули.

– Не говори глупостей, Уэстклиф. Если бы я хотел кого-нибудь убить, то не отказал бы себе в удовольствии сделать это лично. – Он взял бокал с водой и лениво провёл большим пальцем по огранённой хрустальной поверхности. – Ставлю на то, что Рэнсом так и не поймал ублюдка. – Нахмурившись, Кингстон посмотрел на Кира. – Прошёл почти год со дня смерти Корделии. Как её душеприказчик, я должен явиться в Верховный суд послезавтра. Как только сообщу судьям, что сумел установить твоё местоположение, поверенные Ормонда сразу же попытаются поставить под сомнение тот факт, что ты сын Корделии.

– Мне нужно будет присутствовать в суде? – спросил Кир.

– Нет, лучше тебе пока оставаться вне поля общественного зрения. Мои поверенные представят доказательства твоей личности, включая больничные записи, показания свидетелей и все факты твоего рождения, которые мы сможем добыть... в результате мне придётся публично заявить, что именно я, – Кингстон замялся, – произвёл тебя на свет.

Кир тихо ахнул, его охватило мерзкое ощущение. Он отложил вилку, мгновенно потеряв аппетит. Эта сенсационная новость разлетится далеко за пределы Лондона. Кир, Кингстон и остальные Шаллоны тут же окажутся под всеобщим пристальным вниманием. Он внутренне содрогнулся, представив, какую приобретёт дурную славу, и всё из-за наследства, которое ему даже не нужно.

– После того, как я сообщу судьям о твоём существовании, – продолжил Кингстон, – Ормонд узнает, что ты выжил после взрыва на складе. И, чтобы завладеть наследством Корделии, ему придётся тебя убить до того, как Верховный суд вынесет решение в твою пользу.

– Сколько времени это займёт? – спросил Уэстклиф.

– Предполагаю, что пару дней. Если только они не захотят вызвать свидетелей на допрос, тогда рассмотрение дела может затянуться на неделю.

– Пусть поверенные займутся переговорами, – предложил Кир. – Я бы согласился разделить лондонскую недвижимость и отдать Ормонду половину.

Лицо Кингстона посуровело.

– Чёрта с два. Предсмертным желанием твоей матери было, чтобы всё досталось тебе. Кроме того, даже если ты отдашь Ормонду наследство целиком, он всё равно устроит на тебя охоту, как на лису. И никогда не остановится.

– Почему? – в замешательстве спросил Кир. – Зачем ему это, если вопрос наследства решится в его пользу?

– Мальчик мой, – тихо проговорил герцог, – мы все подчиняемся одному принципу наследования, который существует уже тысячу лет и основан на передаче всего имущества и титула старшему сыну. Он называется первородством. Тебе не понравятся мои слова. Однако, как только суд признает тебя законным сыном

Корделии, ты станешь полноправным наследником лорда Ормонда. Ты первый и единственный отпрыск мужского пола, а значит, следующий в очереди на титул виконта. Он сделает всё, что в его силах, чтобы этого не случилось.

Кир пришёл в такой ужас, что едва мог говорить.

– Но вы заявите в суде, что я ваш сын. Как они могут признать меня сыном Ормонда?

– Твоя мать была замужем за ним, когда родила тебя, – вмешался в разговор Уэстклиф, его лицо было серьёзным, но добрым. – Следовательно, по закону ты – сын Ормонда, даже если и не одной с ним крови.

– Но... все будут знать, что это ложь. Я даже никогда не встречал ублюдка!

– У закона есть свои недостатки, – печально сказал Уэстклиф. – Чтобы решение стало законным, ему не обязательно быть правдивым.

– Я откажусь от титула и поместья.

– Не получится, – отрезал Кингстон. – С дворянскими титулами такое не пройдёт. С таким же успехом можно попытаться изменить цвет глаз. Ты тот, кто ты есть, Кир.

Кира охватили паника и ярость. Ему показалось, что будущее вонзается в него, как челюсти стального капкана.

– Нет. Я знаю, кто я, но дело не в этом. Стать виконтом? Жить в большом сыром доме с бесчисленным количеством комнат и, боже, помоги мне, толпой слуг. Вдали от Айлея... Я не могу. И не буду. – Он вскочил и бросил салфетку на стол. – Я поговорю с Мерри, – пробормотал он и зашагал прочь из комнаты.

– Что ты собираешься ей сказать? – крикнул вдогонку Кингстон.

– Что у меня слишком много чёртовых отцов! – не оглядываясь, прорычал Кир.

Глава 33

Во второй половине дня Шаллоны и Марсдены собрались в гостиной наверху в ожидании Итана Рэнсома. Серафина и Айво отправились на вечерний чай с танцами к друзьям. Мероприятие называлось на французский манер "те дансан". Но, как сухо заметил Айво, настоящие французы никогда не употребляли этой фразы, только англичане, которые хотели походить на французов.

Когда Итан наконец прибыл в Херон-Пойнт и его проводили в гостиную, Меррит с беспокойством отметила для себя, что выглядит он неважно. Вид у него был измученный, под глазами залегли тени, а на лице проступили нехарактерные напряжённые морщины. Рэвенелы частенько подшучивали над железным здоровьем Итана и наполеоновской способностью подолгу обходиться без сна. Но он оставался обычным молодым человеком, взвалившим на свои плечи груз мирских забот, которые могли раздавить практически любого. И сегодня это было особенно заметно.

– Ты выглядишь как протухший хаггис⁶, – без обиняков сказал Кир, пожимая руку Итану.

Меррит поморщилась, Кир мог бы выразиться более дипломатично.

Итан ухмыльнулся, не обидевшись на его слова.

– Не всем же нежиться в роскоши, – парировал он.

⁶ Хаггис (англ. haggis) — национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов (сердца, печени и лёгких), порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке. В русской кухне есть блюдо, схожее по ингредиентам и способу приготовления — няня. Внешне хаггис похож на фаршированные животные кишки или домашнюю колбасу. Блюдо подают с гарниром «нипс и таттис» (пюре из брюквы и картофеля).

Кир печально кивнул.

– Да, со мной обращаются как с королём, но мне нужно как можно скорее вернуться к делам. Винокурня слишком долго простаивает. Мои работники, наверное, уже совсем распустились.

– Мои люди, вероятно, сговорились запереть меня в подвале, – сухо сказал Итан. – И я бы не стал их винить. Я не щадил парней.

– Поиски не дали результатов? – тихо поинтересовалась Меррит.

Губы Итана мрачно сжались в прямую линию. Он быстро мотнул головой.

– Пока нет.

Он отошёл обменяться любезностями с остальными присутствующими. Вскоре все расселись перед одним из двух очагов.

Кир занял место рядом с Меррит на диване, положив руку рядом с её рукой. Их пальцы, скрытые под массой тяжёлых юбок, ласково переплелись.

Кингстон стоял у каминной полки, свет от огня озарял его лицо. Он выжидающе посмотрел на Итана.

– Итак?

– Человека, которого мы ищем, зовут Сид Браунлоу, – начал Итан без предисловий. – Мы установили его личность по идентификационному номеру на кавалерийском ноже, который Макрей нашёл в переулке. Согласно записям Военного министерства оружие выпускалось ограниченной серией для специального подразделения Первого драгунского полка.

– Выдающийся полк, – заметил Уэстклиф. – Они участвовали в Балаклавском сражении во время Крымской войны.

– Да, – подтвердил Итан. – Хотя Браунлоу поступил на службу намного позже. Он был искусным стрелком и два года подряд выигрывал межполковые соревнования по стрельбе. Но его уволили в запас и отправили на пенсию ещё до истечения половины срока службы.

– Почему? – спросил Кингстон. – По инвалидности?

– В пенсионном перечне Военного министерства не значится причина ни увольнения, ни назначения пенсии, что крайне необычно. Однако один из моих людей просмотрел списки призывников и дисциплинарных взысканий и выявил факты злонамеренного поведения Браунлоу по отношению к другим солдатам в роте, за что его дважды помещали на гауптвахту. После увольнения он вернулся в Камберленд, где вырос. Его отец был егерем в большом поместье и помог ему устроиться на работу в конюшню.

Кингстон сжал челюсти, его глаза стали ледяными при упоминании Камберленда.

– Кому принадлежит поместье? – спросил он, хотя, судя по всему, уже знал ответ.

Итан утвердительно кивнул.

– Лорду Ормонду.

Тишину нарушили лишь несколько тихих восклицаний.

Меррит взглянула на бесстрастное лицо Кира. Он ничего не сказал, лишь накрыл ладонью её руку.

– К сожалению, этого недостаточно, чтобы предъявить Ормонду обвинения, – продолжил Итан. – Нам понадобятся показания Браунлоу. Я надеялся уже задержать и допросить его, но у нас больше нет зацепок. Я лично поговорил с отцом Браунлоу. Он утверждает, что ничего не знает о местонахождении сына, и я склонен ему верить. Ормонд не согласился на аудиенцию, но позволил расспросить большую часть домашнего персонала. Никто не признался, что заметил излишнее общение

между виконтом и Браунлоу. Обличающих финансовых операций в банковских записях тоже нет.

– Ваши люди следят за портами? – спросила Лилиан.

– За портами, железнодорожными станциями, магистралями и пограничными переходами. Я собрал особый отряд констеблей, детективов и береговой охраны для скоординированных действий. Мои агенты просмотрели судовые декларации, расписание поездов и списки постояльцев во всевозможных гостиницах. Мы даже проверили общественные конюшни и кучеров. Но это всё равно, что пытаться найти блоху в угольной шахте.

– Вы д-думаете, что он уехал из страны? – задала вопрос Эви.

– Ваша светлость, у меня такое чувство, что Браунлоу не покидал Англию и рано или поздно объявится. – После долгой паузы Итан перевёл взгляд на Кира. – С вашей помощью, Макрей... возможно, у нас получится устроить ему ловушку.

– Исключено! – вмешался Кингстон, не дав Киру ответить.

Нахмурившись, Кир посмотрел на герцога.

– Вы даже не знаете, каков план.

– Мне известно достаточно, чтобы понимать: ты в нём приманка, – сказал Кингстон. – Мой ответ – нет.

Кир повернулся к Итану.

– Расскажите, что вы замышляете, Рэнсом.

– Вы будете приманкой, – признал Итан.

– Продолжайте, – сказал Кир.

– Я хочу, чтобы вы через пару дней вернулись на Айлей, – сказал ему Итан. – Кингстон отправится в Верховный суд и раскроет там вашу личность и местонахождение, а Ормонд немедленно пошлёт кого-нибудь, чтобы с вами расквитаться. Однако я и двое моих агентов будем вас защищать. Как только Браунлоу или другой наёмный головорез ступит на вашу землю, мы его задержим.

– Это те же самые агенты, которым до сих пор не удалось задержать Браунлоу? – язвительно спросил Кингстон, перебив Итана.

– Мы уже обследовали землю Макрея и винокурню, – сказал Итан. – Они окружены полями с низкой растительностью без холмов и лесов, где можно найти укрытие. Кроме того, они находятся на западном полуострове, который соединён с островом узким перешейком. Прекрасное место, чтобы загнать злоумышленника в угол.

– И всё же, – сказал Уэстклиф, – вы предлагаете выставить Макрея, как гипсовую утку в стрелковом тире на ярмарке. Он всё ещё восстанавливается после ранения и не сможет себя защитить, кроме того...

– Я смогу себя защитить, – запротестовал Кир.

Кингстон бросил на него красноречивый взгляд.

– Сынок, давай не будем начинать всё сначала.

– Кроме того, – продолжил Уэстклиф, – Макрей не умеет стрелять.

Итан посмотрел на Кира в полном недоумении.

– Совсем?

Кир медлил с ответом. Меррит решила, что его удивило, когда Кингстон назвал его “сынок”. Остальные ничего не заметили, но она почувствовала, как его рука слегка дёрнулась.

– У моего отца было только одно оружие, – ответил Кир Итану. – Старое кремнёвое ружьё, которое он доставал раз в год, чтобы почистить и смазать маслом. Мы пытались из него пострелять, но ни один из нас так и не смог попасть в цель.

– Дульнозарядная кремнёвка? – ошеломлённо уточнил Итан. – На прикладе нет прицелов... Оно стреляет только круглыми пулями из гладкоствольного ствола ...

Сомневаюсь, что сам смог бы попасть из него в цель. Я бы побоялся даже пробовать, чтобы случайно не снести себе полголовы.

– Суть в том, – сказал Уэстклиф, – что вы предлагаете подвергнуть опасности раненого и безоружного Макрея. Меня это устраивает не больше, чем Кингстона.

– Я понимаю, – ответил Итан. Он посмотрел на Кира и откровенно сказал: – Я не дам вам гарантий, что всё пойдёт по плану. Могу лишь пообещать, что лично прослежу за вашей безопасностью.

Кир озадаченно кивнул. Он отпустил руку Меррит и подошёл к другому концу каминной полки, встав лицом к Кингстону. Их невероятное сходство ошеломяло.

– Сэр, – тихо проговорил Кир, – если я сейчас не рискну, мне придётся жить в страхе бог знает сколько времени, гадая, когда за мной придут. Невозможно постоянно иметь при себе полдюжины охранников или даже парочку. Я не могу так жить.

– Позволь мне поехать с тобой, – проговорил Кингстон.

По выражению лица Кира Меррит поняла, что его удивило и тронуло предложение герцога. Во внешних уголках глаз Кира собрались едва заметные морщинки.

– Спасибо, сэр... но я не могу представить, как у вас получится прожить в крошечной хижине с каменным полом несколько недель или даже месяцев.

Оглядев комнату, Меррит обнаружила на себе нежный, но пронизательный взгляд матери. Меррит почти не сомневалась, как поступила бы мама, окажись она в подобных обстоятельствах. Лилиан всегда была жизнерадостным и весёлым родителем. Создавала суматоху вокруг себя, иногда, поддавшись порыву, говорила слишком громко, но никогда не скрывала чувства к любимым. Мама всегда придерживалась принципа: "Давай попробуем и посмотрим, что получится". И единственное, что Меррит в детстве могла счесть за недостаток, это отношение мамы к правилам. О некоторых она не знала, а на другие плевать хотела.

Когда Меррит спросила её, как согласно правилам этикета следует поступить, если во время ужина случайно попадётся косточка, мама весело ответила:

– Если бы я знала. Я просто незаметно вынимаю её изо рта и кладу на край тарелки.

– Вилкой или пальцами?

– Правильного способа не существует, дорогая, просто делай это незаметно.

– Мама, всегда есть правильный способ.

Однако по прошествии лет стало ясно, что непочтительное отношение Лилиан к правилам оказалось одним из её лучших родительских качеств. Например, однажды Меррит вся в слезах прибежала к маме, потому что мальчишки не брали её играть в лапту.

Лилиан обняла Меррит и утешила.

– Пойду скажу им, чтобы они позвали тебя играть с ними.

– Не надо, мама, – прорыдала Меррит. – Они меня не берут, потому что я плохо играю. Я обычно не попадаю по мячу, а когда у меня получается, он никуда не летит. Они сказали, что у меня детские ручки. – Такого унижения она ещё не испытывала.

Но мама отлично понимала, насколько уязвима детская гордость. Она обхватила пальцами предплечье Меррит и сказала:

– Напряги мускулы. – Пощупав бицепс, Лилиан опустила перед Меррит на корточки. – У тебя очень сильные руки, дорогая, – решительно заявила она. – Ты ни в чём не уступаешь этим мальчишкам. Мы с тобой будем тренироваться до тех пор, пока ты не сможешь подбросить этот дурацкий мяч выше их всех.

В течение многих дней после этого разговора мама учила Меррит занимать правильную стойку, переносить свой вес на переднюю ногу во время замаха и как

завершать удар. Они работали над развитием зрительно-моторной координации Меррит и практиковались до тех пор, пока у неё не получилось легко и естественно отбивать мяч. И в следующий раз, играя в лапту, она набрала больше всех очков.

В детстве Меррит мама не скупилась на объятия, но тепло её рук, пока она помогала принять правильную стойку для удара по мячу, запомнилось больше всего.

– Я хочу, чтобы ты атаковала мяч, Меррит. Ожесточись.

Не все поймут, но “Ожесточись” была одной из лучших фраз, которые ей сказала мама за всю жизнь.

Внезапно Меррит стало ясно, как ей следует поступить.

– Итан, у тебя есть пистолет? – спросила она.

– Возможно, – ответил он.

– Выйдем на балкон?

Итан с готовностью последовал за Меррит к французским дверям. На балконе, который тянулся по всей длине главной части дома, стояла плетёная мебель с замысловатым узором.

Итан встал рядом с Меррит у перил, осматривая мощёную террасу, чьи ступени вели на бархатистую зелёную лужайку. От дома шла каменная подпорная стена, в конце которой стояла садовая ваза, увитая плющом. В центре сада возвышался фонтан. Его окружали каменные скамьи и коллекция декоративных фигур: зеркальный шар на основании из кованого железа, два обелиска во французском стиле, бронзовое изваяние из колец и кругов на пьедестале из песчаника и причудливая пара керамических кроликов на каменной стене.

Когда Кир подошёл к Меррит с другой стороны, она взглянула на него со слабой улыбкой, а потом снова обратилась к Итану.

– Могу я взглянуть на пистолет? – спросила она.

Итан озадаченно полез в карман пиджака и достал короткоствольный револьвер. Он ловко выдвинул шомпол, вынул барабан и его центральную ось из рамки. Рамку Итан передал Меррит, а барабан и ось положил на перила балкона.

В револьвере использовались патроны четырёхста сорок второго калибра, а это означало, что места хватало только для пяти.

– Для пистолета с таким коротким стволом пули слишком большого калибра, – заметила Меррит.

– Он предназначен для того, чтобы поражать противника с близкого расстояния, – ответил Итан, рассеянно потирая грудь. – Удар пули напоминает пинок мула.

– Почему у него скрыт курок?

– Чтобы не цеплялся за кобуру или одежду, если понадобится быстро вытащить пистолет.

Отвернув от себя дуло, Меррит собрала револьвер, вставила шомпол на место и ловко его зафиксировала.

– Молодец, – проговорил Итан, удивлённый её уверенными движениями. – Ты умеешь управляться с оружием, как я посмотрю.

– Да, папа меня научил. Могу я пострелять?

– По какой цели?

Остальные тоже вышли из гостиной на балкон.

– Дядя Себастьян, те керамические кролики на каменной стене представляют ценность? – спросила Меррит.

Кингстон слегка улыбнулся и покачал головой.

– Стреляй по ним.

– Подожди, – спокойно проговорил Итан. – До них двадцать ярдов. Тебе понадобится оружие большей дальности действия. – С особой осторожностью он

забрал у неё револьвер и спрятал его в карман. – Попробуй вот из этого. – Итан вытащил пистолет из кобуры на поясе, скрытой под пиджаком. Брови Меррит слегка приподнялись. На этот раз он передал ей револьвер, не потрудившись сначала его разобрать. – Он полностью заряжен, не хватает одного патрона, – предупредил Рэнсом. – Я поставил его на предохранитель, чтобы предотвратить случайный выстрел.

– Кольт одинарного действия⁷, – довольно проговорила Меррит, восхищаясь элегантным пистолетом, стволом длиной четыре с половиной дюйма и специальной гравировкой. – У папы есть такой же. – Она отвела курок и осторожно повернула барабан.

– У него мощная отдача, – предупредил Итан.

– Помню. – Меррит держала кольт опытным хватом, пальцы левой руки аккуратно помещались под спусковой скобой. – Прикройте уши, – сказала она, взводя курок и наводя прицел. И нажала на спусковой крючок.

Прозвучал оглушительный хлопок, из дула вырвалась вспышка, и одна из скульптур кроликов на стене разбилась вдребезги.

– Давай, Меррит. Избавь второго кролика от страданий, – послышался сухой комментарий отца в наступившей тишине.

Меррит взвела курок, прицелилась и снова выстрелила. Вторая скульптура кролика разлетелась на куски.

– Святая дева Мария, – удивлённо проговорил Итан. – Я никогда не видел, чтобы женщина так стреляла.

– Отец научил нас всех обращаться с огнестрельным оружием, – сказала Меррит, возвращая ему револьвер рукояткой вперёд.

Итан убрал пистолет в кобуру и долго не сводил глаз с Меррит. Он слегка кивнул, понимая, зачем ей понадобилась продемонстрировать свои навыки стрельбы.

– Всё зависит от него, – сказал Итан, его взгляд метнулся ей за плечо.

Меррит повернулась к Киру, который пристально смотрел на Итана своими холодными светло-голубыми глазами.

– Она не поедет со мной на остров, – решительно заявил он.

– Я могу не только стрелять по мишени, – сказала Меррит, – но и преследовать и охотиться на дичь из укрытия. Умею пользоваться подзорной трубой и полевым биноклем и хорошо определяю расстояние даже на открытой местности. И, в отличие от Итана и его агентов, я буду находиться от тебя в буквальном смысле на расстоянии вытянутой руки большую часть времени, в том числе и ночью.

– Меррит, дорогая, ты знаешь, что обычно я первая предлагаю послать приличия куда подальше. Но мне придётся напомнить, что ты не можешь оставаться в доме неженатого мужчины без... ну... – донёсся голос мамы от французских дверей.

– Я всё продумала, – сказала Меррит. – Мы можем по дороге захватить в Гретна-Грин, как это сделали дядя Себастьян и тётя Эви.

– Во-первых, – холодно проговорил Кир, – я ещё не сделал тебе предложения. Во-вторых, в Шотландии сейчас не устраивают свадьбы в обход английских законов. Всё изменилось двадцать пять лет назад. Люди должны пробыть в Шотландии не менее трёх недель, прежде чем им разрешат вступить в брак.

Меррит нахмурилась и пробормотала:

– Чёрт возьми.

Дядя Себастьян прочистил горло.

– Хотя... – Он притворился, что не заметил убийственного взгляда Кира.

– Да, дядя? – с надеждой проговорила Меррит.

⁷ Ударно-спусковой механизм одинарного действия: стрелку перед каждым выстрелом нужно отводить пальцем курок назад

– Существует древняя шотландская традиция под названием "брак по заявлению", – продолжил Себастьян, – которая всё ещё законна. Если объявите в присутствии двух свидетелей, что вы оба добровольно соглашаетесь стать мужем и женой, местный шериф⁸ зарегистрирует брак.

– Никакого периода ожидания? – уточнила Меррит.

– Нет.

– И брак считается законным за пределами Шотландии?

– Вполне.

– Как удачно, – обрадовалась Меррит.

Выражение лица Кира стало грозным.

– Ты со мной не поедешь, – сказал он. – Это моё последнее слово.

– Дорогой, ты не можешь сказать последнее слово, я это уже сделала, – рассудительно заметила она

Кир прищурился.

– Моё громче.

– Моё проворнее, – парировала Меррит. – Пойду собирать вещи.

Она выскочила из комнаты, не дав ему ответить. Кир отправился вслед за ней.

После того как они ушли, а Рэнсом отправился написать несколько телеграмм, Себастьян остался в гостиной с Уэстклифом, Лилиан и Эви.

Уэстклиф подошёл к Лилиан и обнял жену.

– Ну, что предложишь? – спросил он. – Запрём её в своей комнате или пригрозим лишением денег на булавки?

Губ Лилиан коснулась печальная улыбка.

– Не могу не спросить, не пожалел ли ты о том, что научил её стрелять.

– На мгновение, – признался Уэстклиф. – Но Макрей не отступится от своего слова. Это написано у него на лице.

– Мне жаль парня, – заметил Себастьян. – Несмотря на всю свою женственность, Меррит настоящая железная леди.

– Все три мои дочери одержимы идеей самостоятельно принимать решения. И были такими всегда, – иронично проговорил Уэстклиф.

– Мои тоже, – согласился Себастьян. – К моему большому разочарованию. – Заметив, что Лилиан с Эви переглянулись и улыбнулись друг другу, как будто подумали об одном и том же, он спросил: – В чём дело?

– Я вспоминала разговоры, которые мы вели с Аннабель и Дейзи, – ответила ему Эви, – о том, чему хотим научить наших дочерей.

Лилиан ухмыльнулась.

– Первое, с чем мы все сразу согласились: никогда не позволять мужчине думать за нас.

– Это многое объясняет, – сказал Себастьян. – Эви, сладкая моя, не кажется ли тебе, что следовало спросить меня, прежде чем забивать головы девочек подрывной философией желтофиолей?

Эви подошла к нему, обняла, и он положил подбородок ей на голову.

– Желтофиоли никогда не спрашивают разрешения, – с улыбкой в голосе проговорила она.

⁸ В Англии шериф — главный представитель правительства в графстве. Он назначается королевской жалованной грамотой на один год и выполняет административные функции, в том числе ведает полицией и уголовным розыском, надзирает за организацией выборов в парламент и исполнением судебных решений. В Шотландии характер должности иной, там судья-шериф — главный судья графства — назначается монархом пожизненно.

Кир проследовал за Меррит в её комнату и захлопнул дверь с чуть большей силой, чем требовалось. Меррит повернулась к нему, приоткрыла губы, но он остановил её жестом руки, не дав вымолвить и слова. Кир был зол, встревожен и взволнован. Он не хотел, чтобы она его успокаивала или уговаривала. Он хотел, чтобы она кое-что уяснила.

– Присядь, – хрипло сказал Кир, указывая на стул рядом с маленьким столиком.

Меррит подчинилась, расправила юбки и аккуратно сложила руки на коленях. Она спокойно наблюдала за тем, как он расхаживает перед ней взад-вперёд.

– С тех пор как я прибыл в Лондон, – сказал Кир, – меня прилично помутузило. Я лишился целой партии виски, включая последние бутылки "Сокровища Лахлана". Меня пырнули ножом и чуть не разнесли к чертям собачим. У меня обнаружился новый отец, на счёт которого я пока не знаю что и думать, и ещё один фальшивый, который пытается меня убить. Я узнал, что мне причитается куча недвижимости, в которой я не нуждаюсь, и, если проживу достаточно долго, дворянский титул, который уже ненавижу. Выяснилось, что я даже не шотландец. Но самое главное... Я впервые в жизни влюбился. – Он схватился за подлокотники кресла и опустил на колени, зажав её ноги между своими. – Мерри, я буду любить тебя, пока не испущу последний вдох. Ты должна понимать, что если с тобой что-то случится, это меня уничтожит. Как я могу позволить тебе рисковать собой ради меня? Как у тебя язык повернулся просить о таком?

– Я прошу, потому что люблю тебя. – У неё задрожали губы. – И хочу быть твоей спутницей жизни.

– Так и есть.

– Нет, ведь ты планируешь оставить меня, как это сделал Джошуа. Так спутники не поступают. Он пытался меня защитить, уехав, и разобраться с трудностями самостоятельно, хотя мы должны были столкнуться с ними вместе.

– Это не одно и то же, – возмутился Кир.

– А мне так не кажется.

– Нет ничего плохого в том, что мужчина защищает любимую женщину.

– Разве я не могу защищать любимого мужчину? Никто не станет спорить, что со мной тебе будет безопаснее.

– Я, чёрт возьми, стану!

– Что, если кто-то проникнет в дом ночью, пока ты спишь?

– У меня есть пёс. Он даст мне знать. А люди Рэнсома остановят незваного гостя задолго до того, как он попытается вломиться внутрь.

– Что, если злоумышленнику удастся проскользнуть мимо них? Что вы с Уоллесом сможете сделать, если он будет вооружён?

– Я научусь стрелять.

– Невозможно научиться стрелять за один день. Понадобится много часов практики, и даже после нельзя исключить непредвиденного случая, когда ты окажешься в ситуации неопределённости и подвергнешься огромному давлению. – Она наклонилась вперёд и обхватила ладонями его лицо. – Позволь мне поехать с тобой, – серьёзно проговорила она. Слабая улыбка тронула уголок её рта. – Я стану дополнительным ребром, которое защитит твоё сердце.

Кир резко отстранился, что вызвало укол боли в рёбрах, и выругался. Поднявшись на ноги, Кир кинул на неё взгляд, полный муки и досады.

– Не получится, Мерри.

Тень улыбки исчезла.

– Потому что ты сомневаешься в моих способностях, – констатировала она.

Кир покачал головой.

– Потому что ты и есть моё сердце.

Он развернулся и вышел из комнаты, пока ещё был в состоянии.

Глава 34

Кир бесцельно бродил по дому в невесёлых размышлениях. Если бы только Меррит поняла, что ставит его в безвыходное положение, всё было бы намного проще. Он не хочет везти её на остров не из-за того, что не уважает, а как раз наоборот. Её благополучие Кир выдвигает на первое место, потому что считает Меррит самым ценным человеком в жизни. Потому что так, в его понимании, должен поступать мужчина. И потому что он её любит.

Кир очнулся от раздумий, когда понял, что идёт по коридору, ведущему в кабинет, и услышал звуки голосов, доносящихся из открытой двери. Без задней мысли он остановился на пороге и заглянул в комнату. Внутри Кингстон и Уэстклиф вели непринуждённую беседу старых добрых друзей, между ними стоял поднос с графином бренди и хрустальными бокалами. Кир соскучился по посиделкам в таверне и разговорам с товарищами, соскучился по тем временам, когда после работы задерживался со своими работягами, чтобы пропустить глоток-другой виски. Такой конец дня они называли "ударным".

Кингстон поднял глаза и улыбнулся, увидев Кира.

– Входи, мой мальчик.

Выражение лица герцога изменилось, оно смягчилось и потеплело. Кира это обезоружило. Он удивился, что в ответ испытал чувство близости и облегчение в ожидании душевного разговора. Кир вдруг обнаружил, что ему начинает нравиться общество этого человека.

Войдя в кабинет, он остановился перед Уэстклифом, зная, что нужно как-то обсудить отношения с Меррит.

– Сэр, – сказал он и неловко откашлялся. – Ранее... Меррит дала понять, что я уже сделал ей некое предложение и получил утвердительной ответ. Но я бы не поступил так, предварительно не обсудив вопрос с вами.

Выражение лица графа было трудно прочесть.

– Согласие отца не требуется в случае, если вдова выходит замуж повторно.

– Оно требуется мне, милорд, – ответил Кир. – Если вы считаете, что я стану для неё неподходящим мужем, ваше право об этом заявить, и я обязан прислушаться к вашему мнению.

Уэстклиф окинул его задумчивым взглядом.

– Без надобности перечислять очевидные трудности, с которыми вы оба столкнётесь. Лучше я спрошу, как ты планируешь с ними справляться.

Кингстон взял свой бокал бренди и встал.

– Боже милостивый, – весело проговорил он, – если разговор принимает такой поворот, плесну парню спиртного. Присаживайся в моё кресло, Кир.

Кир подчинился и сел напротив графа.

– У меня ещё нет продуманного плана, – признался он. – Но я сделаю всё возможное, чтобы защитить Меррит и позаботиться о ней. Она ни в чём не будет нуждаться. Я стану прислушиваться к мнению Меррит и относиться к ней как к верной спутнице жизни. Я буду очень усердно работать и пожертвую всем, чем придётся. Если ей не понравится жить на Айлее, мы поселимся в другом месте.

Герцог отдал ему бокал бренди и присел неподалёку на массивный стол из красного дерева.

Уэстклифа поразили последние слова Кира.

– Ты готов уехать с острова? И у тебя нет сомнений, что Меррит стоит таких жертв?

– Конечно. Такой, как Меррит, больше нет на свете. И я ни на минуту не перестану радоваться, что она у меня есть.

Кир впервые наблюдал у Уэстклифа такую естественную и широкую улыбку.

– Если ты говоришь так после её сегодняшнего выступления, думаю, вы поладите.

– Я горжусь тем, что она прекрасный стрелок, – заверил его Кир. – Но ей не нужно ничего доказывать. Я никогда не подвергну её опасности.

– Ты прекрасный молодой человек, – сказал граф. – Как бы то ни было, я всецело поддерживаю ваш союз. Однако брак с одной из Марсденов может оказаться непростым делом, даже с такой добродушной женщиной, как Меррит. Позволь мне поделиться с тобой толикой с трудом обретенной мудрости...

– Будьте любезны, – с готовностью согласился Кир.

– Я довольно часто объезжаю своё поместье верхом, – сказал Уэстклиф. – И на каком бы коне ни скакал, я частенько отпускаю поводья, чтобы животное само нашло баланс и выработало собственный аллюр. Я неоднократно встречал слишком властных наездников, которые ни на минуту не давали лошади свободы действий и постоянно её подгоняли. Даже лёгкое движение головы или секундная заминка порицались. Чтобы подчинить коня, люди используют разнообразные мучительные удила, шпоры и ремни. Некоторые лошади выдерживают такое обращение, но большая часть гибнет. А у тех, что остались в живых, навсегда сломлен дух и испорчен характер. Позволь лошади быть лошадьёю. – Он сделал паузу. – Понимаешь, к чему я клоню?

– Да, милорд.

– Обязательно было использовать аналогию, Уэстклиф? – спросил Кингстон. – Ты мог бы просто сказать: "Пожалуйста, относись по-доброму к моей упрямой дочери и не сломи её волю".

– Привычка, – ответил граф. – Ни один из моих сыновей не обращает внимания на мои слова, если только речь не заходит о лошадях. – Он допил бренди и отставил пустой бокал в сторону. – Я откланиваюсь. Поговорите наедине, – сказал Уэстклиф и встал. По дороге к выходу он добавил: – Кстати, если вдруг всплывёт, что объясняя, как обращаться с моей дочерью, я использовал аналогию с лошадьёю, у меня не останется другого выбора, кроме как заявить, что это откровенная ложь.

– Понял, – сказал Кир и спрятал ухмылку в своём бокале.

– Если не возражаешь, позволь задать вопрос, – проговорил герцог после ухода Уэстклифа, всё ещё не отходя от стола, – чем закончился разговор с Меррит?

Кир бросил на него обречённый взгляд.

– Если я не возьму её с собой на Айлей, то это почему-то докажет, что я не ценю Меррит, как спутницу жизни.

– Яркая черта Марсденов, – сухо сказал Кингстон. – Каждый из выводка Уэстклифа мечтает тем или иным способом спасти мир.

– Но я не беру её, как раз потому что ценю.

– Со временем она поймёт.

– Надеюсь. – Кир сделал ещё один глоток бренди и коротко вздохнул. – Ей не раз представится возможность спасти мир в ближайшие месяцы и годы.

Герцог скрестил свои длинные ноги, рассеянно разглядывая кончики начищенных туфель.

– Кир ... Думаю, что от части понимаю твои чувства. Мне особенно знакомо то ощущение, когда сталкиваешься с горой обязанностей, к которым совершенно не готов. Тем не менее ты без сомнения со всем справишься. В конце концов, найдёшь

управляющих недвижимостью. Между тем, не могу представить себе более подходящую женщину, чем Меррит, которая поможет тебе разобраться с делами.

– А как же её окружение? Эта славная публика.

– Что с ними?

– Сильно они усложнят ей жизнь за то, что она вышла замуж за человека ниже себя по положению?

Кингстона слегка удивили его слова.

– Ниже? Твоё положение выше, а родословная именитее, чем у неё. Ты не только сын герцога, но и по материнской линии приходишь из древнего саксонского рода.

– Но мои манеры, внешний вид, образование...

– Не имеют значения. Общество, прежде всего, уважает происхождение. Поэтому они будут относиться к тебе в высшей степени лояльно. Впадёшь в безумие, назовут тебя очаровательным эксцентриком. Станешь вести себя как тупица, похвалят за отсутствие притворства.

По лицу Кира расплзлась неохотная ухмылка.

– Что бы тебе ни понадобилось, – сказал Кингстон, – совет, связи, деньги, что угодно, обращайся в любое время. Я всегда к твоим услугам. – Он сделал паузу. – Позже, когда представится возможность, я хочу познакомить тебя с двумя другими твоими братьями. Они тебе понравятся. Вы с Габриэлем очень похожи по темпераменту. Он женился на девушке из семьи Рэвенел, она само очарование...

– О, Пандора, обожаю её! – раздался новый голос. Они оба посмотрели на порог, где стояла Серафина. – Она очень остроумная и весёлая, и немного странная в самом хорошем смысле слова. – Стройная красавица в зелёном платье с блестящей золотисто-рыжей косой, перекинутой через плечо, напомнила Киру русалку. – Могу я прервать вас на минутку? – спросила она, лучезарно улыбаясь им обоим. – Мне нужно показать Киру нечто важное.

Кингстон жестом пригласил её войти, а Кир начал подниматься на ноги.

– Нет, сиди, где сидишь, – остановила его Серафина и присела в кресло рядом. У неё на коленях лежал сложенный листок пергамента. – Фиби оставила записку с просьбой просмотреть книги с нашей родословной, чтобы выяснить, были ли у нас шотландские предки. Со стороны твоей матери она их не нашла и сказала, что ты расстроишься, если со стороны отца их тоже не обнаружится.

Удивлённый и тронутый заботой обеих сестёр, Кир с улыбкой покачал головой.

– Не переживай по этому поводу, Серафина. Я решил, что мне достаточно быть шотландцем в душе.

– И всё же, тебя ведь обрадует, если я скажу, что в нас течёт немного шотландской крови? – спросила она, и её глаза заблестели. – Потому что я обнаружила, что в нашем генеалогическом древе действительно присутствует шотландец! Мы упустили это из виду, потому что он не прямой наш родственник. Мне пришлось проследить нашу родословную не только по мужской, но и по женской линии. Но мы совершенно точно и бесспорно произошли от шотландца, который был нашим прапрапрапра... ну, скажем, восемнадцать раз прадедом. И только посмотри, кто это! – Серафина развернула пергамент, на котором было нарисовано длинное генеалогическое древо. А на самом верху значился...

Роберт Первый.
Король Шотландии.

– Роберт Брюс?

Сердце в груди Кира воспарило к небесам.

– Да! – радостно воскликнула Серафина, вскакивая и подпрыгивая на месте.

Кир рассмеялся и встал. Он наклонился и поцеловал её в щёку.

– Одной капли крови Роберта Брюса вполне достаточно. Я невероятно счастлив. Спасибо, сестрёнка. – Кир протянул ей листок пергамента, но она покачала головой.

– Оставь себе, если хочешь. Разве не замечательная новость? Пойду расскажу Айво, что мы шотландцы! – И она с триумфом покинула комнату.

Кир усмехнулся, сложил листок и сунул его в карман. Кингстон тоже с трудом подавил улыбку и допил бренди.

– Я хочу попрощаться с вами наедине, – сказал Кир. – Я уезжаю завтра на рассвете.

Герцог настороженно на него посмотрел.

– На день раньше?

– Так будет проще, – сказал Кир и робко замолчал. – Я хочу поблагодарить вас за то, что сохранили за мной наследство матери. Вы держали оборону целый год, даже не зная, найдёте ли меня.

– Я знал, что найду тебя, – тихо проговорил Кингстон. Он резко развернулся, с деловым видом подошёл к столу с другой стороны и выдвинул ящик. Герцог достал визитную карточку, взял ручку из резного агатового держателя и открыл чернильницу. – Это мой лондонский адрес, – сказал он, записывая его на гравированной карточке, – и имя управляющего клубом, который всегда знает, где меня найти. Пошли телеграмму, если тебе что-нибудь понадобится. Что угодно. Я... – Он замолчал, отложил ручку и замешкался на мгновение, беря себя в руки. – Трудно отпускать тебя, зная, что Ормонд пошлёт за тобой убийцу.

– Лучше пусть меня подстрелят, – сказал Кир, забирая у него карточку, – чем я проведу весь день в суде, как вы.

Кингстон невесело усмехнулся.

Кир надолго задумался, а потом принял решение. Чувствуя себе неловко и отчасти по-идиотски, он подцепил пальцем цепочку на шее и выудил золотой ключик. Кир прочистил горло и нарочито небрежно проговорил:

– Я тут подумал... у вас всё ещё... – Он замолк, увидев, как Кингстон потянулся к карману жилета. Присущее герцогу проворство его подвело, когда он принялся отстёгивать цепочку от часов. – Это всего лишь формальность, – пробормотал Кир.

– Если ключ не подойдёт, – спокойно сказал Кингстон, отвернув лицо, – это не будет иметь никакого значения. Кто знает, ведь она могла отдать не тот ключ.

– Да.

Но сердце Кира забилось в бешеном ритме, его гул отдавался где-то в горле. Кингстон передал ему цепочку, с которой свисал замок в форме сердца. Кир взял её и с огорчением обнаружил, что руки слегка трясутся. Но у него всё-таки получилось вставить и повернуть ключ.

В комнате раздался тихий отчётливый щелчок.

Замок открылся и отсоединился от цепочки, как и ожидал Кир. Причин поднимать шумиху не было. Но глаза и нос защипало, комната превратилась в расплывчатое пятно, и Кир опустил голову. В горле встал ком, и ему пришлось откашляться.

В следующее мгновение Кингстон обхватил одной рукой его затылок, а другой сжал плечо, и притянул к себе. Это было не совсем объятие, но надёжная, немного грубоватая хватка очень его напоминала. Сквозь прерывистое дыхание Кир услышал нетвёрдый голос Кингстона.

– Ты всегда будешь сыном Лахлана Макрея. Но и моим тоже. – Он замолчал, а потом хрипло добавил: – Ты можешь быть и моим тоже.

– Да, – прошептал Кир. И на него вдруг снизошло умиротворение.

Меррит с трудом очнулась ото сна. Её одолевала такая усталость, что трудно было даже перевернуться в постели, как будто в одеяла зашили свинцовые гири. Она медленно приходила в себя, пытаясь сбросить остатки сладострастного сна о том, как они с Киром занимались любовью.

Вот только... это был не сон? Нет, Кир пришёл к ней в комнату посреди ночи и не дал вымолвить и слова. Он поцеловал каждый дюйм её тела, пока снимал с неё ночную рубашку. Меррит резко распахнула глаза. Оглядев комнату, она увидела, что ночная рубашка аккуратно сложена на соседнем стуле. Гадая, заметила ли это горничная, Меррит ещё глубже зарылась в одеяло. К счастью, горничная вскоре молча вышла и закрыла за собой дверь.

Обнажённая Меррит пребывала в блаженной неге, кончики грудей слегка саднило. Нежная плоть между ног оставалась чувствительной после того, как Кир всю ночь ласкал её, целовал, покусывал и дразнил. Вспомнив удовольствие, которое он ей доставил, Меррит поёжилась и по телу побежали мурашки. Находясь сверху, Кир размеренно двигал бёдрами. Он излучал силу и заявлял на Меррит права, вонзаясь в неё восхитительно глубоко и бесконечно долго. После, совершенно выбившись из сил, она пробормотала, что им нужно обсудить планы и провести следующий день в сборах для поездки на Айлей, и ей жаль, если он недоволен тем, что она настояла на своём. Кир не дал ей договорить, прижав к своей твёрдой волосатой груди. Вскоре Меррит начала вздыхать и зевать. На этом воспоминания обрывались.

Сквозь ставни в комнату проникал яркий солнечный свет. Как долго она спала?

Меррит потянулась и начала переворачиваться...

Внезапно она вздрогнула от того, что по руке скользнул какой-то предмет. Нашупав его, Меррит поняла, что это цепочка.

Браслет?

Меррит второпях выбралась из постели и, схватив ночную рубашку, натянула её на себя. Она поспешила к окнам, открыла ставни и в потоке солнечного света уставилась на браслет. С запястья свисала золотая цепочка для часов, застёгнутая крошечным золотым замком.

Меррит обуяли сотни эмоций, и все они были пронизаны паникой.

Кир уехал без неё.

Меррит захотелось что-нибудь сломать. Закричать. Как он мог уехать, не сказав ей? И что теперь делать?

В голове всплыли всего два слова:

"Ожесточись, Меррит".

Глава 35

Меррит довольно сносно перенесла долгое железнодорожное путешествие в Глазго. Однако после поездки на пакетботе по озеру Лох-Файн, а затем на другом пароходе по заливу Уэст-Лох-Тарберт она почувствовала усталость и лёгкую тошноту. Жаль, что не получалось насладиться прогулкой по пресноводному заливу на красивом чёрно-белом колёсном судне, украшенном полосатыми навесами над зоной отдыха на палубе. Но Меррит совершила ошибку, сначала спустившись в просторную женскую каюту. От лёгкой качки желудок взбунтовался. Она встала с шезлонга и подошла к перилам, надеясь, что прохладный ветерок поможет освежиться и унять дурноту.

– Миледи? – послышался нерешительный голос за спиной. Меррит обернулась и увидела приближающуюся пожилую пару. Привлекательная полная женщина в

полосатой юбке и тёмно-зелёном дорожном плаще, была ей незнакома, но морщинистый худой мужчина с копной серебристых волос, выглядывающей из-под кепки, кого-то напоминал. И тут Меррит вспомнила, что он один из работников винокурни, которые вместе с Киrom приехали в Лондон.

– Мистер Слорак, – представился он, похлопав себя по груди, – а это моя жена Фиа.

– Мистер Слорак! – воскликнула Меррит, выдавив слабую улыбку. – Рада снова с вами встретиться. Миссис Слорак... Очень приятно...

– Не могу поверить своим глазам! – воскликнул мужчина. – Откуда взяться такой важной даме на тарбертском пароходе.

Поморщившись, Меррит снова повернулась к воде.

– О боже, – хрипло проговорила она. – В данный момент не такая уж и важная. Как унижительно, мне очень... – Перегнувшись через перила, она тяжело задышала, обливаясь потом.

Миссис Слорак подошла к Меррит и протянула ей откуда-то взявшуюся салфетку.

– Ну-ну, бедняжка, – посочувствовала она, нежно похлопав Меррит по спине. – Небольшой приступ тошноты, только и всего. Не тревожьтесь. Давайте, не надо сдерживаться.

К своему бесконечному смущению, Меррит последовала совету и беспомощно перегнулась через перила, повинувшись позывам рвоты. Когда спазмы прошли, она вытерла рот салфеткой. Пока пара вела её в безлюдный уголок зоны отдыха, Меррит рассыпалась в извинениях.

– Спасибо, миссис Слорак, мне очень жаль...

– Фиа. – Женщина ласково на неё посмотрела. – Не за что извиняться, – сказала она. – Вы что-нибудь ели сегодня, милая?

– Я съела кусочек тоста на завтрак... – От одной мысли о еде ей становилось дурно.

– Этого мало для вашего пищеварения. Никогда не отправляйтесь в путь на пустой желудок. – Она порылась в корзинке, которую держала на руке, и достала маленький свёрток. – Откусите кусочек, дорогуша, и придёте в себя.

– Очень мило с вашей стороны. Я не уверена... Что это? – Когда Фиа развернула небольшую связку обжаренных и охлаждённых говяжьих колбасок квадратной формы без оболочки, Меррит отшатнулась. – Боже милостивый, нет, пожалуйста, я не вынесу.

– Попробуйте маленький кусочек. Всего один. – Меррит попыталась отвернуться, но Фиа упорно подсовывала квадратную колбаску на салфетке ей под нос.

У Меррит не осталось выбора, пришлось сдаться. Подавив рвотный рефлекс, она откусила крошечный кусочек.

К счастью, колбаса была безвкусной и немного суховатой. Меррит с трудом её проглотила. Удивительно, но тошнота чудесным образом стала проходить. Она взяла колбаску и начала медленно её есть.

– Вот так, – похвалила Фиа, и на её круглом лице появилась улыбка. – Обычная говяжья колбаса приводила меня в чувство, когда я была в вашем положении.

– В моём положении? – переспросила Меррит, откусывая и пережёвывая ещё один кусочек.

– В интересном, конечно же.

– О. – Глаза Меррит округлились. – Не думаю... Нет, я совершенно уверена, что дело не в этом.

– Леди Меррит – вдова, знаешь ли, – объяснил жене мистер Слорак.

– А-а-а. – Фиа задумчиво её оглядела, как будто старалась подметить малейшую деталь. – Значит, держите путь на Айлей?

– Да.

С каждым кусочком Меррит чувствовала себя всё лучше и лучше. По сути, холодная жареная говядина придала ей новых сил.

Когда Меррит доела колбаску, Фиа дала ей ещё одну, а мистер Слорак, тем временем, не сводил с неё обеспокоенного взгляда.

– Могу я спросить, кого вы планируете посетить на острове, миледи? – спросил он.

– Мистера Макрея, – ответила Меррит.

Слорак медленно кивнул.

– Он только вчера вернулся. Я его ещё не видел, мы с Фией ездили навестить дочь в Ист-Тарберте. – Он замялся. – Что-то стряслось, леди Меррит? Я могу помочь?

– Ничего особенного, – ответила она. – Мы с мистером Макреем познакомились во время его пребывания в Англии. Он уехал довольно внезапно, и... Мне нужно обсудить с ним личный вопрос. Возможно, вы подскажите, на чём можно добраться до винокурни от Порт-Аскайга, куда приходит пароход?

Муж с женой уставились друг на друга с ошеломлёнными лицами, очевидно, придя к какому-то ужасному выводу о том, почему она отправилась одна на поиски Кира после его внезапного отъезда из Англии.

– Я же говорил тебе, Фиа! – тихо воскликнул Слорак. – Мне не следовало оставлять его разгуливать одного в этом порочном городе. Лондон его развратил, как я и говорил.

Фиа кивнула и решительно заявила Меррит:

– Не бойтесь, миледи, мы позаботимся о том, чтобы парень поступил с вами достойно. Мы в долгу перед Элспет и Лахланом, упокой Господь их души.

Пока Меррит вместе с четой Слорак ехали в повозке по острову, она не уставала поражаться первозданной, суровой красоте Айлея. Вересковые поля и пахотные земли покрывали северные и западные холмы, волны омывали белоснежные песчаные берега, а всю местность пересекали глубокие озёра. Здесь же расположились и деревни с аккуратными рядами побелённых домиков, улицы кишели утками и гусями. Сбившись в небольшие группы, люди толпились вокруг магазинов или стояли у придорожных таверн и разговаривали.

– На Айлее всегда субботний полдень, – весело сообщил Слорак Меррит.

Они подъехали к винокурне, скоплению больших побелённых зданий, расположенных на низменных скалах на полуострове, откуда открывался прекрасный вид на холодное синее море. Когда повозка обогнула винокурню и приблизилась к небольшому аккуратному домику с серой шиферной крышей и едва видимым позади огородиком при кухне, сердце Меррит бешено заколотилось.

Повозка остановилась, и Слорак помог жене и Меррит спуститься вниз. Все вместе они двинулись по дорожке из камней к дому. Но не успели они добраться до входной двери, как она распахнулась, и оттуда выскочил маленький серебристо-серый терьер. Он остановился в нескольких ярдах от Меррит и зарычал.

– Здравствуй, Уоллес, – поприветствовала она пса со слабой улыбкой и замерла, когда он подошёл ближе. Терьер покружил вокруг Меррит, обнюхав её юбки. Через мгновение он посмотрел на неё блестящими глазами, завилял хвостом и позволил себя погладить. – Какой ты красивый мальчик! – воскликнула она, проводя рукой по шерсти собаки.

– Мерри, – раздался знакомый голос. Она подняла глаза и увидела, что к ней направляется Кир.

– Не сердись, – проговорила Меррит и попыталась улыбнуться, чувствуя, как дрожат губы.

Но если Кир и разозлился, то беспокойство, любовь и тоска затмили гнев. Он шагнул вперёд, заключил Меррит в объятия и прижал её голову к своей груди.

– Сердце мое, что ты здесь делаешь? – тихо спросил он. – Как ты... Боже мой, только не говори, что ты приехала одна. Я и так это знаю. Чёрт возьми, Мерри...

– Мы с Фией встретили её на обратном пути из Тарберта. Ей стало нехорошо на пароходе, – подал голос Слорах.

Кир побледнел и заставил Меррит посмотреть на него.

– Ты больна?

– Меня просто немного укачало, – заверила его она.

Слорах бросил на Кира мрачный взгляд.

– Фиа уверена, что леди в предвкушении новой жизни.

Фиа уверенно кивнула, игнорируя приглушённые протесты Меррит

– Посмотри на её ладони, – сказала она. – Видишь, какие они розовые и немного бледные в центре? И знаешь, что успокоило приступ тошноты? Говяжья колбаска, вот что. – Она выразительно кивнула, как будто это всё объясняло.

Кир пригладил волосы Меррит и опустил на неё взгляд.

– Своенравная девчонка, – пробормотал он. – Приехала совсем одна? Из всех сумасшедших, безрассудных идей... – Кир нахмурился и замолчал. – Мы обсудим твоё поведение, Мерри, и на этот раз тебе придётся меня выслушать. – Но он не смог сдержаться и, обхватив ладонями её лицо, целовал Меррит в лоб, щёки, подбородок и кончик носа.

– Я не могла не приехать, – рассудительно проговорила Меррит, но её всю трясло от того, что она вновь оказалась в объятиях Кира. – Ты забыл оставить ключ от замка. Мне никак не снять браслет.

– Я и не хотел, чтобы ты его снимала, – сказал он и прижался щекой к её щеке. – Он призван напоминать тебе, чьё сердце теперь находится в твоей власти.

– Мне не нужно напоминаний, – прошептала она. Он наклонился и поцеловал её в шею.

– Юный Макрей, – раздался настойчивый голос Слораха, – ты собираешься поступить по чести с бедной леди?

– Собираюсь... – начал Кир, но замолчал, когда из винокурни кто-то вышел. Проследив за его взглядом, Меррит увидела, что к ним приближается Итан Рэнсом.

Итан улыбнулся Меррит.

– Я сказал Макрею, что вы приедете в любом случае, и не важно, что и кто вам сказал.

– Почему? – робко спросила она. – Полагаю, что кажусь вам невероятно упрямой?

Он пожал плечами и покачал головой.

– Просто моя жена поступила бы также.

Не выпуская Меррит из объятий, Кир повернулся к Итану.

– Рэнсом... Я был бы признателен, если бы вы послали одного из своих людей за шерифом. Прежде чем на нас нападут убийцы, нам нужно уладить небольшой вопрос со свадьбой.

После того как Кир забрал кожаные саквояжи Меррит, они вместе вошли в дом. Уоллес, радостно пыхтя, последовал за ними. Внутри коттедж оказался просторнее и светлее, чем ожидала Меррит: стены побелены, окна с ромбовидными стёклами пропускали много света. Массивный кирпичный камин с полированным медным капюшоном обогревал главную комнату. Пол, хоть и сланцевый, выглядел чистым, его оживляли красочные коврики ручной работы. В дальнем конце комнаты находилась маленькая кухонька с плитой и раковиной.

Кир отнёс багаж Меррит в маленькую, скудно обставленную спальню с добротной кроватью с балдахином и рифлёными колоннами.

Меррит сняла дорожную шляпку, положила её на кровать и провела кончиками пальцев по красивому стёганому покрывалу.

– Его сделала твоя мама? – почему-то застенчиво спросила она.

– Да, мама прекрасно умела шить. – Он повернул Меррит лицом к себе и расстегнул её дорожный плащ. – Если бы нашёлся кто-нибудь, кому я доверил бы отвезти тебя домой, – сказал Кир, – я бы посадил тебя на следующий же пароход до Глазго. Я не хочу, чтобы ты снова путешествовала одна, Мерри. Тебе не следовало приезжать.

– Я знаю, – с раскаянием проговорила она. – И мне жаль.

Он скривил губы.

– Тебе не жаль.

– Мне жаль, что ты не рад.

Кир окинул её задумчивым взглядом.

– Что это за история, почему тебе стало плохо на корабле?

– Всего лишь приступ дурноты. Сейчас я в полном порядке.

Сняв с неё плащ и положив его на кровать, Кир взял Меррит за плечи.

– Ты хочешь выйти за меня замуж?

– Больше всего на свете, – ответила она.

Кир продолжал хмуриться.

– Не жалуйся, если потом передумаешь.

Меррит улыбнулась.

– Я не передумаю.

Услышав приглушённый разговор, доносившийся из главной комнаты, и какую-то суету на кухне, Кир неохотно её отпустил.

– Лучше не распространяться о Рэнсоне, – предупредил он Меррит. – Я сказал Слораху, что он представляет состоятельного торговца виски, который хочет купить землю на Айлее и развивать здесь гольф. Рэнсом обходит остров и осматривает местность.

– Итан остановился здесь? – спросила она. – В одном доме с нами?

Его губы дрогнули.

– Нет. Нам было бы тесновато. Он и двое его людей остановились дальше по дороге в маленьком старом кабачке.

– В кабачке?

– Можно назвать это место пивнушкой, если жена выгнала из постели, там можно остановиться за пенни.

– Почему Итан взял с собой только двух агентов?

– Говорит, что двоих достаточно.

– Недостаточно, – нахмурившись, сказала Меррит. – Далеко недостаточно. О чём он только думает? Хорошо, что я приехала тебя защитить.

Со страдальческим выражением лица Кир отвел её обратно в главную комнату, где Слорахи хлопотали на кухне. Фиа поставила чайник на плиту и перекладывала вещи с кухонного стола в шкаф.

Слорах заглядывал в корзины и горшки, которые оставались на столе.

– Рэнальд, – предостерегла мужа Фиа, – ничего не трогай. Эту еду соседи приготовили для Кира специально по случаю его возвращения из путешествия.

– Я тоже вернулся из путешествия, – запротестовал Слорах, – и хочу есть.

– Кир вернулся из Англии, – едко заметила Фиа. – А ты всего лишь из Тарберта.

– Разрешите ему перекусить, Фиа, – вмешался с ухмылкой Кир.

Пока он разговаривал со Слорахами, Меррит подошла к чайному столику и креслу у окна, из которого открывался вид на море и маяк вдалеке. Когда она села в мягкое кресло, к ней подошёл Уоллес и положил морду на колени, поглядев на неё тёмными мерцающими глазами. Меррит ласково погладила его по голове. На улице темно, но в доме было тепло и уютно, она поёжилась от удовольствия.

Кир вышел из кухни с кружкой чая и поставил её перед Меррит. Она посмотрела на него с лёгким удивлением и улыбнулась.

– Спасибо.

Сделав глоток, Меррит поняла, что он приготовил его именно так, как ей нравилось, добавив молоко и сахар.

Уставившись на терьера, Кир тихо спросил:

– Что думаешь, Уоллес? Мы же должны о ней заботиться?

Длинный пушистый хвост энергично завилял.

Вскоре прибыл Итан и шериф, краснолицый гигант с густой рыжей шевелюрой и красивыми пышными усами.

– Леди Меррит, – сказал Кир. – Это наш шериф, Эррол Мактаггарт.

– Какая очаровательная леди! – улыбаясь, воскликнул Мактаггарт. – Мне говорили, что английские леди бледны и болезненны, а у нас тут смуглая красавица с розовыми щёчками.

На лице Кира промелькнула улыбка.

– Давай без утомительных речей, Мактаггарт. Леди Меррит устала, а я, как ты знаешь, не любитель церемоний.

– Торопитесь? – заметил шериф, его приподнятое настроение немного поутихло, когда он оглядел комнату. – Ни цветов? Ни свечей?

– Ни кольца, – сообщил ему Кир. – Мы произнесём клятвы, ты выдашь нам свидетельство, и мы покончим со всем к ужину.

Мактаггарту явно не понравилось пренебрежительное отношение Кира.

– Я не подпишу свидетельство, пока не удостоверюсь, что всё сделано по закону, – сказал он, расправляя плечи. – Во-первых... ты в курсе, что без оглашения имён в церкви с вас штраф?

– Мы не венчаемся в церкви, – ответил Кир.

– Закон гласит, что без оглашения имён полагается штраф в пятьдесят фунтов.

– Кир бросил на него возмущённый взгляд, но шериф твёрдо добавил: – Без исключений.

– Что, если я дам тебе бутылку виски? – предложил Кир.

– Штраф отменяется, – поспешно ответил Мактаггарт. – Итак... согласны ли остальные выступить в качестве свидетелей?

Итан и Слорахи кивнули.

– Тогда я начну, – быстро проговорил Кир, взяв Меррит за руку. – Я, Кир Макрей, клянусь...

– Не спеши, – нахмурившись, прервал его шериф. – Сначала я обязан задать несколько вопросов.

– Мактаггарт, ради всего святого... – раздражённо начал Кир, но Меррит ласково сжала его руку. Он тяжело вздохнул и закрыл рот.

– Является ли ваше желание вступить в брак взаимным и добровольным? – продолжил шериф с большим достоинством.

– Да, – едко сказал Кир.

– Да, – ответила Меррит.

– Вы оба не состоите в браке? – спросил шериф. Когда они оба кивнули, он продолжил: – Вы не приходите друг другу братом и сестрой?

– Нет, – коротко бросил Кир, теряя терпение.

– Дядей и племянницей?

– Мактаггарт, – прорычал Кир, – тебе прекрасно известно, что у меня нет племянниц.

Шериф проигнорировал его, сосредоточенно изучая Меррит.

– Миледи, этот человек увёз вас против воли, применив силу или солгав?

Меррит удивлённо моргнула.

– Что с тобой, Мактаггарт? – возмутился Кир. – Из всех бессмысленных вопросов...

– Он не похищал девушку, шериф, – вмешалась Фиа.

Кир взглянул на неё через плечо.

– Спасибо, Фиа.

– Он её совратил, – чопорно продолжила Фиа. – Искусил и сбил с пути добродетели.

Кир стоял как громом поражённый.

– Совратил?

Мактаггарт хмуро на него посмотрел.

– Ты отрицаешь, что спал с девушкой, Макрей?

– Я отрицаю, что тебя это касается, чёрт возьми!

Рэнальд Слорах мрачно покачал головой.

– Это всё Лондон, – сказал он. – Порочный городишко вложил непристойные идеи в голову парня и развратил его разум.

Меррит сжала губы и опустила голову, стараясь не захихикать, пока Слорахи и шериф продолжали обсуждать моральное разложение Кира под влиянием нездоровой обстановки Лондона и дегенеративную атмосферу Англии в целом. Она украдкой взглянула на Итана, который тоже мужественно пытался не рассмеяться.

– Шериф, – вмешался Итан, – раз ущерб уже нанесён, теперь только брак спасёт ситуацию.

– Точно, – решительно заявил Мактаггарт. – Парня нужно немедленно заковать в кандалы, чтобы спасти его добродетельность. – Он посмотрел на Кира. – Давай, Макрей. Произноси свою клятву.

Кир повернулся к Меррит и взял её за обе руки. Он пристально посмотрел ей в глаза, и выражение его лица смягчилось и потеплело.

– Я беру тебя в жёны. И клянусь каждый день стараться быть тем мужем, которого ты заслуживаешь. Я не люблю никого, кроме тебя, сердце моё, до последнего вздоха.

Меррит заорожили его сверкающие, как бриллианты, глаза. Она чувствовала Кира кожей, телом, сердцем, каждой клеточкой своего существа. Он представлялся ей не отдельным созданием, а частью её самой. Меррит и подумать не могла, что такая близость возможна, близость, которая не имела ничего общего с обладанием.

"Я стану дополнительным ребром, которое защитит твоё сердце."

"Не получится. Ты и есть моё сердце."

Она улыбнулась ему, чувствуя себя невесомой и стора от радости. Меррит удивилась, что сила притяжения всё ещё способна удерживать её на земле.

– Я беру тебя в мужа. И буду любить тебя всем сердцем и всей душой до конца моих дней.

Кир накрыл её рот поцелуем.

Меррит не запомнились конкретные детали последующих нескольких минут: ни слова, которыми они обменялись с Киром, ни момент, когда все ушли и оставили их наедине. В памяти осталась горячая ванна, которую он для неё приготовил, и ледяные простыни в постели, но Кир быстро согрел Меррит теплом своего тела. Ещё она запомнила, как с ленивой улыбкой он склонился над ней, ласково провёл рукой по её телу и проговорил:

– Рэнсом сказал, что нам придётся оставаться в доме и его окрестностях в течение следующих нескольких дней.

– Это не составит для нас труда, – прошептала она и притянула его голову к себе.

Глава 37

На следующий день Кир и Меррит вышли из дома только после полудня.

Погода была прохладной и пасмурной, сумрачной, как назвал её Кир. Но шерстяное прогулочное платье и прочные ботинки не давали Меррит озябнуть, а толстая кашемировая шаль защищала от ветра. Пока они гуляли, Кир кидал Уоллесу палку, и пёс гонялся за ней взад-вперёд.

Винокурня и дом занимали три акра земли на берегу моря. Хотя атмосфера казалась романтической и уединённой, всего в двух милях находилась деревня Порт-Шарлот, в которой, по словам Кира, располагалось много магазинчиков, садов, а вдоль улиц тянулись ряды однотипных домиков, тесно прилегающих друг к другу.

Кир повёл Меррит на экскурсию по винокурне, и Уоллес последовал за ними. Размеры и сложный процесс производства поражали своим размахом. Для перемещения огромного количества зерна и жидкости использовалась комбинация механизмов и силы тяжести. Ячмень хранили в двух и трёхэтажных амбарах, а оттуда транспортировали в разные части винокурни по железным трубам. Верхний этаж занимала солодовня, соединённая с массивной сушильной печью подвесными проходами, по которым носили мешки с сушёным солодом. В детстве это была одна из первых работ Кира, мальчишкой он быстро носился взад-вперёд по мостикам. После измельчения на гигантской мельнице высушенный солод транспортировали на подъёмнике на чердак для зерна и в конечном итоге смешивали с горячей водой в бочке диаметром шестнадцать футов до нужной консистенции.

– Как только солод смешивается с водой, – сказал Кир, – становится меньше зерновой пыли и риск взрыва снижается.

Меррит уставилась на него, широко распахнув глаза.

– Вроде тех, что случаются на мукомольных мельницах?

Он кивнул.

– Верно. Но мы подсоединили большую металлическую трубу между подъёмниками и крышей, так что взрывная волна уйдёт вверх. Мы установили пожарные гидранты и краны, где только можно. – Держа Меррит за руку, Кир вёл её вдоль ряда возвышающихся медных перегонных кубов. – Сейчас опасность взрыва маловероятна, винокурня почти месяц как закрыта. Но всё равно чиркать спичкой или курить сигару поблизости от винокурни не лучшая идея.

– Или стрелять из пистолета, – добавила Меррит.

– Или стрелять, – печально согласился Кир. Он помедлил, а потом осторожно спросил: – Ты ведь не привезла с собой револьвер на Айлей?

– Конечно, привезла. Позаимствовала один у дяди Себастьяна. Я ведь приехала, чтобы тебя защитить, помнишь? – Она засунула руку в карман прогулочной юбки, где у бедра покоился маленький, но увесистый револьвер "Бульдог". – Если хочешь посмотреть...

Кир застонал и покачал головой, увлекая её в пространство между медными кубами.

– Нет, не показывай. – Он прижал Меррит к прохладной медной поверхности. – Мне не нужно, чтобы ты меня защищала. Лучше займёмся кое-чем другим.

– Это я тоже могу.

Кир прижался к её губам в долгом пылком поцелуе и не останавливался, пока ноги у Меррит не задрожали, и она не прильнула к нему в бессильном порыве.

Они оторвались друг от друга, только когда к ним подбежал Уоллес, держа что-то в пасти и виляя хвостом.

– Что ты нашёл? – спросил Кир, наклоняясь и забирая у собаки некий предмет.

Увидев, что это мужская шерстяная кепка, Меррит забеспокоилась.

– Не переживай, – быстро проговорил Кир, – кепка принадлежит одному из агентов Рэнсома. Мне кажется Даффи. Наверное, он где-то здесь поблизости.

Меррит продолжала хмуриться.

– Они от нас прячутся? – шёпотом спросила она.

– Нет, просто пытаются держаться на расстоянии. – Он поднёс кепку к носу Уоллеса. – Давай найдём его, дружище.

Терьер потрусил прочь, временами оглядываясь, чтобы убедиться, что Кир с Меррит следуют за ним.

– Уоллес учует Итана или одного из его людей?

– Да. Он встречался с ними до твоего приезда, их зовут Даффи и Уилкинсон. Я познакомил Уоллеса с этими ребятами и дал каждому по кусочку моркови, чтобы они покормили пса. Уоллес считает агентов своими друзьями, поэтому не будет на них лаять. Но если поблизости окажется незнакомец, даст нам знать.

Они отправились к большому сооружению, где на полках в четыре яруса хранились бочонки с виски в горизонтальном положении.

– Даффи? – осторожно позвал Кир.

Меррит напряглась, и её рука незаметно скользнула в карман юбки, пока они ждали ответа.

– Мистер Макрей? – С другой стороны склада к ним вышел темноволосый гладко выбритый мужчина. Кир отдал кепку терьеру, который послушно отнес её Даффи. – Спасибо, Уоллес, – поблагодарил пса молодой человек, почёсывая его за ушами. – Я как раз её искал. – Взглянув на Меррит, он почтительно поклонился. – Миледи.

Она улыбнулась и сделала в ответ реверанс.

– Мистер Даффи.

Взгляд агента переместился на Кира.

– Если вы собираетесь провести для леди Меррит экскурсию по складу, я могу пока обойти другую часть винокурни, – предложил он.

– Хорошо, – ответил Кир.

Они подождали, пока Даффи уйдёт и двинулись между стеллажами. Уоллес последовал за ними.

– Как думаешь, сколько ему лет? – немного сердито прошептала Меррит.

– Двадцать два? – предположил Кир.

– Скорее двенадцать.

Кир покачал головой, не принимая всерьёз опасения Меррит, и повернул её к складированным бочкам.

– Посмотри на полки, мы установили их в прошлом году. До этого нам приходилось хранить бочки в вертикальном положении, что оказывало на них слишком большое давление и приводило к утечкам. Если разместить их горизонтально, то давление уменьшится, а воздух будет свободно циркулировать со всех сторон.

– Для чего нужна циркуляция воздуха?

– Для улучшения вкуса.

– Как вы затаскиваете и снимаете бочки с полок?

– Для этого по-прежнему требуется недюжая сила, – признал он, – такая же, как и при вертикальном хранении. Но, чтобы снять бочку, достаточно потянуть за рычаг в конце ряда. Упоры опускаются, и бочка скатывается.

– Как захватывающе, – сухо проговорила она, глядя на ряды бочек, готовых рухнуть на пол.

Кир протянул руку, прижал Меррит к себе и запечатлел несколько поцелуев под подбородком и вдоль шеи.

– Ты уже насмотрелась на винокурню, любовь моя? Мне бы не помешало немного вздремнуть.

Она обвила руками его шею и припала губами к его губам вместо ответа.

Кроме этой короткой встречи с Даффи, они не встретили ни Итана, ни его людей. Меррит с Киром были настолько поглощены друг другом, наслаждаясь возможностью делать всё, что им заблагорассудится, не заботясь ни о чьём расписании, что время пролетало незаметно. Они приготовили простую еду, выпили вина, занялись любовью, а потом вели долгую непринуждённую беседу у огня. Вечером они вышли прогуляться с Уоллесом по окрестностям и полюбоваться в бинокль на море, где резвились дельфины.

Меррит была невероятно счастлива, но в то же время её постоянно гложил затаившаяся, навязчивая тревога. Что происходило в суде тоже оставалось непонятным. Прошло два дня с тех пор, как Кингстон сообщил Верховному суду о том, что нашёл Кира, но до сих пор никаких вестей о юридических изменениях не поступало.

– Он отправит телеграмму, когда будет о чём сообщить, – сказал Кир. – Или Рэнсом узнает и расскажет нам.

Итан постучал в парадную дверь рано утром следующего дня. Кир поспешно оделся и пошёл ему открывать, а Меррит быстро надела халат и поставила на плиту чайник.

Итан выглядел усталым и напряжённым. Он вошёл в кухню и протянул озябшие руки к горячей плите.

– У меня поразительные новости, – сказал Рэнсом, энергично потирая руки. – Начать с длинных предисловий или выложить, всё как есть?

– Новости поражают в хорошем смысле или в плохом? – спросила Меррит.

Итан задумался.

– На первый взгляд в хорошем. Но я ещё не знаю подробностей.

– Что случилось? – спросил Кир.

– Лорда Ормонда нашли мёртвым в его доме прошлой ночью.

Меррит охватило чувство нереальности происходящего. Она изо всех сил пыталась осмыслить услышанное и сделать выводы, но голова работала очень медленно. Меррит взглянула на Кира, который, отвернувшись, усердно насыпал в чайник заварку. По его лицу было трудно что-то прочесть, но она знала, что Кира ошеломили и глубоко обеспокоили разом свалившиеся на его голову наследство матери, титул виконта и поместье в придачу.

– По естественным причинам? – спокойно спросил Кир.

– Ещё не знаю. Но в его возрасте это вполне вероятно. Я должен немедленно выехать в Лондон и проконтролировать ход расследования. – Итан подошёл к корзине с продуктами, приподнял салфетку и достал лепёшку. Он откусил кусочек рассыпчатого овсяного хлеба, судя по всему, даже не почувствовав вкуса. – Я хочу взять Уилкинсона с собой, а Даффи оставить здесь, если не возражаете.

Меррит нахмурилась.

– Я возражаю.

Итан задумчиво посмотрел на неё и проглотил кусок лепёшки.

– Раз Ормонд умер, – сказал он, – Браунлоу нет смысла приезжать сюда, чтобы выполнить поручение мёртвого человека. Маловероятно, что он снова побеспокоит Макрея.

– Маловероятно, – сказал Меррит, – но возможность существует.

– Поэтому я оставляю здесь Даффи, – спокойно парировал Итан, откусывая лепёшку.

Кир приобнял Меррит одной рукой и похлопал её по бедру.

– С нами всё будет в порядке, – сказал он. – Мы не будем выходить из дома и составим план, что делать дальше. Нужно возобновить работу винокурни, позаботиться о недвижимости... и о поместье в... кстати, где оно находится?

– В Камберленде, – ответила Меррит.

– В Камберленде, – повторил Кир и отошёл, чтобы налить в чайник горячую воду. – Жаль, я не могу превратиться в трёх разных человек, хорошо выполняющих свою работу, но остаюсь одним человеком, который едва справляется с тремя, – с иронией проговорил он, отвернувшись от Меррит.

– В трёх, – задумчиво проговорила Меррит, к ней вновь вернулось чувство юмора. – Мне было бы нелегко управиться с ними со всеми. В зависимости, конечно, от того, сколько из них захотели бы видеть меня своей женой.

Кир посмотрел на неё через плечо. Его волосы растрепались, а голубые глаза смеялись.

– Сердце моё, – сказал он, – нет такой версии меня, которая не взяла бы тебя в жёны. Это первое, что я бы сделал. – Он пристально посмотрел ей в глаза и тихо добавил: – Самое первое.

После того, как Итан и Уилкинсон уехали в Лондон, Даффи вернулся в пивную, чтобы отдохнуть перед ночным дежурством. Меррит провела вторую половину дня в разговорах с Киром, приютившись в его объятиях на маленьком диванчике. Когда придёт время строить новый дом нужно будет заказать другой диван раза в два больше. Она с улыбкой наблюдала за тем, как Уоллес беспокойно расхаживает вокруг, очевидно, пытаясь придумать, как примоститься рядом.

– Уоллес, – сухо сказал Кир, – не знаю, где ты здесь видишь свободное местечко.

Однако терьер не сдавался, он запрыгнул на диван и старательно пополз по ним.

– Уоллес, конечно, поедет с нами в Лондон, – сказала Меррит, быстро протягивая руку, чтобы поддержать пса, когда тот покачнулся. Она посадила его к себе на колени и прислонилась спиной к Киру. – Как только Итан скажет, что

опасность миновала, мы остановимся в моём, то есть в нашем доме и встретимся с твоим отцом. – Она в замешательстве замолкла. – Прости, я имела в виду с Кингстоном.

– Я не возражаю. Он мой отец, как его ни называй, – прозаично заметил Кир.

Меррит улыбнулась и нежно почесала голову и уши Уоллеса, он вздохнул и развалился у неё на коленях.

– Он объяснит, как нам следует поступить с наследством твоей матери, мы встретимся с поверенными и банкирами и далее по списку.

– Я переживаю не за наследство матери, – мрачно сказал Кир, – а за поместье и титул. Я не имею никакого отношения ни к тем землям, ни к людям, которые их обрабатывают, и не думаю, что смогу жить там, где моя мать пережила такие страдания. – Он сделал паузу. – Могу я от чего-нибудь из этого отказаться?

– Боюсь, от титула отказаться нельзя. Возможно, какие-то земли и удастся продать, но большая их часть входит в майорат. Это означает, что они вместе с домом должны перейти к следующему виконту. По правде говоря, ты не столько ими будешь владеть, сколько присматривать за ними, пока не появится следующий лорд Ормонд. И, конечно же, ты не захочешь выселять нынешних арендаторов, хороших трудолюбивых людей. – Она надолго задумалась. – Однако... это не означает, что сам особняк нельзя использовать для иных целей.

– Например?

– Например, можно разместить в нём школу, – предложила она.

– Школу для кого?

– Для малообеспеченных мальчиков и девочек, нуждающихся в хорошем образовании и в безопасном, счастливом месте для жизни.

Кир прижался губами к её голове.

– Мне нравится эта идея, – сказал он. – Очень.

– Конечно, управление школой отличается от управления винокурней, но, возможно, такой опыт покажется тебе интересным и полезным.

– На винокурне мы не просто производим виски, – задумчиво проговорил он. – Больше всего мне нравится то, что мы с парнями работаем бок о бок вместе и создаём нечто хорошее. То, чем можем гордиться. Я думаю... школа будет сродни этому.

Меррит улыбнулась и плотнее прижалась к Киру.

Они проговорили весь вечер, пока оба не устали и не решили отправиться в постель.

– Давай сначала примем ванну, – предложила Меррит.

Кир не успел ответить, потому что Уоллес внезапно вскочил с дивана и беспокойно забегал между главной комнатой и спальней. Собака вся дрожала от возбуждения, а жёсткая шерсть встала дыбом.

– Что там? – вслух поинтересовался Кир, подходя к окну. Меррит приглушила свет лампы, чтобы блики не отражались от стекла.

Все трое подскочили, услышав резкий звук битого стекла и скрежета металла со стороны винокурни.

Затем ночь вновь погрузилась в тишину.

Уоллес разразился яростным лаем. Чтобы его успокоить, Кир ласково положил ладонь ему на голову.

– Что-то случилось с техникой? – предположила Меррит. – Может быть, упал один из медных перегонных кубов?

Кир покачал головой, вглядываясь в окно.

Что-то было не так. У Меррит всё внутри похолодело, она пошла в спальню, достала револьвер "Бульдог" из кожаного саквояжа, где он хранился, и погасила

лампу и здесь тоже. Взглянув в окно на побелённые стены вокруг винокурни, она не заметила никакого движения.

Вскоре в спальню вошёл мрачный Кир.

– Если бы Даффи мог, он уже пришёл бы рассказать, что случилось.

– Давай выйдем и поищем его вместе, – предложила Меррит.

Кир покачал головой.

– Остайся в спальне с собакой, держи наготове револьвер и запри дверь. Если попытается войти незнакомец, Уоллес зарычит.

– А ты что собираешься делать?

– Поищу Даффи снаружи, а если не найду, отправлюсь на винокурню.

– Нет, Кир... я пойду с тобой. Ты безоружен, а я...

– Внутри винокурни нельзя стрелять, дорогая, иначе она взорвётся к чертям собачьим. Я могу отыскать дорогу наощупь, если понадобится, Меррит. Я знаю винокурню, как свои пять пальцев в отличие от злоумышленника. Не ходи за мной, подожди здесь. Я вернусь. Обещаю. – Его губы дрогнули, и он добавил: – И не попади случайно в мою собаку.

После того, как Кир вышел из дома, Меррит минут пятнадцать наблюдала за улицей из окна спальни. Крыши, стены винокурни и высокую траву вокруг заливал зловещий голубой свет затянутой облаками луны. Когда Меррит увидела, что Кир прошёл через одну из боковых арок, ведущих в главное здание, у неё перехватило дыхание.

Уоллес положил передние лапы на подоконник, завилял хвостом, и, облизываясь, запыхтел.

Прошла минута, ещё одна.

Из горла собаки вырвалось рычание, такое тихое и угрожающее, что каждый волосок на теле Меррит встал дыбом. Через мгновение она заметила движение возле арки... какой-то человек последовал за Киром в винокурню. Он казался массивнее и шире Даффи.

– О, нет, чёрт возьми, ты не посмеешь, – прошептала Меррит, её обуяли страх и решимость. Уоллес продолжал смотреть на улицу из окна. Брать с собой пса – огромный риск.

Она тихо покинула спальню и закрыла за собой дверь, оставив собаку дома в безопасности. С револьвером в руке Меррит вышла на улицу и прошла мимо стен винокурни. Замешкавшись у главного здания, она доверилась чутью и обогнула гигантский склад. Входная дверь была слегка приоткрыта, и Меррит проскользнула внутрь.

Лабиринт стеллажей и бочек освещал лишь тусклый свет луны, проникавший через высокие маленькие окна. Прислонившись боком к стене, Меррит замерла, услышав тихие шаги. Затем прозвучали ещё чьи-то шаги. Они то затихали, то раздавались снова, но откуда доносились, сказать было сложно. Она осторожно двинулась дальше по складу, держась в тени и напряжённо вглядываясь в темноту.

В нескольких рядах от неё шёл мужчина. Внезапно Меррит вздрогнула и резко вдохнула, когда её рот нежно накрыла чья-то ладонь. Сердце понеслось вскачь, дико колотясь в груди, дыханье перехватило. Но сильные, тёплые пальцы показались ей знакомыми. Меррит расслабилась, то были прикосновения и запах мужа. Его ладонь скользнула вниз по её руке, сомкнулась на пистолете и осторожно его забрала. Сунув револьвер в карман её юбки, Кир взял Меррит за руку и потянул за собой.

Снова послышались шаги, на этот раз гораздо ближе. Кир увлёк Меррит в конец ряда, затем высунул голову сначала с одной стороны стеллажа, потом с другой, но оба прохода были пусты.

Кир поднёс её запястье ко рту и, слегка потянув, откусил крошечную декоративную пуговицу на манжете. Взяв пуговицу большим и указательным пальцами, он бросил её в один из коридоров между стеллажами.

Шаги начали приближаться, тот человек явно направлялся к ним. Рука Меррит медленно потянулась к карману юбки, но Кир нежно её поймал и положил на деревянный рычаг на стеллаже.

– Тяни на счёт три, – еле слышно прошептал он и потянулся к верхнему рычагу.

Она ждала, обливаясь потом, пока шаги всё приближались. Постукивая пальцами по руке Меррит, Кир начал отсчёт. Раз... два... три. Она изо всех сил потянула за рычаг.

Стеллаж содрогнулся, и бочки с оглушительным грохотом покатались вниз. Заметив, что Кир потянул за другой рычаг, а потом ещё за один, Меррит стала ему помогать. Она выглянула в проход и увидела, что незнакомец пытается увернуться от падающих бочонков.

В конце концов, его придавило тяжёлым бочонком, и он застонал.

Кир вышел в проход и недоумённо посмотрел на незнакомца.

– В переулке на меня напал другой человек, – сказал он.

Несколько минут спустя Меррит уже сидела на кухне с Даффи, осторожно протирая его ушибленный и рассечённый висок холодной влажной тканью. Кир вместе с Меррит нашли агента у стен винокурни, где его оглушил злоумышленник. После того, как они помогли Даффи войти в дом, Кир отправился за шерифом.

– Мне так жаль, – пробормотала Меррит, когда молодой человек вздрогнул и громко втянул в себя воздух. – Вам бы не помешал глоток виски, который приготовил для вас Кир.

– Рэнсому бы это не понравилось, – сказал Даффи. – Я всё ещё на службе.

Меррит пододвинула бокал к нему поближе.

– Я ему не скажу.

Даффи с благодарностью принял бокал. После живительного глотка виски он позволил Меррит прижать холодный компресс ко лбу.

– Мне нужно взять ситуацию под свой контроль, – сказал он. – Где мистер Макрей?

– Он отправился за Мактаггартом, – ответила она.

– А подозреваемый? Где он?

– Свяжав шпагатом для обвязки тюков, мы оставили его в складском помещении.

Злоумышленник уже и так находился в полубессознательном состоянии и был порядком побит, поэтому оказал лишь слабое сопротивление, перед тем как Кир окончательно его усмирил. Свяжав незнакомца по рукам и ногам, Кир обыскал его карманы и нашёл револьвер и набор кастетов. Меррит вытащила нож из ножен в голенище его сапога.

Её озадачила совершенно обычная внешность наёмного убийцы. Он ничем не походил на театрального злодея, не подавал признаков сумасшествия, не казался отчаявшимся или обнищавшим. Глядя на него, невозможно было понять, что же его толкнуло на преступление. Мужчина не старше тридцати, хорошо одет, с лицом, которое могло вполне принадлежать владельцу магазина или рядовому клерку.

Он сидел, прислонившись спиной к винному бочонку. Меррит нервировали его холодные, пустые глаза. Негодяй отказывался говорить, только смотрел на них с Киром бесстрастным взглядом, будто вот-вот превратится в камень.

– Даже, если ты нам ничего не скажешь, – криво усмехнулся Кир, – несложно догадаться, кто тебя сюда послал и зачем. – Пока незнакомец хранил холодное

молчание, Кир разглядывал его с любопытством и намёком на жалость. – Не знаю, из-за чего ты стал таким, но жизнь, видимо, тебя потрепала. Зачем убивать человека, с которым ты не ссорился? Только ради денег? Если бы ты пришёл ко мне до этого и попросил работу, я бы предложил тебе хорошее честное занятие.

Последние слова Кира всё-таки подействовали на незнакомца. Непроницаемый фасад треснул, обнажив горячее презрение.

– Я бы никогда не стал работать на шотландца, который трахает овец.

Возмутившись, Меррит собралась уже высказать ему всё, что она о нём думает, но Кир лишь улыбнулся в ответ на оскорбление и поднялся на ноги, увлекая её за собой.

– Это лучшее, что ты можешь придумать? – спросил он. – Мы с друзьями называем друг друга и похлеще после глотка виски в местной таверне.

Мысли Меррит вернулись в настоящее. Даффи осторожно обхватил руками свою рыжеволосую голову и устался на стол.

– Я не создан для этой работы, – мрачно сказал он. – Не нужно было бросать преподавание.

Она настороженно на него посмотрела.

– Вы учитель?

– Я был помощником магистра наук в колледже Челтнем. И у меня хорошо получалось.

– Почему вы пошли в правоохранительные органы? – спросила Меррит.

– Мне казалось это более захватывающим занятием. И важным.

– Дорогой мой, нет ничего более захватывающего и важного, чем преподавание.

– Это звучит так банально, – пробормотал он.

– Вовсе нет, – искренне не согласилась она. – Преподавание делает людей теми, кто они есть. А возможно, даже показывает им, кто они на самом деле. Если преподавать на совесть, то... случается чудо. Хороший учитель – это проводник в мир житейских чудес.

Даффи сложил руки на столе и опустил на них голову.

– Теперь это не имеет значения, – приглушённо проговорил он. – Должность в Челтнеме уже давно занята.

Меррит наклонилась вперёд и снова приложила компресс к его лбу.

– Если это ваше истинное желание, я подумаю, чем могу помочь. – Она улыбнулась. – Или шанс может представиться сам по себе.

Кир вернулся с шерифом Мактаггартом и его помощником, и Даффи отправился вместе с ними на склад виски. Тем временем, с приближением рассвета маленький коттедж наводнили дружелюбные незнакомцы. Некоторые были соседями, работниками винокурни с жёнами, а другие – друзьями детства Кира. Их всех возмутили и взволновали известия о том, что на винокурне Макрея отловили злоумышленника, и они, не стесняясь в выражениях, предлагали, что с ним делать дальше.

Даже если бы Меррит хорошо отдохнула и подготовилась к приёму посетителей, поток гостей всё равно бы выбил её из колеи. Она рассеянно блуждала среди толпы, улыбаясь, кивая и повторяя имена в попытке их запомнить. Кто-то принёс корзину горячих булочек прямо из пекарни и начал их раздавать. Другой налил в чайник воду и поставил его на горячую плиту.

Среди всей этой суеты Меррит и не заметила, как её проводили к дивану. Она с благодарностью села, а Уоллес тут же взобрался на сидение рядом с ней. Терьер облизнулся и уставился на булочку в её руках, которая была чуть надрезана, а внутри начинал подтаивать завиток холодного масла. Меррит медленно съела булочку и отломала несколько маленьких кусочков, чтобы скормить Уоллесу.

Утолив голод, чувствуя рядом с собой тёплое тельце собаки, Меррит начала погружаться в сон.

– Мерри, – раздался низкий, знакомый голос. Она открыла глаза и обнаружила, что над ней склонился Кир. Он улыбнулся, откинул назад выбившуюся прядь её волос и посмотрел вниз на Уоллеса, который выставил свои короткие ножки и потянулся.

Она понятия не имела, сколько времени прошло, с тех пор как она задремала в углу дивана, но солнечный свет теперь был намного ярче, и многие посетители уже успели разойтись.

– Бедняжка моя, устала, – посочувствовал Кир, садясь рядом и прижимая её к себе.

Мерри зевнула, уткнувшись ему в плечо.

– Я впервые встретила с твоими друзьями и соседями... и умудрилась заснуть у них на глазах.

– Они всё понимают, любовь моя. И желают тебе всего наилучшего. Скоро они разойдутся, и мы как следует отдохнём. – Кир похлопал Меррит по бедру. – Когда я всем рассказал, что ты пошла за мной на винокурню со своим крошечным пистолетиком, чтобы меня защитить, они все сочли тебя храброй, как настоящая шотландская женщина. А это большой комплимент, как ты понимаешь.

Губы Меррит дрогнули, когда Кир назвал крупнокалиберный револьвер “крошечным пистолетиком”.

– Мактаггарт посадил злоумышленника в камеру предварительного заключения в Порт-Шарлотте, – продолжил Кир, приобняв её покрепче. – Мы выяснили, что его зовут Джон Пелти.

Она удивлённо на него посмотрела.

– Ты заставил его говорить?

– Не я, Даффи. Он убедил нападавшего сотрудничать ради его же блага. Пелти признался, что лорд Ормонд нанял его, чтобы закончить работу после того, как Браунлоу потерпел неудачу.

Зевнув и заскулив, Уоллес прыгнул с дивана и направился через комнату к двери.

– Я его выведу, – сказал Кир.

– Я тоже не прочь размять ноги, – сказала Меррит и потянулась за шалью на спинке дивана. – Я пойду с тобой. – Она завернулась в шаль и свободно завязала её спереди.

Однако не успели они выйти на улицу, как на пороге их встретил шериф Мактаггарт, который только что вернулся из Порт-Шарлотта.

– Макрей... и миледи... Я получил телеграмму от главного инспектора Рэнсома, о которой вам будет интересно узнать. – Слегка театральным жестом он достал из кармана листок бумаги. – Здесь говорится, что мистера Браунлоу задержали прошлой ночью на станции Чаринг-Кросс при попытке сесть на поезд. Браунлоу признался Рэнсому, что убил лорда Ормонда после того, как тот его вышвырнул, не заплатив причитавшееся.

– Честно говоря, – проговорил Кир, – я в некотором смысле понимаю Браунлоу. Он выполнил свою работу блестяще: устроил на складе пожар, заперев меня внутри. По всем законам, я должен был сгореть дотла.

– Надо было предупредить его, что ты тупица, который выпрыгнет из окна, – сказал Мактаггарт, и они обменялись ухмылками.

Собака нетерпеливо забарабанила лапой в дверь.

– Шериф, – сказала Меррит с лёгкой улыбкой, – прошу нас извинить, но у Уоллеса есть свои потребности.

Мактаггарт отступил в сторону и с наигранным почтением открыл Уоллесу дверь. Терьер выбежал на улицу.

Кир взял Меррит за руку. Они остановились на пороге, моргая от яркого дневного света.

"Ещё столько всего впереди, – переполненная чувствами, подумала Меррит. – Так много ещё предстоит сделать".

Она взглянула на Кира, и он улыбнулся ей в ответ, как будто прочитал мысли.

– Давай начнём с прогулки, – предложил он, наклонившись и украв поцелуй. – А потом разберёмся со всем остальным.

И рука об руку они вышли навстречу утру.

Эпилог

В особняке в Стоуни-Кросс-Парке, знаменитом поместье лорда Уэстклиффа в Гэмпшире, царила рождественская атмосфера. Из кухни доносились насыщенные запахи говяжьих рёбрышек, ветчины, индейки, копчёных устриц, йоркширского пудинга и всевозможных видов пирогов. Каждую горизонтальную поверхность украшали вечнозелёные растения и цветы. По главному залу и за его пределами разносился свежий аромат рождественской ели, создающий волшебное ощущение праздника. Слуги лихорадочно спешили по коридорам с поручениями, чтобы успеть всё подготовить к сегодняшним танцам в канун Рождества. Дети сновали туда-сюда, играя в прятки, и их радостные крики эхом разносились по залам.

– Мама, – послышался жалобный детский голосок, – почему я должна играть на пианино колядки, ведь ты знаешь, как я это ненавижу? Почему ты не играешь?

– Потому что, – со смехом возразил женский голос, – моя мама не настолько меня любила, чтобы заставить выучиться игре на пианино.

Ответ прозвучал под выразительные музыкальные аккорды явно враждебной интерпретации "Пусть бог подарит счастье вам".

– Мама, вот бы ты любила меня хоть самую... чуточку... меньше!

Уставший от всеобщей суматохи, лорд Уэстклифф закрыл дверь в свой кабинет и протянул Себастьяну бренди.

– Здесь единственное безопасное место в доме, – сказал он. – Я бы забаррикадировал дверь, но по ту сторону всё ещё остаются несчастные, которые пытаются к нам пробиться. Мне бы не хотелось лишать их последнего шанса на выживание.

– Каждый сам за себя, – возразил Себастьян, отпивая бренди из бокала и устраиваясь в удобном кресле. – Если у наших сыновей и зятьёв не хватило здравого смысла не показываться в главном зале, они заслуживают, чтобы их затоптали.

– Такая потеря, – с сожалением проговорил Уэстклифф, наливая себе бренди. – Кстати... у меня есть новости о Макрее и Меррит, которыми я хочу с тобой поделиться.

– Я уже знаю, – самодовольно сказал Себастьян. – Они приедут сегодня вечером, а не завтра утром.

Уэстклифф, которому нравилось знать то, чего не знают другие, улыбнулся ещё шире.

– Похоже, тебе не сказали почему.

Себастьян вскинул брови.

Уэстклифф чинно достал из кармана сложенное письмо.

– Лилиан со мной поделилась. Прочитав письмо, я сказал ей, что именно я должен поведать тебе новости. Собственно говоря, я умолял её дать мне

разрешение. Она отказалась, и тогда мне пришлось пообещать... Нет, мы не будем вдаваться в подробности того, что мне пришлось пообещать. В итоге она согласилась, но нам придётся изобразить удивление, когда они объявят об этом во всеуслышание.

– Боже милостивый, Уэстклифф, да ты не в себе. Дай сюда. – Наклонившись вперёд, Себастьян взял письмо. Он пробежался глазами по строчкам, и на его лице появилась ухмылка. – Ничего удивительного. Кир же из моего рода. Наша мужская сила не имеет себе равных.

Уэстклифф попытался напустить на себя суровый вид.

– Кингстон, ты понимаешь, что моего первого внука зачал твой незаконнорожденный сын.

– Да кого волнует, законный или нет. У нас родится потрясающий внук. С моей внешностью и твоими мозгами...

– Он может унаследовать мою внешность и твои мозги, – заметил Уэстклифф.

– Не будь пессимистом. Принеси бутылку бренди, и начнём строить планы.

Два старых друга ухмыльнулись друг другу и чокнулись бокалами.

КОНЕЦ

Текст представлен исключительно для ознакомления, после прочтения вы обязательно должны удалить его.

От автора

Дорогие друзья!

Должна вам признаться, что мой обожаемый муж Грег теперь отказывается сопровождать меня в Костко⁹. Как он заметил, каким бы коротким ни был мой список покупок, я начинаю в оцепенении бродить взад-вперёд по проходам, складывая в тележку огромные коробки и упаковки с ненужными товарами.

К моему огорчению, с тем же увлечением я копаюсь в книгах. Пока я писала "Дьявола во плоти", я изучила массу интересных фактов об острове Айлей, о перегоне виски. Часы пролетали незаметно, я слишком много читала и мало писала. Грег услужливо время от времени заглядывал ко мне в кабинет, замечал отсутствие у меня прогресса и кричал: "Держись подальше от Костко!" (Ну, может быть, он и не кричал, скорее эмоционально восклицал.)

Но если бы я не позволяла себе небольшие слабости, то никогда не узнала бы о викторианских чашках. Я про те, из которых пили усатые мужчины. В викторианскую эпоху культивировались искусно уложенные и завитые усы, для сохранения формы которых требовался воск. И когда эти вощёные усы оказывались вблизи от горячего чая или кофе, воск стекал в чашку. Фу! Однако в 1860-х годах эту унижительную дилемму решил британский гончар Харви Адамс: он изобрёл чашку с небольшим выступом внутри обода, чтобы защитить верхнюю губу мужчины от жара.

Выражение "хлеб на пене от эля" относится к приготовлению хлеба, который замешивали на пене от эля. В некоторых очень старинных рецептах пена значилась одним из ингредиентов.

⁹ Costco (Костко) - крупнейшая в мире сеть складов (магазинов) самообслуживания клубного типа.

В 1853 году шотландский врач Александр Вуд изобрёл шприц для подкожных инъекций с полый иглой, используя в качестве прототипа жало пчелы. Тем самым совершил прорыв в анестезиологии. Шприц применялся в других бесчисленных манипуляциях, включая вакцинацию. Спасибо доктору Вуду. (И спасибо пчёлам.)

Обманчиво маленький револьвер "Бульдог" представил миру Филипп Уэбли из английского Бирмингема в 1872 году. Пистолет со стволом всего 2,5 дюйма был разработан специально для ношения в кармане пальто, однако сила удара пули способна сбить человека с ног. В 1881 году рассерженный адвокат убил президента Джеймса Гарфилда из револьвера "Бульдог" бельгийского производства.

Прототипом винокурни Макрея стала известная винокурня на острове Айлей Бруихладдич. После того, как мы с Грегом посмотрели восхитительный документальный фильм под названием "Виски: золотая мечта" (думаю, он всё ещё доступен на Амазоне), я тут же загорелась идеей сделать героем хозяина винокурни. В производстве виски есть своя романтика и искусство. На его вкус влияет вода, которая участвует в приготовлении, вид древесины, из которого сделан бочонок, степень выдержки и тысяча других факторов.

Slàinte Mhath (слан-ге-вар), мои дорогие — это тост за ваше здоровье. Весь прошлый год я полагаюсь на вашу дружбу и поддержку и никогда не принимала их как должное. Всего самого хорошего!

Лиза.